

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

2

2019

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Заместитель
главного редактора** МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Ответственный
секретарь** МАЛЮГИН О. И. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by
- Белецкий С. В.** Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
- Бон Т.** Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
- Бородкин Л. И.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Волански Ф.** Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
- Жеребцов И. Л.** Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
- Линднер Р.** Констанцкий университет, Констанц, Германия.
- Упадуэй А.** Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
- Фишер Д.** Техасский университет в Браунсвилле, США.
- Фэн Ш.** Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
- Шмигель М.** Университет Матей Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
- Яновский О. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Бригадин П. И.** Институт бизнеса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Вабищевич А. Н.** Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
- Виддер Э.** Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
- Дук Д. В.** Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
- Карпов С. П.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Карпюк С. Г.** Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
- Коваленя А. А.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Колесник В. Ф.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Космач В. А.** Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
- Костюк М. П.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Кошелев В. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Лавринович Д. С.** Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
- Ларин М. В.** Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
- Локотко А. И.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Марзалюк И. А.** Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Мезга Н. Н.** Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
- Микнис Р.** Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
- Нечухрин А. Н.** Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Пилипенко М. Ф.** Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Туманс Х.** Латвийский университет, Рига, Латвия.
- Ходин С. Н.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Федосик В. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шадурский В. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шиндлинг А.** Институт истории Нового времени Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

- Галоўны рэдактар** **КАХАНОЎСКІ А. Г.** – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Намеснік галоўнага рэдактара** **МЕНЬКОЎСКІ В. І.** – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Адказны сакратар** **МАЛЮГІН А. І.** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by
- Бародкін Л. І.** Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т. Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Бялецкі С. В. Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
Валанскі Ф. Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жарабцоў І. Л. Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтру Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктыўкар, Рэспубліка Комі.
Лінднер Р. Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Упадуэй А. Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д. Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, ЗША.
Фэн Ш. Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагагічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М. Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

- Брыгадзін П. І.** Інстытут бізнесу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
- Вабішчэвіч А. М.** Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
- Відэр Э.** Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
- Дук Д. У.** Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
- Каваленя А. А.** Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Калеснік В. Ф.** Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
- Карпаў С. П.** Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
- Карпюк С. Г.** Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
- Касцюк М. П.** Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Космач В. А.** Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
- Кошалеў У. С.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Лакотка А. І.** Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Ларын М. В.** Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
- Лаўрыновіч Д. С.** Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
- Марзалюк І. А.** Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
- Мікніс Р.** Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
- Мязга М. М.** Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
- Нячухрын А. М.** Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
- Піліпенка М. Ф.** Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Туманс Х.** Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
- Ходзін С. М.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Фядосік В. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Шадурскі В. Г.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Шындлінг А.** Інстытут гісторыі Новага часу Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor;
dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk,
Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Deputy
editor-in-chief** **MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor;
professor at the department of Russian history, faculty of history,
Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Executive
secretary** **MALIUGIN O. I.**, PhD (history), docent; associate professor at the
department of ancient and medieval history, faculty of history,
Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: maliugin@bsu.by

- Beletsky S. V.** Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint
Petersburg, Russia.
- Bohn T.** Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
- Borodkin L. I.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Feng Sh.** School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of
the East China Normal University, Shanghai, China.
- Fisher D. C.** University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
- Lindner R.** University of Konstanz, Konstanz, Germany.
- Šmigel' M.** Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
- Upadhyay A.** Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New
Delhi, India.
- Wolański F.** Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
- Yanouski A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Zherebtsov I. L.** Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of
the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Bryhadzin P. I.** Institute of Business, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Duk D. V. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Fedosik V. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpov S. P. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G. Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzın S. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kolesnyk V. F. Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Koshelev V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A. Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kostyuk M. P. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Kovalenya A. A. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V. Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S. Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Lokotko A. I. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Marzaluk I. A. House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Miknys R. Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Pilipenko M. F. Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Schindling A. Institute of the Early Modern History, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Shadurski V. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H. University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N. Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E. Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ОТ РЕДАКЦИИ АД РЭДАКЦЫІ EDITORIAL

Сёлета спаўняецца 450 гадоў з моманту заключэння Люблінскай уніі і ўтварэння Рэчы Паспалітай. Дзяржаўны саюз 1569 г. завяршыў гісторыю персанальных уній паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Каронай Польскай, пачаткам якой было падпісанне Крэўскага акта 1385 г. Разам з тым 1 ліпеня 1569 г. у гісторыі Беларусі распачаўся новы, больш чым двухсотгадовы перыяд.

Гісторыя Рэчы Паспалітай надзвычай цікавая і адначасова вельмі неадназначная. Палітычная сістэма гэтай дзяржавы давала магчымасць шырокім колам шляхецтва ўдзельнічаць у абмеркаванні і вырашэнні найважнейшых пытанняў унутранай і знешняй палітыкі. Шляхта карысталася значнымі палітычнымі і сацыяльнымі правамі, у тым ліку правам абіраць караля польскага і вялікага князя літоўскага, а сама форма кіравання Рэчы Паспалітай – *monarchia mixta* – забяспечвала баланс паміж уладай манарха і вышэйшага саслоўя. Федэратыўная аснова новага дзяржаўнага ўтварэння дазваляла Вялікаму Княству Літоўскаму захаваць сваю дзяржаўнасць і частковы суверэнітэт. Аднак з сярэдзіны XVII ст. стварэнне магутных магнацкіх груповак, злоўжыванне залатымі шляхецкімі вольнасцямі, крызіс парламенцкай сістэмы, адсутнасць эфектыўнай выканаўчай улады і ўплыў знешніх фактараў прывялі Рэч Паспалітую да стану глыбокага заняпаду і ўвогуле яе ліквідацыі. Тым не менш рэформы, ухваленыя на Чатырохгадовым сойме 1788–1792 гг., асабліва прыняцце Канстытуцыі 3 мая 1791 г., сведчылі пра вялікі рэфарматарскі патэнцыял палітычных народаў ВКЛ і Польшчы. Не варта таксама забываць, што ў другой палове XVIII ст. у Рэчы Паспалітай выразна праявіліся тэндэнцыі да мадэрнізацыі састарэлага, яшчэ феадальнага эканамічнага і сацыяльнага ладу.

Рэч Паспалітая была дзяржавай шматканфесійнай і шматэтнічнай. Доўгі час палітычная сістэма, пабудаваная менавіта на прынцыпах шляхецкай

дэмакратыі, забяспечвала мірнае суіснаванне розных этнасаў і канфесійных груп. На жаль, паступовы адыход дзяржаўнай улады ад палітыкі рэлігійнай талерантнасці прывёў Рэч Паспалітую да вельмі цяжкіх сацыяльных канфліктаў XVII ст. Аднак супрацьстаянне паміж канфесіямі выклікала не толькі сутыкненні, але і актывізацыю культурнага жыцця. Так, рэлігійная палеміка канца XVI – пачатку XVII ст. вакол заключэння Берасцейскай уніі стала адным з самых значных інтэлектуальных працэсаў у гісторыі Рэчы Паспалітай. Нягледзячы на ўсе цяжасці і супярэчнасці, да канца XVIII ст. у дзяржаве працягвалі жыць побач вернікі розных хрысціянскіх і нехрысціянскіх канфесій, а таксама прадстаўнікі розных народаў.

Неадназначным быў перыяд Рэчы Паспалітай і для ўласна беларускага этнасу. Польская мова, якая стала мовай палітыкі, культуры, адукацыі і навукі, ужо з канца XVI ст. усё больш актыўна выцясняла старабеларускую мову з афіцыйнага ўжытку. Палітычныя эліты Вялікага Княства Літоўскага і вярхі мяшчанства імкліва апалячваліся. Аднак яшчэ да сярэдзіны XVII ст. беларуская мова займала трывалыя пазіцыі сярод шырокіх колаў павятовага шляхецтва, а ў асяроддзі простых гараджан і тым больш сялянства яна дамінавала і ў пазнейшыя часы. Уключэнне ў 1569 г. зямель Украіны ў склад Польшчы, з аднаго боку, аслабіла ВКЛ, але з іншага – паскорыла працэсы фарміравання асобных беларускага і ўкраінскага народаў. Цесныя сувязі Рэчы Паспалітай з Заходняй Еўропай паспрылі актыўнаму пранікненню на нашы землі заходнееўрапейскіх культурных уплываў, іх засвойванню і творчай перапрацоўцы на мясцовай аснове. У выніку на працягу XVII–XVIII стст. у Беларусі сфарміравалася адметная духоўная і матэрыяльная культура.

Прадстаўленыя ў тэматычным раздзеле нумара артыкулы закранаюць розныя аспекты гісторыі Рэчы Паспалітай. Уладзімір Падалінскі на прыкладзе

жыцця і дзейнасці двух звычайных віцебскіх шляхціцаў паказаў асноўныя формы сацыяльнай актыўнасці дробнай і сярэдняй шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў другой палове XVI ст., адлюстраванне уплыў ваенна-палітычных падзей 1560-х гг. на іх пазіцыю па пытанні заключэння уніі паміж ВКЛ і Польшчай у 1569 г. У матэрыяле Віталія Галубовіча прааналізаваны важныя кантэксты ўжывання тэрміна «унія» ў крыніцах канца XVI – XVII ст., а таксама механізм трансляцыі памяці пра Люблінскую унію і адносіны да яе з боку велікакняжацкай шляхты. Два артыкулы нумара прысвечаны падзеям Вялікай Паўночнай вайны 1700–1721 гг., якая, дарэчы, стала адным з найбольш значных фактараў канчатковага палітычнага і эканамічнага заняпаду Рэчы Паспалітай. У даследаванні Марыуша Савіцкага на аснове новых дыпламатычных крыніц, што захоўваюцца ў архівах Вялікабрытаніі і Польшчы, выяўлены важныя асаблівасці пачатковага этапу баявых дзеянняў у Лівоніі і Рэчы Паспалітай у час гэтай вайны. Аляксандр Слесарэнка праз крытычны аналіз крыніц робіць спробу аднавіць рэальную карціну баявых дзеянняў паміж шведскімі і расійскімі войскамі на землях Беларусі ў 1708 г. Нарэшце, Святлана Лугаўцова ў сваім артыкуле разглядае сацыяльна-эканамічныя параметры жыцця дробнай шляхты Лепельскага павета ў першыя дзесяцігоддзі пасля яго далучэння да Расійскай імперыі. Нумар часопіса, які чытач трымае ў руках, дазволіць

больш глыбока і ўсебакова зразумець спецыфіку гістарычнага развіцця беларускіх зямель у перыяд існавання Рэчы Паспалітай.

Яшчэ адзін раздзел бягучага нумара датычыцца гісторыі мастацтваў і прысвечаны памяці выдатнага навукоўца, былога дэкана гістарычнага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава Івана Іванавіча Тучкова, які сышоў з жыцця восенню 2018 г. У гэтым раздзеле размешчаны матэрыялы яго калег і вучняў, прысвечаныя шэрагу праблем перш за ўсё гісторыі мастацтва Італіі. У артыкуле А. С. Смаголь разглядаецца спецыфіка мастацкага вобраза *Volto del Cavallo* – рэнесанснага партала палаца д’Эстэ ў Ферары. Помнік аналізуецца ў кантэксце катэгорый часу, прасторы, славы і памяці, кожная з якіх была накіравана на ўмацаванне прэстыжу і права пераемнасці ўлады роду д’Эстэ ў рэгіёне. На адзін з ключавых пісьмовых помнікаў ферарскай кніжнай мініяцюры Ранняга Адраджэння – брэвіярыў Эрколе І д’Эстэ звярнула ўвагу Д. А. Чуркіна. На падставе яго вывучэння аналізуе асаблівасці развіцця класічнай традыцыі ў мастацтве Ферары ў гэты перыяд. Разгляду творчасці Мікеланджэла прысвечана даследаванне П. А. Алёшына, які аналізуе пытанне ўзаемаадносін паміж паэзіяй і скульптурай мастака, праблему незавершанасці некаторых яго позніх скульптурных твораў, а таксама прыводзіць пераклады некаторых паэтычных твораў Мікеланджэла.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

Белорусские земли в составе Речи Посполитой:
к 450-летию подписания Люблинской унии

Беларускія землі ў складзе Рэчы Паспалітай:
да 450-годдзя падпісання Люблінскай уніі

Belarusian Lands in the Polish-Lithuanian Commonwealth:
to the 450th anniversary of the signing of the Union of Lublin

УДК 94(476)(092)«15»Кісель+94(476)(092)«15»Гурка+94(438:474.5/476ВКЛ)«1569»

СОЦИАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ УЧАСТНИКА ЛЮБЛИНСКОГО СЕЙМА 1569 г.: ПЁТР КИСЕЛЬ И ТИМОФЕЙ ГУРКО

В. А. ПОДОЛИНСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются биографии Петра Киселя и Тимофея Гурко, представлявших на сейме 1569 г. Витебский повет и непосредственно участвовавших в заключении Люблинской унии. Долгое время в историографии внимание уделялось только самым влиятельным деятелям этого сейма. Однако свою роль в переговорах об унии сыграли и «ни-чем не примечательные» представители широких кругов поветового шляхетства Великого княжества Литовского. Интересы и представления, сознание и ценности, наконец, личный опыт этих людей непосредственно влияли на их общественно-политическую позицию, а значит, в той или иной степени и на жизнь всего государства. Цель исследования – на примере уникальных судеб двух витебских шляхтичей отразить важнейшие формы социальной

Образец цитирования:

Падалінскі УА. Сацыяльная біяграфія ўдзельніка Люблінскага сойма 1569 г.: Пётр Кісель і Цімафей Гурка. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2019;2:10–21.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-10-21>.

For citation:

Padalinski UA. The social biography of the Lublin Diet's participant (1569): Peter Kisel and Cimafej Hurka. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;2:10–21. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-10-21>.

Автор:

Владимир Алексеевич Подолинский – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета.

Author:

Uladzimir A. Padalinski, PhD (history), docent; head of the department of Belarus history of the ancient time and the Middle Ages, faculty of history.
ulpadalinski1978@gmail.com

активности мелкой и средней шляхты Великого княжества Литовского во второй половине XVI в. Показано влияние военно-политических событий 1560-х гг. на политическую деятельность Петра Киселя и Тимофея Гурко. Указано, что опыт Ливонской войны, безусловно, повлиял на их позицию по вопросу заключения унии между Великим княжеством Литовским и Королевством Польским в 1569 г. Сделан вывод, что именно кардинальные трансформации 1560-х гг. (государственные реформы в Великом княжестве Литовском, создание Речи Посполитой) дали родам Киселей и Гурко возможность активно включиться в общественную жизнь и на долгое время занять прочное место среди политической элиты Витебского повета. Подчеркивается, что подробное изучение биографий простых шляхтичей открывает новые перспективы в исследовании шляхетского сословия Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Люблинская уния; биография; Великое княжество Литовское; Речь Посполитая; шляхта; социальная активность.

САЦЫЯЛЬНАЯ БІЯГРАФІЯ ЎДЗЕЛЬНІКА ЛЮБЛІНСКАГА СОЙМА 1569 г.: ПЁТР КІСЕЛЬ І ЦІМАФЕЙ ГУРКА

У. А. ПАДАЛІНСКІ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца біяграфіі Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі, якія прадстаўлялі на сойме 1569 г. Віцебскі павет і непасрэдна ўдзельнічалі ў заключэнні Люблінскай уніі. Доўгі час у гістарыяграфіі ўвага надавалася толькі самым уплывовым дзеячам гэтага сойма. Аднак сваю ролю ў перамовах аб уніі адыгралі і «нічым не прыметныя» прадстаўнікі шырокіх колаў павятовага шляхецтва Вялікага Княства Літоўскага. Інтэрэсы і ўяўленні, свядомасць і каштоўнасці, нарэшце, асабісты вопыт гэтых людзей непасрэдна ўплывалі на іх грамадска-палітычную пазіцыю, а значыць, у той ці іншай ступені і на жыццё ўсёй дзяржавы. Мэта даследавання – на прыкладзе ўнікальных лёсаў двух віцебскіх шляхціцаў паказаць важныя формы сацыяльнай актыўнасці дробнай і сярэдняй шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў другой палове XVI ст. Адлюстраваны ўплыў ваенна-палітычных падзей 1560-х гг. на палітычную дзейнасць Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі. Адзначана, што вопыт Інфлянцкай вайны, безумоўна, паўплываў на іх пазіцыю па пытанні заключэння уніі паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Каронай Польскай у 1569 г. Зроблена выснова, што менавіта кардынальныя трансфармацыі 1560-х гг. (дзяржаўныя рэформы ў Вялікім Княстве Літоўскім, стварэнне Рэчы Паспалітай) далі родам Кісялёў і Гуркаў магчымасць актыўна ўключыцца ў грамадскае жыццё і на доўгі час заняць трывалае месца сярод палітычнай эліты Віцебскага павета. Падкрэсліваецца, што падрабязнае вывучэнне біяграфій простых шляхціцаў адкрывае новыя перспектывы ў даследаванні шляхецкага саслоўя Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя словы: Люблінская унія; біяграфія; Вялікае Княства Літоўскае; Рэч Паспалітая; шляхта; сацыяльная актыўнасць.

THE SOCIAL BIOGRAPHY OF THE LUBLIN DIET'S PARTICIPANT (1569): PETER KISEL AND CIMAFIEJ HURKA

U. A. PADALINSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article explores the biographies of Peter Kisel and Cimafej Hurka, who represented the Viciebsk district at the Diet of 1569 and directly participated in the conclusion of the Union of Lublin. For a long time in historiography, attention was paid only to the most influential figures of this Diet. However, the simple, «unremarkable» representatives of the wide circles of the Grand Duchy of Lithuania's nobility played their role in the negotiations on the union. Interests and ideas, conscious and values, and finally, the personal experience of these people directly determined their social and political position, and therefore, to one degree or another, the life of the entire state. The aim of research is to reflect the most important forms of social activity of the Grand Duchy of Lithuania's petty and middle nobility in the second half of the 16th century on the example of two Viciebsk noblemen's unique destinies. It shows the influence of the military and political events of the 1560s on political activities of Peter Kisel and Cimafej Hurka. The Livonian War's experience definitely influenced their position on the conclusion of the union between the Grand Duchy of Lithuania and the Polish Kingdom in 1569. The author concludes that it was the cardinal transformations of the 1560s (state reforms, the establishment of the Commonwealth) that allowed them to actively participate in a public life of the Grand Duchy of Lithuania. It also enabled Kisel and Hurka noble families to take a firm place among the political elite of the Viciebsk district for a long time. It is emphasized that a detailed study of «unremarkable» noblemen's biographies provides advanced research of the noble estate of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: the Union of Lublin; biography; the Grand Duchy of Lithuania; the Commonwealth; nobility; social activity.

Уводзіны

У ліпені 1569 г. на сойме ў Любліне паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Каронай Польскай была заключана унія. Утварэнне Рэчы Паспалітай сутнасна паўплывала як на геапалітычную сітуацыю ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе, так і на сацыякультурнае развіццё рэгіёна, у тым ліку і беларускіх зямель. Доўгі час даследчыкі разглядалі Люблінскую унію ў першую чаргу ў кантэксце маштабных агульнаеўрапейскіх ці рэгіянальных ваенна-палітычных, рэлігійных і эканамічных працэсаў. Звярталася таксама ўвага на ролю манарха – караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта Аўгуста – у стварэнні новай дзяржавы. Велікакняжацкую пазіцыю па ўнііным пытанні ў гістарычнай навуцы звычайна атаясамлівалі выключна з палітычнай пазіцыяй найбольш уплывовых дзеячаў ВКЛ, напрыклад Мікалая Радзівіла Чорнага, Мікалая Радзівіла Рудога або Яна Хадкевіча. Аднак сваю ролю ў перамовах аб уніі і яе заключэнні адыгралі і «нічым не прыметныя» прадстаўнікі шырокіх колаў павятовага шляхецтва Вялікага Княства Літоўскага. У ліку такіх асоб былі паслы Віцебскага павета на Люблінскі сойм 1569 г. Пётр Цімафеевіч Кісель і Цімафей Астаф’евіч Гурка.

Нягледзячы на тое што праца Люблінскага сойма 1569 г., які стаў сапраўднай кульмінацыяй унііных перамоў паміж ВКЛ і Польшчай 1560-х гг., мае вельмі багатую гістарыяграфію, персанальны склад велікакняжацкай дэлегацыі ў Любліне доўгі час заставаўся па-за ўвагай гісторыкаў. Манаграфіі, прысвечаныя найбольш славутым яе дэлегатам, такім як Мікалай Радзівіл Руды [1; 2] ці Мікалай Крыштаф Радзівіл Сіротка [3; 4], сітуацыю прыныцыпова не мянялі. Вялікае Княства Літоўскае было прадстаўлена на Люблінскім сойме (10 студзеня – 12 жніўня 1569 г.) дзвюма дэлегацыямі. Першы яе склад у знак пратэсту супраць жорсткай пазіцыі манарха і кароннага боку па пытанні заключэння уніі пакінуў соймавыя пасяджэнні ў ноч на 1 сакавіка 1569 г. Аднак у пачатку чэрвеня 1569 г. пад ціскам розных абставін, перш за ўсё пасля далучэння да Польшчы часткі ўкраінскіх зямель і Падляшша, прадстаўніцтва ВКЛ ужо ў значна змененым складзе вярнулася ў Люблін. Менавіта гэта велікакняжацкая дэлегацыя, у склад якой уваходзілі і віцебскія прадстаўнікі Пётр Кісель і Цімафей Гурка, падпісала акт Люблінскай уніі 1 ліпеня 1569 г. [5, с. 348–362] і з 2 ліпеня па 12 жніўня таго года працавала ўжо на першым вальным сойме Рэчы Паспалітай. Першая спроба стварыць калектыўны партрэт сенатараў і земскіх паслоў ВКЛ, якія бралі ўдзел у пасяджэннях Люблінскага сойма ўлетку 1569 г., была зроблена ў шэрагу публікацый [6–8]. Тым не менш паглыбленае вывучэнне жыцця і дзейнасці простых (нетытулаванных) велікакняжацкіх удзельнікаў унійнага сойма

застаецца досыць актуальнай задачай, паколькі інтарэсы і ўяўленні, свядомасць і каштоўнасці, нарэшце, асабісты вопыт гэтых людзей непасрэдна ўплывалі на іх грамадска-палітычную пазіцыю, а значыць, у той ці іншай ступені і на лёс усёй дзяржавы. Акрамя таго, біяграфічнае даследаванне дае выдатную магчымасць праз лёс асобнага чалавека ўбачыць сацыяльную сітуацыю, у якой ён існаваў [9, с. 46].

Біяграфіі Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі былі абраны для даследавання невыпадкова. З аднаго боку, гэтыя асобы з’яўляліся даволі тыповымі прадстаўнікамі нетытулаванай шляхты ВКЛ. Яны належалі да аднаго пакалення (нарадзіліся, напэўна, у 1520-я гг.), што дапамагае больш яскрава выявіць агульныя сацыяльныя рысы павятовага шляхецтва. Абодва мелі пэўны аўтарытэт у межах лакальнай шляхецкай карпарацыі, але не зрабілі бліскучай палітычнай кар’еры і іх немагчыма залічыць да выдатных прадстаўнікоў сваёй эпохі. Аднак гістарычныя абставіны і, відаць, асабісты здольнасці паўплывалі на тое, што менавіта яны прадстаўлялі Віцебскі павет на лёсавызначальным Люблінскім сойме 1569 г. Да таго ж дзейнасць Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі была звязана з Віцебшчынай, якая мела адметныя традыцыі сацыяльнага і палітычнага жыцця (гл., напрыклад, [10, с. 50–59]). Такім чынам, **мэта** артыкула – на прыкладзе жыцця і дзейнасці Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі паказаць як унікальны лёс двух віцебскіх шляхціцаў, так і характэрныя рысы сацыяльнай актыўнасці дробнага і сярэдняга шляхецтва Вялікага Княства Літоўскага.

Асобных біяграфічных даследаванняў, прысвечаных Пятру Кісялю або Цімафею Гурку, на дзены момант няма. Важная, праўда, не заўсёды дакладная інфармацыя пра іх жыццёвы шлях утрымліваецца ў генеалагічных работах польскіх гісторыкаў XVIII – пачатку XX ст. Каспара Нясецкага, Адама Банецкага, Тэадора Жыхліньскага [11–14]. Найноўшая генеалогія роду Гуркаў была выдадзена ў канцы XX ст. расійскім даследчыкам Андрэем Нарбутам [15]. У сваю чаргу, у пачатку XXI ст. убачыў свет зборнік матэрыялаў, прысвечаны Адаму Кісялю, вядомаму праваслаўнаму грамадска-палітычнаму дзеячу Рэчы Паспалітай, кіеўскаму ваяводу (1649–1653) [16]. У выданні змешчана таксама генеалогія роду Кісялёў [16, с. 11–17, 124–131]. Грамадскае становішча некалькіх пакаленняў роду Гуркаў у Віцебскім павеце было выкарыстана польскай даследчыцай Тэрэзай Зяліньскай у якасці аднаго з прыкладаў для аналізу ролі публічных (сенатарскіх і павятовых) урадаў у развіцці шляхецкага грамадства Рэчы Паспалітай у XVI–XVIII стст. [17].

Асноўнымі **крыніцамі** даследавання сталі разнастайныя дакументальныя матэрыялы, галоўным

чынам выдадзеныя ў спецыяльных зборніках. Да гэтага часу фактычна не захаваліся крыніцы індывідуальнага характару ці персанальныя тэксты, звязаныя з жыццём Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі (напрыклад, асабістыя лісты, дзённікі, тастаменты і г. д.). Адпаведна, рэканструкцыя ўнутранага, псіхалагічнага свету гэтых шляхціцаў папросту немагчымая. Таму ў межах артыкула была зробле-

на спроба стварыць найперш сацыяльную (сацыяльна-гістарычную) біяграфію [18, с. 287–324] Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі: паказаць ролю гэтых «непрыметных» асоб у гістарычных падзеях другой паловы XVI ст. і праз іх асабісты лёс, а таксама лёс іх бліжэйшых нашчадкаў адлюстраваць характэрныя рысы сацыяльнага жыцця тагачаснага шляхецкага грамадства ВКЛ.

Вынікі і іх абмеркаванне

Род Гуркаў, вядомы ўжо ў XV ст., паходзіў з мясцовага віцебскага баярства¹ [15, с. 4–5] (гл. таксама [11, с. 396–397; 13, с. 95]). Астафей Гурка, бацька Цімафея, у 1550-я гг. займаў важны на лакальным узроўні грамадскага жыцця ўрад віцебскага харужага [15, с. 5; 19, с. 105–106]. Сам Цімафей быў жанаты з полацкай шляхціцкай Ганнай Глебаўнай [15, с. 5; 20, с. 129–130]. У сваю чаргу, род Кісялёў належаў да баярства Валынскай зямлі, а згодна з родавымі генеалагічнымі паданнямі – да нашчадкаў Святольда, гетмана кіеўскага князя Уладзіміра Святаслава [12, с. 95–98; 13, с. 124–125; 14, с. 109–114; 16, с. 11–15, 124–125]. Паводле назвы аднаго з вотчынных маёнткаў Дарагінічы на Валыні прадстаўнікі роду карысталіся прозвішчам Кісялі-Дарагініцкія. Першыя зямельныя ўладанні на Віцебшчыне прыблізна ў сярэдзіне XVI ст. мог мець ужо бацька Пятра Цімафея (Ціхна) Кісель². Пётр Кісель узяў шлюб з Марынай з роду Соваў [16, с. 129] і паступова замацаваўся сярод абывацеляў Віцебскага павета, стаўшы, па сутнасці, пачынальнікам віцебскай галіны роду. Урыўкавыя даныя пра землеўладанне Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі дазваляюць аднесці іх да катэгорыі дробнай шляхты ВКЛ [8, с. 150–153, 185, 187].

Пачатак другой паловы XVI ст. стаў паваротным момантам у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Па-першае, у 1558 г. дзяржава ўступіла ў Інфлянцкую вайну, а ў 1562–1564 гг. усходнія землі ВКЛ, асабліва беларускае Падзвінне, аказаліся самай значнай арэнай баявых сутыкненняў з войскамі Маскоўскай дзяржавы. У маі 1562 г. Віцебск вытрымаў аблогу маскоўскага войска, але ў лістападзе 1564 г. маскоўцы захапілі замак Азярышча, які займаў стратэгічнае становішча на поўначы Віцебскага павета [21, с. 53–95]. Страта ў лютым 1563 г. Полацка і акупацыя фактычна ўсёй правабярэжнай Полаччыны прывялі да таго, што Віцебскі павет апынуўся амаль з усіх бакоў аточаным тэрыторыяй, якая была захоплена ворагам. Вайна непасрэдна

закранула жыццё Цімафея Гуркі і Пятра Кісяля. Ужо ўзімку 1561–1562 гг. Цімафей Гурка павінен быў даставіць віцебскім войту і мяшчанам гаспадарскія лісты аб выдачы пабораў і мыта, ухваленых на сойме ВКЛ у лістападзе 1561 г. [22, с. 625–628, прыложэння, с. 103]. Значную ролю ў справе абароны Віцебскага павета павінен быў адыгрываць і Пётр Кісель, які з верасня 1565 г. згадваецца як віцебскі гараднічы³. Адпаведна, ён адказваў за ўзвядзенне і рамонт абарончых збудаванняў у Віцебску, забяспечэнне віцебскіх замкаў харчаваннем і зброяй, у некаторых выпадках мог нават узначальваць іх абарону. І хаця прамых сведчанняў у захаваных крыніцах няма, аднак мяркуем, што і Пётр Кісель, і Цімафей Гурка асабіста бралі ўдзел у баявых дзеяннях супраць маскоўскіх войскаў. Акрамя таго, абодва атрымалі асабісты негатыўны досвед вайны. Зямельныя ўладанні Пятра Кісяля былі спустошаны ў выніку нападу маскоўскіх войскаў на Віцебшчыну⁴, хутчэй за ўсё, у час паходу 1562 г. А маёнткі Цімафея Гуркі, якія знаходзіліся ў Полацкай зямлі (часткі ва ўладаннях Ветрына і Нача), увогуле апынуліся пад маскоўскай акупацыяй [15, с. 5; 22, с. 98].

Па-другое, у 1540–50-я гг. частка сярэдняй і дробнай шляхты імкнулася павялічыць сваю ролю ў палітычным жыцці Вялікага Княства Літоўскага (гл., напрыклад, [22, с. 509–609; 24, с. 37–39]). І толькі ў 1560-я гг. гэта барацьба пачынае прыносіць свае вынікі. Цяжкае становішча ў Інфлянцкай вайне і адсутнасць мужчынскіх нашчадкаў падштурхнула караля і вялікага князя Жыгімонта Аўгуста да ўмацавання ўнііных сувязей паміж Польшчай і ВКЛ. У сваю чаргу, для заключэння новай уніі неабходна было зблізіць палітычны лад абедзвюх краін. У выніку маштабныя рэформы, праведзеныя ў Вялікім Княстве Літоўскім у 1564–1566 гг., перш за ўсё ўтварэнне выбарных мясцовых судаў і павятовых соймаў, значна пашыралі магчымасці простае шляхты ўдзельнічаць у палітычным жыцці

¹Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилёвской (ИЮМ) : в 32 вып. Вып. 28, ч. 2 : Оршанский гербовник / под ред. Д. И. Довгялло. Витебск : Губ. Типо-Литография, 1900. С. 56.

²Прынамсі, у 1586 г. сыны П. Кісяля прадавалі ўладанне Мокрае Поле, якое знаходзілася ў Віцебскім павеце, як сваё «именное властное, отчизное и дедичное» (ИЮМ. Вып. 21 / под ред. В. Веревкина. Витебск : Типо-Литография Г. А. Малкина, 1891. С. 470). Адпаведна, гэты маёнтак мог належаць яшчэ іх дзеду Ц. Кісялю.

³Документы Московского архива Министерства юстиции (ДМАМО). Т. 1. М. : Т-во тип. А. Мамонтова, 1897. С. 192.

⁴Нац. гіст. арх. Беларусі ў Мінску (НГАБ). КМФ-18. Воп. 1. Спр. 268. Арк. 467 адв. (гл. таксама: ИЮМ. Вып. 21. С. 259).

і ўплываць на прыняцце рашэнняў як на лакальным, так і на агульнадзяржаўным узроўні (гл., напрыклад, [24, с. 39–41, 45–63; 25, с. 27, 30–34]). Для шляхты ўсходняга памежжа ВКЛ, у тым ліку Віцебшчыны, непасрэдным досвед вайны (часта негатыўны) і дзяржаўныя рэформы былі важнымі фактарамі актывізацыі яе палітычнай дзейнасці.

У канцы лета – пачатку восені 1565 г. да Жыгімонта Аўгуста ў Гародню прыбыла адмысловая дэлегацыя Віцебскай зямлі, якая прадставіла манарху цэлы шэраг просьбаў, звязаных выключна з ваеннай праблематыкай [22, с. 683–684]⁵. У склад гэтай дэлегацыі ўваходзіў і віцебскі гараднічы Пётр Кісель. Праз сваіх прадстаўнікоў віцебскія абывацелі прасілі гаспадара накіраваць на Віцебшчыну войска ВКЛ, каб абараніць яе ад магчымага нападу з боку Маскоўскай дзяржавы, а таксама правесці рамонт замкаў у Віцебску і Суражы ды забяспечыць іх зброяй, харчаваннем і жывой сілай. Для лепшай арганізацыі абароны віцебская дэлегацыя прапаноўвала загадаць мясцовым ротмістрам праводзіць перад ваяводам рэгулярныя агляды сваіх рот, «ижъ бы уставичне врадъ его королевское милости замковый ведалъ о готовности людей, яко на замку украинномъ», закрыць у Віцебску ўсе корчмы і забараніць выраб гарэлкі ды нават знесці, «сказити» там Ніжні горад. Таксама выказваўся цэлы шэраг скаргаў на жаўнераў і ротмістраў. Увогуле дадзеныя просьбы паказваюць вельмі цяжкае эканамічнае становішча Віцебскай зямлі ва ўмовах пастаянных баявых дзеянняў. Пасля захопу Азярышчаў паўночная частка Віцебскага павета была пад кантролем ворага. А на свабодных землях уласныя жаўнеры набывалі ў мясцовага насельніцтва прадукты харчавання па заніжаным кошце, а часам і проста рабавалі яго: «Земля Витебская есть отъ неприятелей, также и отъ людей нашихъ служебныхъ знищона... зачимъ подданные з места и зъ сель розышлись, а иные ся разыходять»⁶.

З аднаго боку, абранне ў склад дэлегацыі сведчыць пра давер віцебскіх абывацеляў да Пятра Кісяля. З другога боку, даручэнні, якія віцебскі гараднічы атрымаў ад Жыгімонта Аўгуста па выніках разгляду гэтых просьбаў, паказваюць, што ён меў падобны давер і цэнтральнай улады. Так, Пётр Кісель павінен быў паехаць у Вільню да мясцовага гараднічага, каб адтуль даставіць на замкі ў Віцебску і Суражы «порохи, кули и селетру». Акрамя таго, віцебскі гараднічы прызначаўся адказным за дастаўку ў Віцебск харчовых запасаў: «...зъ замку Борисовского пятьсотъ бочокъ жита и къ тому сто быдла»⁷. Варта таксама звярнуць увагу на склад гэтай дэлегацыі. У яе ўваходзілі мясцовы

ротмістр князь Павел Друцкі-Саколінскі, віцебскі гараднічы Пётр Кісель і войт Віцебска Сцяпан Лускіна, а гаспадарскі адказ быў дадзены «справцы» (выконваючаму абавязкі) віцебскага ваяводы, падстолю ВКЛ Станіславу Пацу і «княземъ, паномъ, бояромъ, шляхте и всимъ мещаномъ витебскимъ»⁸. Відавочна, што гэтая дэлегацыя была накіравана да Жыгімонта Аўгуста з абласнога сойма Віцебскай зямлі, інстытут якога працяглы час быў адным з найважнейшых фактараў захавання палітычнай і прававой адметнасці зямель-абласцей у складзе ВКЛ (гл., напрыклад, [26, с. 93–95]). І калі князь Павел Друцкі-Саколінскі прадстаўляў мясцовую знаць (князёў і паноў), а Сцяпан Лускіна рэпрэзентаваў віцебскае мяшчанства, то Пётр Кісель з'яўляўся прадстаўніком баяр і шляхты, гэтая значыць шырокіх колаў простага, павятовага шляхецтва.

Аднак гэты абласны сойм, які адбыўся прыблізна летам 1565 г., быў, напэўна, апошнім падобным сходам у Віцебску. На сойме 1565–1566 гг. у паведах ВКЛ уведзіліся перадсоймавыя соймікі, а Статут 1566 г. замацаваў за шляхтай выключнае права на ўдзел у іх працы [24, с. 47–48; 27, с. 79–80]. Відаць, карыстаючыся гэтымі новаўвядзеннямі, віцебская шляхецкая эліта даволі хутка замацавала сваю манаполію на палітычную ўладу ў павеце, а абласныя соймы былі заменены павятовымі соймікамі. Ужо на вальным сойме ВКЛ 1566 г. Віцебскі павет прадстаўлялі толькі два шляхціцы: мясцовыя земскі суддзя Іван Багушэвіч і гараднічы Пётр Кісель [22, с. 754]. Той факт, што віцебскі гараднічы зноў стаў соймавым паслом, сведчыць пра яго аўтарытэт у асяроддзі мясцовай шляхецкай карпарацыі.

І на гэты раз частка просьбаў віцебскага сойміка датычылася ваеннай праблематыкі. Шляхта прасіла Жыгімонта Аўгуста надаць павету адмысловую харугву, арганізаваць рамонт і забеспячэнне зброяй замкаў у Віцебску і Суражы, вызваліць яе ад выплаты пагалоўнага падатку і абараніць ад злоўжыванняў з боку жаўнераў⁹. Дарэчы, менавіта па просьбе віцебскіх паслоў кароль і вялікі князь выдаў у канцы жніўня 1566 г. земскаму падскарбію ВКЛ Мікалаю Нарушэвічу спецыяльны ліст. Паводле гэтага ліста, земскі скарг, у адпаведнасці з судовым рашэннем віцебскага ваяводы Станіслава Паца і гаспадарскага пасланца Андрэя Харытановіча-Абрынскага, павінен быў кампенсавать «земяномъ витебскимъ» усе шкоды, нанесеныя ім размешчанымі на замку ў Віцебску ротмістрамі і іх падначаленымі [28, р. 67–68].

Аднак былі ў інструкцыі віцебскім паслам і даручэнні палітычнага характару. Важна падкрэсліць, што адной з асноўных задач вальнага сойма

⁵ДМАМЮ. Т. 1. С. 192–196.

⁶Там же. С. 194.

⁷Там же. С. 193–195.

⁸Там же. С. 192.

⁹Там же. С. 203–204.

1566 г. у Берасці, побач з забеспячэннем абароны дзяржавы і паправай новага Статута ВКЛ 1566 г. [22, с. 738–752], было абмеркаванне ўмоў уніі паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Каронай Польскай. У гаспадарскіх соймавых лістах на павятовыя соймікі, якія склікаліся на 10 красавіка 1566 г., прадугледжвалася, што паны-рада і земскія паслы ВКЛ з Берасця накіруюцца на мяжу з Польшчай, дзе адбудзецца сумесны з кароннымі сенатарамі і пасламі сойм «для постановення skutочного въ справахъ, унеи сполной, братской, одностайной милости, згоде належачихъ» [22, приложения, с. 164–167]. І хаця ў тым годзе такія супольны сойм не адбыўся [29, с. 46–47], шляхта Віцебскага павета ў сваіх просьбах да гаспадара нагадвала, што накіравала Пятра Кісяля і Івана Багушэвіча на сойм таксама і для «намовы около унеи»¹⁰. Відавочна, ужо ў 1566 г. віцебская шляхта была гатова да заключэння новай уніі [30, с. 377]. Сапраўды, жывучы на памежжы з Маскоўскай дзяржавай і асабіста зведаўшы ўсе цяжкасці ваеннага часу, яна магла бачыць у дзяржаўным саюзе з Польшчай рэальную магчымасць пераламіць сітуацыю ў вайне на карысць ВКЛ. І адным з прадстаўнікоў, якому шляхта Віцебскага павета гатова была даручыць непасрэдны ўдзел ва ўнійных перамовах яшчэ ў 1566 г., з'яўляўся Пётр Кісель. Праўда, наяўныя на дадзены момант крыніцы не дазваляюць даць адказ на прынцыповае пытанне: на якія ўмовы уніі магла згадзіцца віцебская шляхта ў 1560-я гг.? У верасні 1568 г. 6-тысячнае маскоўскае войска зноў падышло да Віцебска. На трэці дзень аблогі, у тым ліку праз актыўнае супраціўленне абаронцаў, вораг вымушаны быў адступіць ні з чым [21, с. 109]. Аднак гэта падзея магла толькі ўмацаваць праўніныя настроі ў асяроддзі мясцовай шляхты.

Важна, што ўтварэнне ў паветах ВКЛ выбарных земскіх судов, абвешчанае Бельскім прывілеем 1 ліпеня 1564 г. [31, р. 59–63], таксама дазволіла выявіць у межах павятовых шляхецкіх карпарацый аўтарытэтных і папулярных асоб. На вальным сойме ў Берасці ў красавіку – жніўні 1566 г. паслы Віцебскага павета ад імя сваіх выбарцаў дзякавалі Жыгімонту Аўгусту за тое, што ён «врадниковъ земскихъ в поветехъ причинити рачиль», перш за ўсё ўраднікаў павятовага суда, а таксама прасілі караля і вялікага князя прызначыць на пасаду віцебскага земскага пісара аднаго з чатырох абраных шляхтай кандыдатаў. Гаспадар выканаў гэту просьбу і намініраваў «на тотъ урядъ писарский» Васіля Багдановіча¹¹. Хутчэй за ўсё, кандыдаты на паса-

ду пісара былі абраны на перадсоймавым сойміку ў Віцебску 10 красавіка 1566 г. [22, приложения, с. 167; 24, с. 55]. Гэта адпавядала нормам новага Статута ВКЛ, які ўступаў у дзеянне з 1 сакавіка 1566 г. і ўводзіў у паветах элекцыйныя соймікі для выбараў ураднікаў мясцовых судов [27, с. 96–98]. А вось земскі суддзя і падсудак, відаць па ўсім, былі абраны ў Віцебскім павеце яшчэ да вясны 1566 г. На сойме ў Берасці адным з віцебскіх паслоў з'яўляўся земскі суддзя Іван Багушэвіч¹². Паколькі на гэтым сойме паслы Віцебскага павета ўздымалі пытанне толькі аб урадзе мясцовага пісара, можна меркаваць, што на той момант ужо была занята і пасада віцебскага земскага падсудка. Паводле беларускага гісторыка А. Шаланды, да ўвядзення ў дзеянне Статута ВКЛ 1566 г. выбары павятовых судовых ураднікаў маглі адбывацца або на ваенна-палявым сойме пад Менскам у лістападзе – снежні 1564 г., або на вальным сойме ў лістападзе 1565 – студзені 1566 г. у Вільні [32, с. 22, 24–26]. Пры гэтым яшчэ да восені 1565 г. на Віцебшчыне, хутчэй за ўсё, захоўваліся ранейшыя прынцыпы арганізацыі палітычнага жыцця, характэрныя для папярэдняга гістарычнага перыяду. Таму, верагодна, элекцыя і зацвярджэнне віцебскіх земскіх суддзі ды падсудка маглі адбыцца на Віленскім сойме 1565–1566 гг. І першым земскім падсудкам у Віцебскім павеце стаў Цімафей Гурка [31, р. 149; 33, с. 52–53]. Факт абрання ў першы склад віцебскага земскага суда, безумоўна, сведчыць пра яго сур'ёзны аўтарытэт у асяроддзі павятовай шляхты. Адметна, што шляхта Віцебскага павета даволі хутка завяршыла фарміраванне складу мясцовага земскага суда. І гэта не павінна здзіўляць, паколькі ідэя рэфармавання судовай сістэмы ВКЛ на лакальным узроўні была тут даволі папулярнай. Так, яшчэ на вальным сойме 1558 г. віцебскія прадстаўнікі прасілі Жыгімонта Аўгуста прызначыць ім суддзю і «прысяжнаго» пісара для ажыццяўлення «борзейшое справедливости»¹³. Гэта дазваляе меркаваць пра даволі высокі ўзровень палітычнай культуры найбольш сацыяльна актыўнай часткі мясцовай шляхецкай супольнасці.

Яшчэ ў жніўні 1566 г. Жыгімонт Аўгуст у сваім адказе абыяцелям Віцебскага павета прасіў іх абраць на будучы супольны з Польшчай сойм такіх прадстаўнікоў, якія б у перамовах аб уніі «з уттивостью и пожиткомъ земскимъ поступовати умели»¹⁴. Вясной 1569 г., напярэдадні павятовых соймаў у ВКЛ, манарх звяртаўся да шляхты з просьбай выбраць у новы склад велікакняжацкай дэлегацыі

¹⁰ДМАМЮ. Т. 1. С. 202.

¹¹Там же. С. 203.

¹²Там же. С. 202.

¹³А вось збор розных судовых выплат прасілі пакінуць у адпаведнасці з мясцовымі правамі: «Паметное, вижовое и децкованое водле привилеевъ и вольностей вашихъ брати» (Русская историческая библиотека (РИБ) : в 39 т. Т. 30. Литовская метрика. Отдел первый – второй. Ч. 3. Книги публичных дел / под ред. И. И. Лаппо. Юрьев : Изд-во Акад. наук, 1914. Стб. 293–294).

¹⁴ДМАМЮ. Т. 1. С. 202–203.

«пословъ людей бачныхъ годныхъ», «ростропныхъ» з неабмежаванымі паўнамоцтвамі ў справах заключэння уніі і арганізацыі абароны [22, прыложения, с. 219, 224]. Пры гэтым у абодвух выпадках Жыгімонт Аўгуст абяцаў захоўваць у новым саюзе роўнасць паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Каронай Польскай. У выніку на сойміку ў Віцебску, які мусіў адбыцца 10 мая 1569 г., пасламі на сойм у Любліне сталі Пётр Кісель і Цімафей Гурка¹⁵. Відаць, шляхецкая карпарацыя Віцебскага павета на той момант менавіта іх лічыла асобамі годнымі і разважлівымі, здольнымі прымаць рашэнні, што прынясуць карысць як усёй дзяржаве, так і іх павету.

Ёсць усе падставы сцвярджаць, што Пётр Кісель ды Цімафей Гурка карысталіся пэўным даверам і ў велікакняжацкай улады. Так, у лістападзе 1568 г., перад прынцыпова важным уніёвым соймам у Любліне, функцыі гаспадарскага пасла на сойміку Віцебскага павета па даручэнні Жыгімонта Аўгуста выконваў якраз Цімафей Гурка. Ён жа стаў гаспадарскім паслом, адпаведна, прадстаўляў пазіцыю манарха і на павятовым сойміку ў Віцебску, скліканым у маі 1569 г. [22, прыложения, с. 207, 222]. На гэтым сойміку, дарэчы, ён і сам быў абраны соймавым паслом. Як гаспадарская служба, гэта значыць выкананне даручэнняў непасрэдна караля і вялікага князя, у тагачасным грамадстве разглядалася трыманне пасады гараднічага. Напрыклад, летам 1570 г. Пётр Кісель ехаў з Луцка ў Віцебск менавіта «для службы господарское»¹⁶. Варта памятаць і пра вялікую адказнасць, якая ўскладалася на ўрад гараднічага ва ўмовах вайны ды ў памежным павеце. Паслы Віцебскага павета, верагодна, таксама мусілі быць даволі лагальнымі да палітыкі караля і вялікага князя. Можна меркаваць, што і віцебскі гараднічы, і віцебскі земскі падсудак у сваёй палітычнай дзейнасці абавіраліся найперш на прыхільнасць манарха, а таксама на аўтарытэт сярод мясцовага шляхецтва. Дарэчы, звестак пра якія-небудзь трывалыя кліентальныя сувязі Пятра Кісяля або Цімафея Гуркі з нейкім магнацкім родам ВКЛ ці Польшчы няма. Падобная стратэгія палітычнай дзейнасці, хутчэй за ўсё, непасрэдна паўплывала на іх абранне вясной 1569 г. земскімі пасламі на вырашальны ўніёвы сойм у Любліне. Праведзены раней аналіз земскага прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 г. паказаў, што больш за палову велікакняжацкіх паслоў захоўвалі даволі цесныя сувязі з гаспадарскім дваром і, адпаведна, манарх меў значны ўплыў на соймавую дзейнасць павятовых прадстаўнікоў у Любліне [8, с. 172–177].

Карыстаючыся даверам як манарха, так і лакальнай шляхецкай супольнасці, шляхціцы маглі больш актыўна і самастойна ўдзельнічаць у сацыяльным жыцці ў маштабе павета, рэгіёна і ўсёй дзяржавы.

Склад велікакняжацкага земскага прадстаўніцтва на Люблінскім сойме ўлетку 1569 г. даволі аб'ектыўна адлюстроўваў сацыяльную, маёмасную і этнаканфесійную структуру тагачаснага шляхецкага грамадства Вялікага Княства Літоўскага. Пераважная большасць паслоў з ваяводстваў і паветаў ВКЛ, а з усходніх рэгіёнаў (Віцебскі, Аршанскі, Менскі, Рэчыцкі паветы, Мсціслаўскае ваяводства) абсалютная большасць, адносіліся да дробнай у маёмасным плане, простаі шляхты [8, с. 183–187]. Менавіта да такой катэгорыі належалі і прадстаўнікі Віцебскага павета. Гэтыя даныя выразна паказваюць, што, у адрозненне ад прыдворных або вышэйшых земскіх ураднікаў, небагатыя прадстаўнікі нязнатнага павятовага шляхецтва фактычна не мелі іншых шляхоў рэальнага ўдзелу ў палітычным жыцці дзяржавы, акрамя выканання функцыі соймавых паслоў. Як і амаль усе паслы з усходніх паветаў ВКЛ, Пётр Кісель і Цімафей Гурка мелі ўсходнеславянскае этнічнае паходжанне [8, с. 188–193]. З вялікай доляй упэўненасці можна гаварыць аб праваслаўным веравызнанні абодвух паслоў Віцебскага павета [8, с. 194–195], што, у сваю чаргу, дазваляе меркаваць пра яшчэ даволі моцныя пазіцыі праваслаўнай шляхты ў лакальных палітычных элітах усходніх рэгіёнаў ВКЛ у трэцім чвэрці XVI ст.

Як і большасць велікакняжацкіх паслоў на сойме ў Любліне, Пётр Кісель і Цімафей Гурка з'яўляліся павятовымі ўраднікамі [8, с. 166–168]. Сярод лакальных ураднікаў, прадстаўленых на сойме, значная колькасць была звязана з працай судовай сістэмы ВКЛ, асабліва павятовых судов. Можна нават казаць пра адносна высокі ўзровень прававых ведаў і прававой культуры земскага прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 г. [8, с. 168–169]. Гэта сцверджанне можна аднесці і да абодвух паслоў Віцебскага павета. Нагадаем, што Цімафей Гурка з'яўляўся віцебскім земскім падсудкам і мусіў быць «въ праве умеетнымъ», гэта значыць добра абазнаным у тагачасным заканадаўстве і судаводстве. У сваю чаргу, Пётр Кісель вызначаўся здольнасцю паспяхова выкарыстоўваць свае прававыя веды на практыцы. Так, у верасні 1566 г. у гаспадарскім судзе ён выйграў у зямяніна Валынскай зямлі Івана Барзабагатага справу аб арэндзе царкоўнага маёнтка Пяці-Каровы¹⁷ [28, р. 90–91]. У кастрычніку 1569 г. у земскім судзе Уладзімірскага павета Валынскага

¹⁵На жаль, інфармацыі пра тое, хто мог прадстаўляць Віцебскі павет на Люблінскім сойме ў студзені – лютым 1569 г., выявіць не ўдалося.

¹⁶Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов (АЮЗР) : в 8 ч. Ч. 8, т. 6. Акты о землевладении в Юго-Западной России XV–XVIII вв. Киев : Унив. тип., 1911. С. 297.

¹⁷Сума арэнды, якую І. Барзабагаты павінен быў выплаціць П. Кісялю, складала 100 коп літоўскіх грошай, а само ўладанне Пяці-Каровы ўключала ў сябе 10 сялянскіх службаў (АЮЗР. Ч. 8, т. 6. С. 283–285, 295–298).

ваяводства разбіраўся канфлікт паміж князем Дзмітрыем Казекам і братамі Пятром ды Андрэем Кісялямі. Дзмітрый Казека скардзіўся, што браты Кісялі незаконна трымаюць і распрацоўваюць частку яго «именя отчизного» Калонае. Аднак адказчыкі, пісьменна карыстаючыся папярэднімі судовымі пастановамі і адпаведнымі артыкуламі Статута ВКЛ 1566 г., давалі перад судом, што «грунт Колоновский» з'яўляецца неад'емнай часткай іх вотчыннага ўладання Дарагінічы яшчэ «за деда и отца нашего»¹⁸. Прычым матэрыялы разбіральніцтва дазваляюць меркаваць, што пазіцыю братоў Кісялёў у судзе прадстаўляў менавіта Пётр. Нарэшце, у лютым 1572 г. зноў у гаспадарскім судзе Пётр Кісель выйграў справу супраць сакольнікаў віцебскага замка Багдана Івановіча і Сцяпана Мартыновіча пра некаторыя землі с. Глінчынічы¹⁹. Ва ўсіх гэтых судовых працэсах ён прадэманстраваў сваё вельмі добрае веданне «права посполитого и статуту земского». Ускосна пра ўзровень прававой падрыхтоўкі Пятра Кісяля можа сведчыць сам трыманы ім урад, паколькі традыцыйна віцебскі гараднічы браў удзел у пасяджэннях замкавага суда ў Віцебску на чале з мясцовым ваяводам (гл., напрыклад, [34, с. 68, 76, 82, 84, 87]).

Абодва прадстаўнікі Віцебскага павета 1 ліпеня 1569 г. у Любліне падпісалі і замацавалі сваімі пячаткамі акт уніі паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Каронай Польскай [5, с. 351, 354, 356]. Звесткі пра далейшую дзейнасць Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі на першым вальным сойме Рэчы Паспалітай (2 ліпеня – 12 жніўня 1569 г.) надзвычай абмежаваныя. Аднак вядома, што ў Любліне яны выступілі ў абарону правоў віцебскай павятовай шляхты. Па просьбе сваіх выбарцаў паслы падалі на разгляд Жыгімонта Аўгуста скаргу на свавольствы віцебскага ваяводы Станіслава Паца. Яны заяўлялі, што ваявода і яго слугі ўжывалі супраць шляхты пагрозы і фізічную сілу. Сярод іншага скардзіліся, што Станіслаў Пац без выдання позваў выклікаў шляхціцаў у гродскі суд і нават «по змерлых маётности на себе от жонь и детей забирати мель»²⁰. Па выніках скаргі кароль і вялікі князь заклікаў віцебскага ваяводу дзейнічаць у адпаведнасці з правам і абяцаў накіраваць у Віцебскі павет спецыяльных камісараў для разгляду ўсіх заяўленых абвінавачванняў [8, с. 115–116]. Такім чынам, у канфлікце мясцовай шляхты з дзяржаўнай адміністрацыяй Пётр Кісель і Цімафей Гурка выступілі ў якасці сапраўдных і, адпаведна, аўтарытэтных прадстаўнікоў інтарэсаў лакальнай шляхецкай супольнасці. Акрамя таго, дадзены выпадак свед-

чыць пра тое, што вальны сойм быў тым форумам, на якім павятовае шляхецтва магло знайсці ў земскіх паслоў і, галоўнае, у манарха абарону ад злоўжыванняў з боку дзяржаўных ураднікаў ды ўседазволенасці прадстаўнікоў вышэйшых палітычных колаў краіны. А на супольным сойме велікакняжацкія паслы мелі магчымасць азнаёміцца з ужо багатым вопытам палітычнай барацьбы іх каронных калег, пераняць актуальныя для сябе ідэі і лозунгі шляхецкай дэмакратыі.

Згодна з рашэннямі сойма 1569 г., у Вялікім Княстве Літоўскім быў ухвалены шэраг падаткаў, а нехта з віцебскіх паслоў непасрэдна ў Любліне мог быць прызначаны павятовым паборцам [8, с. 91–93]. Дарэчы, можна меркаваць пра станоўчую ацэнку дзейнасці Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі на соймавых пасяджэннях у Любліне з боку шляхецкай карпарацыі Віцебскага павета. Гэта пацвярджаецца хаця б тым фактам, што ўжо на наступны вальны сойм Рэчы Паспалітай, які праходзіў у Варшаве ў маі – ліпені 1570 г., віцебская шляхта зноў абрала сваім прадстаўніком Цімафея Гурку [27, с. 135].

Удзел у працы Люблінскага сойма 1569 г. і падпісанне акта уніі былі пікам палітычнай дзейнасці Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі. Прыблізна ў пачатку 1574 г. Цімафей Гурка памёр, яго пасаду віцебскага земскага падсудка заняў Васіль Гурка – прадстаўнік іншай галіны роду [31, р. 149–150; 33, с. 53]. Верагодна, летам 1583 г. сышоў з жыцця і Пётр Кісель [36, с. 64]. Тым не менш за час свайго жыцця яны здолелі заняць трывалыя пазіцыі сярод лакальнай палітычнай эліты Віцебскага павета і забяспечыць сваім нашчадкам надзейны падмурак для далейшай кар'еры і дзейнасці.

Важным фактарам сацыяльнай актыўнасці шляхты з'яўляўся маёмасны статус. Пётр Кісель заклаў надзейную эканамічную аснову віцебскай галіны роду. Відаць, першапачаткова ў Віцебскім павеце яму належаў маёнтак Мокрае Поле²¹. У якасці кампенсацыі за знішчаную маскоўскімі войскамі маёмасць Пётр Кісель атрымаў ад Жыгімонта Аўгуста сем сялянскіх службаў у сёлах Савейкавічы, Цягнілава, Латыгола і воласці Лужасна. Акрамя таго, за свае сродкі ён набыў яшчэ тры службы ва ўладанні Вымна. У лістападзе 1567 г. Жыгімонт Аўгуст сваім прывілеем перадаў Пятру Кісялю гэтыя дзесяць службаў у спадчыннае валоданне, «на вечность». Дадаткова манарх надаў віцебскаму гараднічаму «ловы звериные и гоны бобьровые, которые тамъ в тыхъ же кгрунтехъ на насъ г[оспо]д[а]ря належали, а третью часть озера Вымна»²². Таксама Пётр Кісель набыў у Сцяпана Лускіны маёнткі

¹⁸ АЮЗР. Ч. 8, т. 6. С. 257–262.

¹⁹ НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 268. Арк. 466 адв. – 468.

²⁰ ДМАМЮ. Т. 1. С. 502; РИБ. Т. 30. Стб. 530–531.

²¹ ИЮМ. Вып. 21. С. 470.

²² НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 268. Арк. 467 адв.; ИЮМ. Вып. 21. С. 258–261.

Жаўнерава і Александрова, якія знаходзіліся побач з яго маёнткамі ў Вымне і Латыголе²³. Такім чынам, Пётр Кісель сфарміраваў на паўночным усходзе ад Віцебска даволі кампактны, хоць і не вельмі вялікі, комплекс сваіх зямельных уладанняў. Звесткі пра зямельную ўласнасць Цімафея Гуркі надзвычай абмежаваныя. Тым не менш вядома, што ў Віцебскім павеце ён набыў маёнткі Кратоўшы і Крынкі [15, с. 5; 17, s. 222]. Да таго ж у жніўні 1563 г. замест захопленых маскоўцамі ўладанняў у Полацкім ваяводстве ён атрымаў ад Жыгімонта Аўгуста ў трыманне на Віцебшчыне «дворец у Великомъ Селе... з людми и со всими пожитки того двора» [23, с. 98].

Акрамя зямельных уладанняў, Пётр Кісель і Цімафей Гурка пакінулі сваім нашчадкам яшчэ адзін важны чыннік сацыяльнай актыўнасці і статусу – аўтарытэт у мясцовым шляхецкім асяроддзі. Нават фрагментарна захаваныя крыніцы, прысвечаныя жыццю віцебскай шляхты канца XVI – пачатку XVII ст., сведчаць пра тое, што яна памятала герояў нашага даследавання. Аўтарытэт Цімафея Гуркі як важнага павятовага ўрадніка перайшоў да яго сына Андрэя. Паказальна, што ў вачах мясцовай шляхты Андрэй Гурка часта выступаў менавіта як «подъсудьковичъ земский витебский»²⁴, гэта значыць сын былога віцебскага падсудка. Сам Андрэй Цімафеевіч Гурка ніякіх павятовых урадаў не трымаў. Аднак ад бацькі ён, падобна, пераняў і пэўныя веды ў галіне права. Так, у 1589 г. шляхта Віцебскага павета абрала яго адным са сваіх дэпутатаў у вышэйшую судовую ўстанову – Трыбунал Вялікага Княства Літоўскага [37, s. 78]. Цалкам магчыма, што ў доме Гуркаў захоўвалася якая-небудзь прававая літаратура, як, напрыклад, Статут ВКЛ ці соймавыя канстытуцыі, і (або) сын падсудка меў нейкі практычны вопыт работы ў земскім судзе (у прыватнасці, дапаможная праца ў канцылярыі суда). Андрэй Гурка неаднаразова запрашаўся мясцовай шляхтай у якасці сведкі для зацвярджэння розных дакументаў, галоўным чынам маёмасных²⁵. Ён уваходзіў у тую катэгорыю «людей зацныхъ», якія карысталіся павагай і даверам у мясцовай шляхецкай супольнасці. І ўжо яго сыны Мікалай і Андрэй Казімір, унукі Цімафея Гуркі, зрабілі паспяховую кар’еру на павятовым узроўні, прычым пляцоўкай для іх кар’ернага росту з’яўляўся ў першую чаргу мясцовы земскі суд, членамі якога неабходна было абіраць «людей добрыхъ, цнотливыхъ ростропныхъ, в праве умеетныхъ» [27, с. 96]. Мікалай Гурка распачаў сваё ўзвышэнне з паса-

ды віцебскага гродскага суддзі, якую ён займаў прыблізна з 1626 г.²⁶ А затым ён паслядоўна трымаў усе ўрады земскага суда Віцебскага павета: пісара (1636–1640), падсудка (1640–1653) і суддзі (з 1653 г.) [15, с. 6; 17, s. 222; 33, с. 52–54]. У сваю чаргу, яго брат Андрэй Казімір Гурка з’яўляўся ў 1637–1653 гг. віцебскім падстоіем, а з 1653 г. – віцебскім земскім пісарам [17, s. 222; 33, с. 54–55].

Сыны Пятра Кісяля, Ян і Васіль, таксама займалі значнае становішча ў грамадскім жыцці Віцебскага павета. Так, у 1596 г. пасада віцебскага гараднічага зноў вярнулася ў рукі Кісялёў: Ян Пятровіч Кісель заняў гэты ўрад пасля смерці папярэдняга гараднічага Багдана Янушкоўскага [38, с. 234–244], а ў 1599 г. віцебскі ваявода Мікалай Сапега прызначыў Яна Кісяля сваім намеснікам [39, с. 53]²⁷. Васіль Пятровіч Кісель павятовых урадаў не трымаў, але, безумоўна, карыстаўся павагай мясцовай шляхты. Васіль Кісель, дарэчы, як і яго брат Ян, зацвярджаў розныя акты віцебскай шляхты і належаў да катэгорыі «людей зацныхъ» [38, с. 238, 243]²⁸. Абодва браты прадстаўлялі Віцебскі павет у Трыбунале ВКЛ (Ян – у 1594 г., а Васіль – у 1605 г. [37, s. 93, 126]), што сведчыла пра іх добрую прававую падрыхтоўку. Аднак найбольш паспяховую кар’еру зрабіў унук Пятра Кісяля Мікалай Васільевіч. У 1640 г. ён быў намініраваны віцебскім земскім пісарам, а ў 1653 г. – віцебскім земскім падсудкам [33, с. 54]. Таксама кар’ера Мікалая Кісяля была звязана з Інфлянтамі: у 1654 г. ён з’яўляўся дэрпцкім падкаморым [16, с. 129]. Важна яшчэ раз падкрэсліць, што кар’ера нашчадкаў Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі была звязана з выбарным земскім судом, што яскрава сведчыць пра аўтарытэт і папулярнасць, якую мелі гэтыя роды ў шляхецкім асяроддзі Віцебскага павета ў XVII ст.

Звяртаюць на сябе ўвагу надзвычай цесныя прафесійныя і таварыскія сувязі сярод палітычнай эліты Віцебскага павета. Напрыклад, унукі Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі доўгі час працавалі разам у складзе віцебскага земскага суда. Так, з 1640 па 1653 г. Мікалай Кісель з’яўляўся пісарам, а Мікалай Гурка – падсудкам (як і яго дзед). А ўжо ў 1653 г. усе ўрады земскага суда Віцебскага павета аказаліся занятыя прадстаўнікамі гэтых дзвюх ліній родаў Кісялёў і Гуркаў. Менавіта ў 1653 г. Андрэй Казімір Гурка стаў віцебскім земскім пісарам, Мікалай Кісель – земскім падсудкам, а Мікалай Гурка – земскім суддзёй. Дарэчы, усе яны ў лістападзе 1654 г. пасля захопу Віцебска маскоўскімі войскамі

²³ИЮМ. Вып. 20 / под ред. В. Веревкина. Витебск : Типо-Литография Г. А. Малкина, 1890. С. 490.

²⁴Там же. Вып. 31 / под ред. Д. И. Довгялло. Витебск : Губ. Типо-Литография, 1903. С. 5, 30.

²⁵Там же. Вып. 20. С. 376–382, 424–427 ; Вып. 31. С. 56.

²⁶Гл., напрыклад: ИЮМ. Вып. 21. С. 461 ; Вып. 25 / под ред. В. Веревкина. Витебск : Типо-Литография Г. А. Малкина, 1894. С. 158.

²⁷Там же. Вып. 27 / под ред. Д. И. Довгялло. Витебск : Губ. Типо-Литография, 1899. С. 248 ; Вып. 31. С. 44, 46–48, 55, 56, 61, 65.

²⁸Там же. Вып. 20. С. 419–424.

трапілі ў палон, у якім і загінулі [15, с. 6; 16, с. 129–130]. Тым не менш іх нашчадкі працягвалі займаць значнае становішча ў палітычнай эліце Віцебскага павета да яго далучэння да Расійскай імперыі ў 1772 г. [16, с. 130; 17, с. 200–201, 206, 209].

Да таго ж віцебскую павятовую эліту звязвалі і цесныя сваяцкія сувязі. У 1620-я гг. разгледжаныя лініі Гуркаў ды Кісялёў увогуле парадніліся: унук Пятра Кісяля Ян Янавіч узяў шлюб з унучкай Цімафея Гуркі Тамілай Андрэеўнай²⁹.

ВЫСНОВЫ

Такім чынам, бурныя ваенна-палітычныя падзеі, якімі было ахопленыя ВКЛ у трэцяй чвэрці XVI ст., несумненна, уплывалі на палітычную дзейнасць Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі. З іншага боку, асабісты жыццёвы вопыт 1560-х гг. непасрэдна павінен быў вызначаць іх пазіцыю ў пытанні заключэння уніі паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Каронай Польскай. Кардынальныя гістарычныя перамены 1560-х гг. – дзяржаўныя рэформы ў ВКЛ

і ўтварэнне Рэчы Паспалітай – адкрылі шырокім колам павятовага шляхецтва новыя магчымасці для ўдзелу ў грамадскім жыцці Вялікага Княства Літоўскага. Менавіта ў гэты час ступень сацыяльнай актыўнасці Пятра Кісяля і Цімафея Гуркі была найбольш высокай. Вынікам стала тое, што роды Кісялёў і Гуркаў на доўгі час занялі трывалае месца ў асяроддзі палітычнай эліты Віцебскага павета.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Ferenc M. *Mikołaj Radziwiłł «Rudy» (ok. 1515–1584). Działalność polityczna i wojskowa*. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iagellonica»; 2008. 671 s.
2. Ragauskienė R. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kancleris Mikalojus Radvila Rudasis (Apie 1515–1584 m.)*. Vilnius: Seimo leidykla «Valstybės žinios»; 2002. 448 p.
3. Kempa T. *Mikołaj Krzysztof Radziwiłł Sierotka (1549–1616) wojewoda wileński*. Warszawa: Semper; 2000. 382 s.
4. Кэмп Т. *Мікалай Крыштаф Радзівіл Сіротка (1549–1616). Віленскі ваявода*. Шаланда А, рэдактар. Мінск: Музей «Замкавы комплекс «Мір»»; 2016. 503 с.
5. Kutrzeba S, Semkowicz W, redaktorzy. *Akta unii Polski z Litwą 1385–1791*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności; 1932. Razem z Towarzystwem Naukowym Warszawskiego. LVI, 571 s.
6. Padalinski U. The representation of the Grand Duchy of Lithuania in the final stage of the Seym of Lublin (June – August 1569). *Zapiski Historyczne*. 2014;79(4):27–51.
7. Падалінскі У. Праблемы даследавання земскага прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на вальных соймах Рэчы Паспалітай (на прыкладзе заключнага этапа Люблінскага сойма 1569 г.). У: Скеп'ян АА, укладальнік. *Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура. Частка 1*. Мінск: Беларуская навука; 2017. с. 209–220.
8. Падалінскі УА. *Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай*. Радаман АА, рэдактар. Мінск: А. М. Янушкевіч; 2017. 240 с.
9. Соловьев ЭЮ. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. В: Соловьев ЭЮ. *Прошлое толкует нас: очерки по истории философии и культуры*. Москва: Политиздат; 1991. с. 19–52.
10. Макараў МД. *Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва месцаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст.* Мінск: Экаперспектыва; 2008. 248 с.
11. Niesiecki K. *Herbarz Polski. Tom 4*. Bobrowicz J, redaktor. Lipsk: Drukiem Breitkopfa Haertela; 1839. 518 s.
12. Niesiecki K. *Herbarz Polski. Tom 5*. Bobrowicz J, redaktor. Lipsk: Drukiem Breitkopfa Haertela; 1840. 476 s.
13. Boniecki A, kompilator. *Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI wieku*. Warszawa: Druk J. Bergera; 1887. XV, 425, XLIX s.
14. Żychliński T, redaktor. *Złota księga szlachty polskiej. Rocznik 3*. Poznań: Drukarnia F. Chocieszyńskiego; 1881. 380 s.
15. Нарбут АН. *Гурко-Ромейки. Родословные росписи. Выпуск 10*. Москва: [б. и.]; 1998. 44 с.
16. Киселев ВН, Свистун ВО, составители. *Адам Григорьевич Кисель: сборник материалов*. Минск: В. П. Ильин; 2012. 495 с.
17. Zielińska T. Rody urzędami zaszczycone. Próba sondażu. W: Wyczański A, redaktor. *Spółeczeństwo staropolskie. Studia i szkice. Tom 2*. Warszawa: PWN; 1979. s. 193–227.
18. Репина ЛП. *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. Москва: Круг; 2011. 560 с.
19. Lesmaitis G, redaktor. *Popisy wojskowe pospolitego ruszenia Wielkiego Księstwa Litewskiego (1524–1566)*. Białystok: Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy; 2016. 435 s.
20. Варонін В, укладальнік. *Рэвізія Полацкага ваяводства 1552 года*. Мінск: Arche; 2011. 271 с.
21. Янушкевіч АМ. *Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг.* Мінск: Медисонт; 2007. 356 с.
22. Любавский МК. *Литовско-русский сейм: опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства*. Москва: Университетская типография; 1900. 850, 232, LXXII с.
23. Груша АІ, рэдактар. *Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга запісаў 44 (1559–1566)*. Мінск: Арты-Фэкс; 2001. 229 с.

²⁹ИЮМ. Вып. 22 / под ред. В. Веревкина. Витебск : Типо-Литография Г. А. Малкина, 1891. С. 258–264, 458 ; Вып. 24 / под ред. В. Веревкина. Витебск : Типо-Литография Г. А. Малкина, 1893. С. 512. Польскі генеалаг А. Банецкі лічыў Яна сына Яна Андрэевіча Кісяля [14, с. 129], але дадзеныя аб землеўладанні Яна Янавіча і яго жонкі Тамілы, прыведзеныя ў разглядаемых дакументах, схіляюць да меркавання, што Ян з'яўляўся ўсё ж сынам Яна Пятровіча Кісяля, гэта значыць унукам Пятра Кісяля.

24. Rachuba A. *Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763*. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe; 2002. 376 s.
25. Лойка ПА. *Шляхы беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст.* Мінск: БДУ; 2002. 99 с.
26. Доўнар-Запольскі МВ. *Дзяржаўная гаспадарка Вялікага Княства Літоўскага пры Ягелонах*. Груша АІ, Аляхновіч РА, рэдактары. Мінск: Беларуская навука; 2009. 759 с.
27. Доўнар ТІ, Сатолін УМ, Юхо ЯА. *Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 года*. Мінск: Тэсей; 2003. 352 с.
28. Deveikytė E, Lesmaitis G, redaktoriai. *Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская метрика. Užrašų knyga 47: 1565–1567*. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto; 2018. 218 p.
29. Янушкевіч А. Унія з Каронай ва ўнутранай палітыцы ВКЛ перад Люблінскім соймам 1569 г. *Беларускі гістарычны агляд*. 2003;10(1–2):29–58.
30. Доўнар-Запольскі М. *Выбранае*. Лебедзева В, укладальнік. Мінск: Беларуская навука; 2017. 668 с.
31. Vilimas D. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės žemės teismo sistemos formavimasis (1564–1588)*. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla; 2006. 290 p.
32. Шаланда А. Гродскі суд Гарадзенскага павета ВКЛ у другой палове XVI–XVII ст. Частка 1. Перадумовы, ход і вынікі рэформы гарадзенскага замкавага суда (1562–1572 гг.). У: Смалянчук АФ, Сліж НУ, рэдактары. *Гарадзенскі палімпсест. 2010. Дзяржаўныя і сацыяльныя структуры. XVI–XX стст.* Мінск: Зміцер Колас; 2011. с. 12–44.
33. Радаман А, Галубовіч В, Вілімас Д. Земскія ўраднікі Віцебскага ваяводства (другая палова XVI – першая палова XVII стст.). *Commentarii Polocenses Historici. Полацкія гістарычныя запіскі*. 2005;2:51–61.
34. Воронин ВА, Груша АИ, Старостина ИП, Хорошкевич АЛ, составители. *Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Ключко. 1533–1540*. Хорошкевич АЛ, Голенченко ГЯ, редакторы. Москва: Наука; 2008. 525 с.
35. Kolankowski L. *Posłowie sejmów koronnych Zygmunta Augusta. W: Reformacja w Polsce*. 1928;5(17–18):121–138.
36. Мяцельскі АА, рэдактар. *Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 70 (1582–1585): кніга запісаў № 70 (копія канца XVI ст.)*. Мінск: Беларуская навука; 2008. 354 с.
37. Rachuba A, redaktor. *Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582–1696): spis*. Warszawa: Wydawnictwo DiG; 2007. 469 s.
38. Аляксандраў АФ, Бабкоў ВУ, Бобер ІМ, укладальнікі. *Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі; 2012. 736 с.
39. Падалінскі У. «За залецаньнем ихъ милости панов вродниковъ земьскихъ и шляхты повету витебского учини- ломъ...»: палітычныя адносіны шляхты Віцебскага павета з ваяводам Мікалаем Паўлавічам Сапегам (1588–1599 гг.). У: Скеп'ян АА, укладальнік. *Сапегі: асобы, кар'еры, маёнткі*. Мінск: А. М. Янушкевіч; 2018. с. 49–68.

References

1. Ferenc M. *Mikołaj Radziwiłł «Rudy» (ok. 1515–1584). Działalność polityczna i wojskowa*. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze «Historia Iagellonica»; 2008. 671 s.
2. Ragauskienė R. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kancleris Mikalojus Radvila Rudasis (Apie 1515–1584 m.)*. Vilnius: Seimo leidykla «Valstybės žinios»; 2002. 448 p.
3. Kempa T. *Mikołaj Krzysztof Radziwiłł Sierotka (1549–1616) wojewoda wileński*. Warszawa: Semper; 2000. 382 s.
4. Kempa T. *Mikalaj Krysztaf Radzivil Sierotka (1549–1616). Vilenski vajavoda* [Mikolaj Krysztaf Radziwilł «the Orphan» (1549–1616), the voivode of Vilnia]. Shalanda A, editor. Mir: Muzej «Zamkavy kompleks “Mir”»; 2016. 503 p. Belarusian.
5. Kutrzeba S, Semkowicz W, redaktorzy. *Akta unii Polski z Litwą 1385–1791*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności; 1932. Razem z Towarzystwem Naukowego Warszawskiego. LVI, 571 s.
6. Padalinski U. The representation of the Grand Duchy of Lithuania in the final stage of the seym of Lublin (June – August 1569). *Zapiski Historyczne*. 2014;79(4):27–51.
7. Padalinski U. [Problems of research of the Grand Duchy of Lithuania's representation at the Commonwealth general diets (the example of the final stage of the Lublin Diet of 1569)]. In: Skepyan AA, compiler. *Vjalikae Knjastva Litovskae: polityka, jekanomika, kul'tura. Chastka 1* [The Grand Duchy of Lithuania: politics, economy, and culture. Part 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. p. 209–220. Belarusian.
8. Padalinski UA. *Pradstawnictva Vjalikaga Knjastva Litovskaga na Ljublinskim sojme 1569 goda: udzel u pracy pershaga val'naga sojma Rjechy Paspalitaj* [The representation of the Grand Duchy of Lithuania at the Lublin Diet of 1569: participation in the activities of the first general diet of the Commonwealth]. Radaman AA, editor. Minsk: A. M. Janushkevich; 2017. 240 p. Belarusian.
9. Solovyev EYu. [Biographical analysis as a type of historical and philosophical research]. In: Solovyev EYu. *Proshloe tolkuet nas: ocherki po istorii filosofii i kul'tury* [The past interprets us: essays on the history of philosophy and culture]. Moscow: Politizdat; 1991. p. 19–52. Russian.
10. Makarau MD. *Ad pasada da magdjeburgii: pravavoe stanovishcha nasel'nictva mestaw Belaruskaga Padzvinnja w XIV – pershaj palove XVII st.* [From pasad to Magdeburg law: the legal status of the urban population of Dzvinia River Basin in Belarus in the 14th – the first half of the 17th century]. Minsk: Ekaperspektyva; 2008. 248 p. Belarusian.
11. Niesiecki K. *Herbarz Polski. Tom 4*. Bobrowicz J, redaktor. Lipsk: Drukiem Breitkopfa Haertela; 1839. 518 s.
12. Niesiecki K. *Herbarz Polski. Tom 5*. Bobrowicz J, redaktor. Lipsk: Drukiem Breitkopfa Haertela; 1840. 476 s.
13. Boniecki A, kompilator. *Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI wieku*. Warszawa: Druk J. Bergera; 1887. XV, 425, XLIX s.
14. Żychliński T, redaktor. *Złota księga szlachty polskiej. Rocznik 3*. Poznań: Drukarnia F. Chocieszyńskiego; 1881. 380 s.
15. Narbut AN. *Gurko-Romeiki. Rodoslovyne rospisi. Vypusk 10* [Gurko-Romeyki. Pedigree Charts. Issue 10]. Moscow: [publisher unknown]; 1998. 44 p. Russian.

16. Kiselyov VN, Svistun VO, compilers. *Adam Grigor'evich Kisel': sbornik materialov* [Adam Grigoryevich Kisel: collection of materials]. Minsk: V. P. Ilyin; 2012. 495 p. Russian.
17. Zielińska T. Rody urzędami zaszczycone. Próba sondażu. W: Wyczański A, redaktor. *Spółeczeństwo staropolskie. Studia i szkice. Tom 2*. Warszawa: PWN; 1979. s. 193–227.
18. Repina LP. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the border of the 20th–21st centuries: social theories and historiographical practices]. Moscow: Krug; 2011. 560 p. Russian.
19. Lesmaitis G, redaktor. *Popisy wojskowe pospolitego ruszenia Wielkiego Księstwa Litewskiego (1524–1566)*. Białystok: Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy; 2016. 435 s. Polish, Belarusian.
20. Varonin V, compiler. *Rjevizija Polackaga vajavodstva 1552 goda* [The revision of the Polack Voivodeship (1552)]. Miensk: Arche; 2011. 271 p. Belarusian.
21. Janushkevich AM. *Vjalikae Knjastva Litovskae i Infljanckaja vajna 1558–1570 gg.* [The Grand Duchy of Lithuania and the Livonian War 1558–1570]. Minsk: Medisont; 2007. 356 p. Belarusian.
22. Lyubavskiy MK. *Litovsko-russkii seim: opyt po istorii uchrezhdeniya v svyazi s vnutrennim stroem i vneshneyu zhizn'yu gosudarstva* [The Lithuanian-Russian Diet: experience of the institution's history in connection with the internal system and external life of the state]. Moscow: Universitetskaya tipografiya; 1900. 850, 232, LXXII p. Russian.
23. Hrusha AI, editor. *Metryka Vjalikaga knjastva Litovskaga. Kniga zapisaw 44 (1559–1566)* [Metrics of the Grand Duchy of Lithuania: book of records 44 (1559–1566)]. Minsk: Arty-Feks; 2001. 229 p. Belarusian.
24. Rachuba A. *Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763*. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe; 2002. 376 s.
25. Lojka PA. *Shljahta belaruskich zjamel' u gramadska-palitychnym zhycci Rjehy Paspalitaj drugoj palovy XVI – pershaj trjeci XVII st.* [The nobility of the Belarusian Lands in the social and political life of the Commonwealth of the second half of the 16th – the first third of the 17th century]. Minsk: Belarusian State University; 2002. 99 p. Belarusian.
26. Dounar-Zapolski MV. *Dzjarzhawnaja gaspadarka Vjalikaga Knjastva Litovskaga pry Jagelonah* [The state economy of the Grand Duchy of Lithuania under the Jagiellonians]. Hrusha AI, Aljakhnovič RA, editors. Minsk: Belaruskaja navuka; 2009. 759 p. Belarusian.
27. Dounar TI, Satolin UM, Jukho JaA. *Statut Vjalikaga Knjastva Litovskaga 1566 goda* [The Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1566]. Minsk: Tjesej; 2003. 352 p. Belarusian.
28. Deveikytė E, Lesmaitis G, redaktoriai. *Lithuanian Metrica. Užrašymų knyga 47: 1565–1567*. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto; 2018. 218 p. Belarusian, Lithuanian.
29. Janushkevich A. Union with the crown in home policy of the Grand Duchy of Lithuania before the 1569 parliament in Lublin. *Belarusian Historical Review*. 2003;10(1–2):29–58. Belarusian.
30. Dounar-Zapolski M. *Vybranae* [Selected works]. Lebedzeva V, compiler. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. 668 p. Russian, Belarusian.
31. Vilimas D. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės žemės teismo sistemos formavimasis (1564–1588)*. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla; 2006. 290 p.
32. Shalanda A. [The castle court of the Hrodna district of the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the 16th–17th centuries. Part 1. Prerequisites, course and results of the Hrodna Castle court's reform (1562–1572)]. In: Smalyanchuk AF, Slizh NU, editors. *Garadzenski palimpsest. 2010. Dzjarzhavnya i sacyjal'nyja struktury. XVI–XX stst.* [Hrodna palimpsest. 2010. State and social structures. 16th–20th centuries]. Minsk: Zmitser Kolas; 2011. p. 12–44. Belarusian.
33. Radaman A, Halubovich V, Vilimas D. County officials of the Vitsebsk Voivodeship (second half of the 16th – first half of the 17th century). *Commentarii Polocenses Historici*. 2005;2:51–61. Belarusian.
34. Varonin VA, Grusha AI, Starostina IP, Khoroshkevich AL, compilers. *Sudebnaya kniga vitebskogo vovody, gospodarskogo marshalka, volkovyskogo i oboletskego derzhavtsy M. V. Klochko. 1533–1540* [The court book of the voivode of Vitsebsk, the hospodar marshal, starosta of Volkovysk and Oboltsy M. Klochko. 1533–1540]. Khoroshkevich AL, Golenchenko GJ, editors. Moscow: Nauka; 2008. 525 p. Belarusian, Russian.
35. Kolankowski L. Posłowie sejmów koronnych Zygmunta Augusta. W: *Reformacja w Polsce*. 1928;5(17–18):121–138.
36. Miatselski AA, editor. *Metryka Vjalikaga Knjastva Litovskaga. Kniga 70 (1582–1585): kniga zapisaw № 70 (kopija kanca XVI st.)* [Metrics of the Grand Duchy of Lithuania: book 70 (1582–1585). Book of Records No. 70 (copy of the end of the 16th century)]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2008. 354 p. Belarusian.
37. Rachuba A, redaktor. *Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582–1696): spis*. Warszawa: Wydawnictwo DiG; 2007. 469 s.
38. Alyksandrava AF, Babkova VU, Bober IM, compilers. *Tastamenty shljahty i mjashchan Belarusi drugoj palovy XVI st. (z aktavyh knig Nacyjanal'naga gistarychnaga arhiva Belarusi)* [Testaments of Belarus nobility and bourgeois of the second half of the 16th century (from the documentary books of the National Historical Archive of Belarus)]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja imja P. Browki; 2012. 736 p. Belarusian, Polish.
39. Padalinski U. «At the request of their grace, the lords of county officials and nobles of the Vitsebsk District, I have done...»: political relations between the Vitsebsk District nobility and the voivode Mikalaj P. Sapieha (1588–1599). In: Skepyan AA, compiler. *Sapegi: asoby, kar'ery, majontki* [The Sapieha family: personalities, careers, estates]. Minsk: A. M. Janushkevich; 2018. p. 49–68. Belarusian.

УДК 930.24(476+438+474.5)

ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАРРАТИВНОГО МИНИМАЛИЗМА И ПРАВОВОГО ИСТОРИЗМА КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

В. В. ГОЛУБОВИЧ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный аграрный университет, ул. Терешковой, 28, 230008, г. Гродно, Беларусь

Проанализированы сведения о Люблинской унии 1569 г. из нарративных и документальных источников, которые относятся ко времени правления первых монархов из династии Ваза. Определены основные контексты употребления термина «уния» в сеймовых конституциях и документации съездов шляхты Великого княжества Литовского. Выявлена непосредственная корреляция между оценками унии на разных уровнях государственных представительных учреждений Речи Посполитой. Показано, что Люблинский сейм 1569 г. был ключевым событием в истории Восточной Европы, но в исторических трудах (хрониках и летописях) второй половины XVI – начала XVII в. сведения о нем имеют лаконичный и общий характер. Сделан вывод о том, что в конце XVI – первой половине XVII в. память о Люблинской унии транслировалась преимущественно не через нарративные источники. Весьма существенную роль в актуализации событий 1569 г. играли правовые акты и решения государственных учреждений. Результатом государственного союза Великого княжества Литовского с Польшей стало утверждение норм публичного права, которые не могли быть проигнорированы ни одним представителем так называемого политического народа Великого княжества Литовского в последующие столетия. Утверждается, что в целом шляхта Великого княжества Литовского не ставила под сомнение правильность выбора 1569 г., приняла и защищала «люблинский миф», так как в тех условиях имела от этого больше преимуществ, чем потерь.

Ключевые слова: Люблинская уния; Великое княжество Литовское; Польша; Речь Посполитая; государство; хроника; шляхта; конституция; сейм; съезд; право; акт.

ЛЮБЛІНСКАЯ УНІЯ Ў КАНТЭКСЦЕ НАРАТЫЎНАГА МІНІМАЛІЗМУ І ПРАВОВАГА ГІСТАРЫЗМУ КАНЦА XVI – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XVII ст.

В. У. ГАЛУБОВІЧ^{1*}

^{1*)}Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт, вул. Церашковай, 28, 230008, г. Гродна, Беларусь

Прааналізаваны звесткі пра Люблінскую унію 1569 г. з наратыўных і дакументальных крыніц, якія адносяцца да часоў праўлення першых манархаў дынастыі Ваза. Вызначаны асноўныя кантэксты ўжывання тэрміна «унія» ў соймавых канстытуцыях і дакументацыі з'ездаў шляхты Вялікага Княства Літоўскага. Зроблены высновы пра механізм трансляцыі памяці пра унію і адносіны да яе шляхты Вялікага Княства Літоўскага. Выяўлена непасрэдная карэляцыя паміж адзнакамі уніі на розных узроўнях дзяржаўных прадстаўнічых устаноў Рэчы Паспалітай. Паказана, што Люблінскі сойм 1569 г. быў ключавой падзеяй у гісторыі Усходняй Еўропы, але ў гістарычных працах (хроніках і летапісах) другой паловы XVI – пачатку XVII ст. звесткі пра яго маюць лаканічны і агульны характар. Зроблена выснова пра тое, што ў канцы XVI – першай палове XVII ст. памяць пра Люблінскую унію трансліравалася пераважна не

Образец цитирования:

Галубовіч ВУ. Люблінская унія ў кантэксце наратыўнага мінімалізму і прававога гістарызму канца XVI – першай паловы XVII ст. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2019;2:22–30.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-22-30>.

For citation:

Halubovich VV. Lublin Union in the context of narrative minimalism and legal historical contents in the end of 16th – the first half of 17th century. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;2:22–30. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-22-30>.

Автор:

Віталій Владимирович Голубович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры общественных наук факультета бухгалтерского учета.

Author:

Vitali V. Halubovich, PhD (history), docent; associate professor at the department of social sciences, faculty of accounting.
halubovich2007@tut.by

праз наратыўныя крыніцы. Вельмі істотную ролю ў актуалізацыі падзей 1569 г. адыгрывалі прававыя акты і пастановы дзяржаўных устаноў. Вынікам дзяржаўнага саюзу Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай стала зацвярджэнне норм публічнага права, якія не маглі быць праігнараваны ніводным прадстаўніком так званага палітычнага народа Вялікага Княства Літоўскага ў наступныя стагоддзі. Сцвярджаецца, што ў цэлым шляхта Вялікага Княства Літоўскага не ставіла пад сумненне правільнасць выбару 1569 г., прыняла і абараняла «люблінскі міф», паколькі ў тых умовах мела ад гэтага больш пераваг, чым страт.

Ключавыя словы: Люблінская унія; Вялікае Княства Літоўскае; Польшча; Рэч Паспалітая; дзяржава; хроніка; шляхта; канстытуцыя; сойм; з'езд; права; акт.

LUBLIN UNION IN THE CONTEXT OF NARRATIVE MINIMALISM AND LEGAL HISTORICAL CONTENTS IN THE END OF 16th – THE FIRST HALF OF 17th CENTURY

V. V. HALUBOVICH^a

^aGrodno State Agrarian University, 28 Cieraškavaj Street, Hrodna 230008, Belarus

The article analyzes the information about Lublin 1569 Union from the narrative and documentary sources that date back to the reign of the first monarchs of Vasa dynasty. The author defines main contexts of the term «union» use in the sejm constitutions and documentation of the Grand Duchy of Lithuania congresses. The direct correlation between the estimates of the Union at different levels of state representative institutions of the Commonwealth is revealed. The Lublin Sejm of 1569 was a key event in the history of Eastern Europe, but in the historical works (chronicles and annals) of the second half of 16th – early 17th century information about it and its decisions are concise and general. At the end of 16th – the first half of 17th century the memory of Lublin Union was not mainly broadcast by narrative channels. In keeping the memory about 1569 events legal deeds and state institutions decisions were of considerable importance. The result of the state union with Poland was the approval of the public law standards that could not be ignored by any representative of the so-called political people of the Grand Duchy of Lithuania in the following centuries. The author maintains that as a whole the Grand Duchy of Lithuania gentry did not question the correctness of the 1569 choice, took and defended «Lublin myth», as under those conditions it had more benefits than losses.

Keywords: Lublin Union; Grand Duchy of Lithuania; Poland; Polish-Lithuanian Commonwealth; state; chronicle; gentry; constitution; sejm; congress; law; deed.

Уводзіны

Падзеі, якія папярэднічалі Люблінскаму сойму 1569 г. і адбываліся падчас яго, у айчыннай, ды і ў замежнай (асабліва польскай і літоўскай), гістарыяграфіі традыцыйна разглядаюцца як найважнейшая вяха ў гістарычным працэсе. У абагульняючых працах і падручніках па беларускай гісторыі, а таксама па гісторыі дзяржавы і права, знешняй палітыкі Беларусі і ў іншых даследаваннях інфармацыя пра Люблінскую унію займае не апошняе месца [1, с. 132–136; 2, с. 457–479; 3, с. 126–136; 4, с. 149–156]. Такая ўвага невыпадковая, паколькі акт зацверджанай у 1569 г. уніі, несумненна, вызначальным чынам паўплываў на лёсы народаў, якія апынуліся ў залежнасці ад больш моцнага і амбіцыйнага суседа Вялікага Княства Літоўскага – Кароны Польскай.

Тым не менш у беларускай гістарычнай навуцы нязменны інтарэс да ўнійнай праблематыкі абмяжоўваецца пераважна паўторам вядомых фактаў, а рэальнае кола спецыялістаў у гэтым пытанні даволі вузкае. Паказальна, што толькі ў 2017 г. свет пабачыла першая і адзіная айчынная манаграфія пра Люблінскі сойм 1569 г. [5]. Аднак у сувязі з выключнай фрагментарнасцю беларускай

гістарыяграфіі палітычнай гісторыі Рэчы Паспалітай можна канстатаваць, што далёка не ўсе бакі ўзаемаадносін Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага наступных стагоддзяў дэталёва вывучаліся. Сімптаматычна, што нават у апублікаваным у Беларусі зборніку матэрыялаў канферэнцыі, прысвечанай праблемам інтэграцыі і інкарпарацыі, дамінуюць працы замежных аўтараў [6]. Бадай, адзіным заўважным дасягненнем айчыннай гістарыяграфіі надалей з'яўляецца кніга П. А. Лойкі, але яе храналагічны і інфармацыйны патэнцыял мае свае абмежаванні [7]. Між іншым да гэтага часу не актуалізаванымі ў кантэксце акта Люблінскай уніі застаюцца як вядомыя комплексы крыніц, так і адносна нядаўна ўведзеныя ў навуковы ўжытак [8].

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца вызначэнне асаблівасцей трансляцыі памяці пра Люблінскі сойм 1569 г. у Вялікім Княстве Літоўскім. Для дасягнення гэтай мэты была выяўлена і прааналізавана інфармацыя з наратыўных (хронікі і летапісы) і дакументальных крыніц (канстытуцыі Рэчы Паспалітай і пастановы з'ездаў станаў ВКЛ) канца XVI – першай паловы XVII ст.

Вынікі і іх абмеркаванне

Пільную цікавасць да падзей і вынікаў Люблінскага сойма складалі гістарычныя экскурсы мелі далёка не заўсёды. У адрозненне ад сучасніка жыхар канца XVI – першай паловы XVII ст. павінен быў прыкласці дастаткова сур’ёзныя намаганні, каб адшукаць якую-небудзь інфармацыю пра ўзнікненне Рэчы Паспалітай. Найбольш папулярныя і аўтарытэтныя выданні таго часу па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы абмяжоўваюцца на дзіва лаканічнымі паведамленнямі. Гістарыяграфічным фактам Люблінская унія стала дзякуючы Мацею Стрыйкоўскаму – першаму гісторыку ВКЛ. Вельмі характэрна, што ў аўтара знакамітай «Хронікі польскай, літоўскай, жамоіцкай і ўсёй Русі» ўласна ўнійна тэма не была пададзена як найбольш значная падзея Люблінскага сойма. Некалькі радкоў у вялікім абзацы, толькі фармальна прысвечаным уніі, выглядаюць хутчэй як кароткі рэпартаж: «На тым сойме скончылася грунтоўная унія, або аб’яднанне Вялікага Княства Літоўскага з Каронай Польскай; Валынь, а таксама Падляшша і Кіеўскае ваяводства далучыліся да Кароны, хаця супраць гэтага шмат літоўскіх паноў было»¹ [9, с. 418]. Тут, відавочна, няма ні аналізу, ні ацэнак, ні дэталей. Тым не менш Стрыйкоўскі ўсё ж пакінуў чытачу магчымасць заўважыць, што, па-першае, землі, страчаныя ВКЛ, адышлі да Кароны Польскай па ўласным жаданні іх жыхароў; па-другое, сярод літоўскіх паноў не было адзінства адносна згоды на такое «ўзбуйненне» Польшчы.

Дадзеная фармулёўка ў цэлым стала шаблоннай і паўтаралася як у друкаваных, так і ў рукапісных кнігах. Так, у найбольш поўным выданні твора Аляксандра Гваніні «Хроніка еўрапейскай Сарматыі», якое пабачыла свет у 1611 г., векапомныя пастановы сойма 1569 г. згадваюцца ў некалькіх сказах: у іх паведамляецца пра заключэнне капітальнай уніі, далучэнне Валыні, Падляшша і Кіеўшчыны да Каралеўства Польскага, а таксама пра «даволі доўгі» супраціў і, урэшце, згоду літоўскіх паноў на тэрытарыяльныя страты [10, с. 178]. Падобным чынам пра Люблінскую унію, што праўда, як пра адзіную вартую ўвагі падзею 1569 г. ідзе гаворка і ў «Хроніцы літоўскай і жамоіцкай» [11, с. 114]. Канечне, такое інфармацыйнае абмежаванне тлумачыцца жаданнем складалінікаў хронікі акцэнтаваць увагу на падзеях, больш цікавых абыяцелям ВКЛ, але зусім не дапаўняе папярэднія і, што больш істотна, друкаваныя (адпаведна, больш даступныя) творы. Цікава, што ва ўсіх згаданых выпадках прысутнічае рэмарка пра незадаволенасць літоўскіх паноў умовамі аб’яднання. Беларускае мясцовае летапісанне ўвогуле паказальна праігнаравала факт заключэння уніі [12, с. 180, 262, 285–286].

Не нашмат больш можна было даведацца пра Люблінскі сойм і унію ў гістарычных творах, прысвечаных гісторыі Польшчы, як, напрыклад, у «Хроніцы польскай» Марціна Бельскага (1597). Нягледзячы на тое, што тэма уніі выведзена там у асобны абзац, сама інфармацыя губляецца на агульным фоне звестак пра падзеі, якія адбыліся падчас сойма 1569 г. Стандартная зводка пра лёс украінскіх ваяводстваў і незадаволенасць прадстаўнікоў ВКЛ была ў хроніцы дапоўнена згадкай пра непадзягненне сталовых уладанняў (зборы з іх ішлі на забеспячэнне двара манарха) у ВКЛ экзекуцыі, а таксама пералікам сенатарскіх і саноўніцкіх урадаў новаўтворанай дзяржавы [13, с. 624–626].

Між тым у штодзённасці пануючага класа Рэчы Паспалітай унійна тэма заставалася актуальнай, паколькі з’яўлялася, з аднаго боку, зыходнай падставай разумення спецыфікі формы дзяржаўнага ладу, арганізацыі адпаведных інстытутаў (сам жа акт утрымліваў дзейсныя юрыдычныя нормы), а з іншага – крыніцай фарміравання вялікага палітычнага міфа пра Люблінскую унію або класічнай ідэалагічнай канструкцыі, якая павінна была тлумачыць, абгрунтоўваць і асвятляць раз і назаўжды ўстаноўлены парадак. Нязручныя дэталі і падрабязнасці, якія суправаджалі яднанне, балючым цэнем стаялі за гэтай гісторыяй, але міф працаваў і, больш за тое, дасягаў сваёй мэты. У дадзеным артыкуле зроблена спроба разгледзець шэраг механізмаў актуалізацыі гістарычнай памяці пра унію ў асобных комплексах ненаратыўных матэрыялаў канца XVI – першай паловы XVII ст.

Агульным фонам для ўсёй наратыўнай традыцыі Рэчы Паспалітай канца XVI – першай паловы XVII ст. стала пашырэнне «культу Ягелонаў», які з’яўляўся інтэгральнай часткай ідэалагічнай праграмы каралеўскага двара, грунтоўчыся на якім, дарэчы, пільна адсочвалі крытыку і не грэбавалі звычайнай палітычнай цэнзурай [14, с. 290–261]. Сама крытыка Любліна магла быць успрынята як антыдзяржаўная дзейнасць і аспрэчванне базавых каштоўнасцей супольнай Рэчы Паспалітай, ля вытокаў якой стаялі Ягелоны, а манархі з дынастыі Ваза былі звязаны з імі «кроўным адзінствам» [14, с. 290–311]. Але ўсё адцэнзураваць нельга.

Як даўно і слушна было заўважана, Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. ігнараваў рэальнасць, якая склалася пасля зацвярджэння Люблінскага акта, не згадваў пра існаванне нейкіх дзяржаўных адносін з Польшчай і наяўнасць супольнай дзяржавы – Рэчы Паспалітай [15, с. 221]. Больш за тое, пра Люблінскую унію ў кодэксе ідзе гаворка толькі аднойчы – у кантэксце арганізацыі рамонту замка і мастоў, якія належала будаваць

¹Тут і далей пераклад наш. – В. Г.

у адпаведнасці з парадкам, распісаным у соймавай канстытуцыі, адрасаванай ваяводствам, якія ВКЛ страціла ў 1569 г. [15, с. 221; 16, с. 126]. Але гэта быў не адзіны прававы дакумент, на падставе якога функцыянавала шляхецкая рэспубліка. Дзейнасць вышэйшай заканадаўчай установы – сойма – уваблялася ў першую чаргу ў выглядзе так званага бягучага заканадаўства, соймавых канстытуцый, а там без згадак пра унію абмысціся было проста немагчыма.

Адсутнасць падрабязнай інфармацыі пра унію ў гістарычнай літаратуры ў шляхецкім асяроддзі кампенсавалася іншым чынам. Без ведання прававых норм абывацель не мог з'яўляцца свабодным і выконваць свае грамадзянскія абавязкі. Арыентацыя ў прававых нормах у Рэчы Паспалітай азначала знаёмства з усёй сукупнасцю заканадаўчых актаў, у тым ліку з соймавымі пастановамі і канстытуцыямі. А якім чынам яшчэ можна было ў дэталіх у той час даведацца пра перыпетыі, што прывялі да уніі? Шляхта ВКЛ, якая рэгулярна ў час праўлення манархаў з дынастыі Ваза спасылалася на пастановы яшчэ каронных соймаў, не магла не быць знаёмай са зместам Дэкларацыі аб уніі і Рэцэса кароннага варшаўскага сойма ў справе літоўскай уніі, зацверджаных у 1564 г. [17, с. 29–32]. Першы з гэтых дакументаў скасоўваў спадчынныя правы Жыгімонта Аўгуста на Вялікае Княства Літоўскае і фармальна дэклараваў права жыхарам ВКЛ як часткі будучай Рэчы Паспалітай выбіраць манарха, а другі фактычна з'яўляўся планам непрыхаванай інтэграцыі ВКЛ у склад Польшчы. Не сакрэт, што такой зацікаўленай публіцы, як шляхта, быў даступны змест і самога прывілея адносна Вялікага Княства Літоўскага па справе уніі, і адпаведнага Пацвярджэння уніі паміж польскім і літоўскім народам, зацверджаных на Люблінскім сойме, як і самі канстытуцыі сойма 1569 г. з тлумачэннямі галоўных прычын яго склікання і зацвярджэння новага парадку [17, с. 87–94]. Першы з гэтых дакументаў быў надрукаваны ўжо ў 1570 г. у выданні «Статуты і прывілеі каронныя» Яна Гербурта, гэта значыць адразу пасля сойма, і пазней неаднойчы перавыдаваўся ў зборніках канстытуцый і прывілеяў і г. д. [18, с. 339]. Гэтыя і іншыя дакументы нават пры адсутнасці іншых матэрыялаў давалі даволі вялікі аб'ём інфармацыі пра дэталі няпростага шляху да ўтварэння Рэчы Паспалітай, якая набыла той выгляд, які быў апісаны ў актах Люблінскага сойма толькі ў выніку зацятага змагання часткі палітычнай эліты за захаванне элементаў суверэнітэту ВКЛ. Знаёмства з гэтымі актамі не давала ніякіх падстаў лічыць Рэч Паспалітую прадуктам толькі добрай волі, а водар «нясмачнай люблінскай кухні» лунаў над ВКЛ у наступныя стагоддзі, але ад яго старанна імкнуліся пазбавіцца.

Такім чынам, менавіта прававыя акты, а не гістарычныя творы былі пастаяннай і даволі

аб'ектыўнай крыніцай ведаў пра унію. Пад іх уплывам апынулася і пасляўнійнае велікакняжацкае дзяржаўнае справаводства, якое адразу стала нагадваць абывацелям пра дзейныя ўнічныя пастановы. Адбывалася гэта і праз увядзенне новых элементаў пратакола асобных разнавіднасцей прывілеяў і распадаржэнняў, што само па сабе спрыяла захоўванню памяці пра Люблінскі сойм. Умацавалася такая практыка даволі аператыўна. Так, у прывілей, выдадзены 20 чэрвеня 1570 г. страleckаму ротмістру Паўлу Рашчыну ў в. Церабешава на Полаччыне, спецыяльна быў уключаны наступны фрагмент: «Ино хотя ж з соиму прошлого любелского при сконченью унии панствъ наших, Коруны Полское з Великим Кн[я]зствомъ Литовскимъ, то ест обваровано, иж мы, г[оспода]р, вжо никому добръ столу н[а]шого у Великом Кн[я]зстве Литовском правом вечнымъ давати не маемъ...» [19, р. 256–257]. Гэты дакумент цікавы не толькі тым, што сам па сабе з'яўляецца прыкладам ігнаравання люблінскіх пастаноў, бо ротмістру Рашчыну ўладанні былі ўсё ж нададзены з правам вечнага карыстання, але і ўзорам пашыранай формулы рэгістрацыі звестак пра падзеі 1569 г. у канцылярскіх дакументах. Увогуле згадкі пра унію («за прынятьемъ унии», «перед униєю», «перед сконьченъемъ унии», «по унии», «перед дойсьтемъ унии») у дакументах дзяржаўнага архіва ВКЛ не былі рэдкасцю, асабліва калі яны датычыліся лёсу сталовых і вячыстых уладанняў [20, с. 40, 42, 138; 21, с. 83, 99, 123, 178, 246].

Сцвярджаць, што звесткі пра вынікі Люблінскага сойма 1569 г. у цэлым масава траплялі ў соймавыя канстытуцыі, канечне, нельга. Так, у час праўлення Жыгімонта Вазы толькі ў шасці канстытуцыях прыводзіліся *прамыя спасылкі на люблінскія пастановы з ужываннем слова «унія»*, а ў часы Уладзіслава – толькі ў трох. Тым не менш нават яны дазваляюць сфарміраваць пэўнае ўяўленне пра сутнасць некаторых пастаноў уніі.

Што праўда, згадванне пра унію не заўсёды магло выклікаць у жыхароў ВКЛ станоўчыя эмоцыі. Так, на каранацыйным сойме 1588 г. была прынята канстытуцыя «Пацвярджэнне Кіеўскіх, Валынскіх і Брацлаўскіх правоў...», якая зацвярджала «ўсе правы, свабоды і вольнасці, як старадаўнія, так і новыя, дадзеныя ў 1569 г. Яго Каралеўскай Міласцю Аўгустам падчас заключэння уніі ў Любліне» [17, с. 262]. Фактычна сутнасць гэтага закона заключалася ў тым, каб дадаткова гарантаваць і легалізаваць далучэнне да Кароны Польскай часткі зямель ВКЛ. Падобны сэнс мелі і пацвярджэнні Жыгімонтам і Уладзіславам Вазамі інкарпарацыйнага прывілея Падляшшу, якія ўскосна і прама згадвалі унію [17, с. 443; 22, с. 385].

На сойме 1589 г. пра унію нагадалі ў кантэксце абмеркавання і зацвярджэння законаў, датычных Інфлянтаў, сумеснага ўладання ВКЛ і Польшчы

[17, s. 278–279]. У асобнай канстытуцыі, якая называлася «Арганізацыя Інфлянцкай зямлі», адзначалася, што ўмовы кандамініуму былі «гарантаваны падчас уніі ў Люблінскай канстытуцыі 1569 г.» [17, s. 278]. Гэта канстытуцыя не ўтрымлівала нейкіх канкрэтных дэталяў і з’яўлялася своеасаблівай прэамбулай да наступных законаў. Тым не менш уласна яе змест здымаў вэлюм з унійнай ідыліі: зацвярджэнню парадку саўладання папярэднічалі гады нязгоды і спрэчак адносна Інфлянтаў, супярэчнасцей, якія праяўляліся і ў часы Сцяпана Батуры, і падчас элекцыі ды каранацыі Жыгімонта.

Пра унію згадвалі ў кантэксце актуальных для ўсяго грамадства ВКЛ пытанняў, у тым ліку грашовых, а 1569 г. выступаў як значная часавая веха. Адна з такіх згадак адносіцца да 1589 г. [17, s. 289]. Падобным чынам і спроба стварэння сталага скарбу была падмацавана спецыяльнай канстытуцыяй 1616 г., у якой прапісваліся крокі па рэалізацыі плана. Дзеля гэтага прапаноўвалася выкупіць так званыя сталовыя маёнткі, якія ранейшыя ўладары аддалі ў заставу яшчэ перад уніяй [22, s. 149]. Частку падаткаў з такіх уладанняў меркавалася накіроўваць адразу ў дзяржаўны скарб.

Акт Люблінскай уніі гарантаваў прадстаўнікам кіруючага стану права на адпаведную зямельную ўласнасць. Цікава, што па сваёй юрыдычнай вазе ў гэтым пытанні ён займаў другое месца пасля Статута ВКЛ, прынамсі, так можна патлумачыць канчатковую клаўзулу канстытуцыі сойма 1607 г. «Пра Метрыку ВКЛ» [17, s. 449]. З гэтай канстытуцыі сярод іншага вынікала, што дзяржаўны архіў ВКЛ павінен існаваць не для таго, каб у ім знаходзіць падставы для пазбаўлення ўласнасці тых, хто валодаў ёй да і пасля «заклучанай на Люблінскім сойме уніі», а, наадварот, – для іх большай упэўненасці ў сваіх правах. Да гэтай тэмы парламентарыі Рэчы Паспалітай вярнуліся праз шмат гадоў – на каранацыйным сойме Уладзіслава Вазы. Вынікам працы парламента стала канстытуцыя «Аб вячыстых уладаннях, набытых у ВКЛ перад уніяй» [22, s. 384]. Па сутнасці, гэта яшчэ адно пацвярджэнне забароны прадстаўнікам непрывілеяванага стану набываць «шляхецкія ўладанні, якія перад уніяй падлягалі вячыстаму праву» [22, s. 384].

Пра унію згадвалі і ў такіх далікатных пытаннях, як магчымы падзел вайсковай здабычы ў вайне. Так, у канстытуцыі сойма 1611 г. «Падтрымка Маскоўскай вайны» было задэкларавана: «...а калі нешта пан Бог дасць нам, тое павінна пайсці на карысць Рэчы Паспалітай, Кароне Польскай і ВКЛ, захоўваючы кожнага пры сваёй уласнасці, згодна з унійным саюзам» [22, s. 5–6]. Абапіраючыся на

гэты прынцып, на сойме 1613 г. прынялі канстытуцыю «Ардынацыя Смаленскага ваяводства», якая легалізавала тэрытарыяльны рост і *канстатавала* выкананне ўмоў заключанай у Любліне уніі: «Што б ні было захопленай ворагам уласнасцю Вялікага Княства Літоўскага, паводле ўмоў уніі, належыць вярнуць назад: таму са згоды станаў абодвух народаў вяртаем навечна Смаленскае ваяводства... Вялікаму Княству Літоўскаму» [22, s. 95].

У канцы 1630-х гг. асобныя палажэнні акта Люблінскай уніі зноў былі пастаўлены на парадак дня ў кантэксце актуальных у шляхецкім асяроддзі дыскусій пра шляхі практычнага ўвасаблення прынцыпаў роўнасці сярод прадстаўнікоў кіруючага класа. У межах рэалізацыі эгалітарысцкіх настрояў на сойме 1638 г. была зацверджана канстытуцыя «Пра іншаземныя тытулы», згодна з якой у справядстве забаранялася выкарыстоўваць як старажытныя, так і новаўзятныя тытулы, за выключэннем тых, якія захоўваліся на падставе ўмоў уніі [22, s. 441–442]. Пры паўторным пацвярджэнні гэтай нормы ў 1641 г. таксама падкрэслівалася, што яна не распаўсюджваецца «на тытулы, якія былі зацверджаны уніяй Вялікага Княства Літоўскага і інкарпарацыяй...» [23, s. 8–9].

Унійная тэма з’яўлялася папулярнай нагодай зачапіць сваіх апанентаў і падчас тагачасных соймавых дыскусій. Пачатковая фаза даволі зацятых спрэчак скончылася з уступленнем на пасадку караля і вялікага князя Жыгімонта Вазы², але і ў пазнейшы час тэма Люблінскай уніі заставалася актуальнай. Тут варта звярнуць увагу на тую акалічнасць, што калі прадстаўнікі ВКЛ агучваліся старыя крыўды ці нагадвалася пра тое ці іншае палажэнне акта, то польскі бок зніжаў узровень трактоўкі гістарычных падзей часам да балючага для прадстаўнікоў ВКЛ рэалізму, які не толькі ставіў на месца апанентаў, але і пры пэўнай падачы проста іх абражаў, што ніяк не адпавядала канцэпту святасці уніі і ідэі братэрскай любові. Характэрны ў гэтым сэнсе выпадак адбыўся падчас варшаўскага сойма Рэчы Паспалітай у 1641 г. Даволі падрабязную характарыстыку працы парламента пакінуў у сваім дзённіку канцлер ВКЛ Альбрэхт Радзівіл, сярод іншага занатаваўшы здарэнне, якое мела месца 26–27 жніўня ў час чытання сенатарамі сваіх прамоў [24, s. 253–254]. Сярод палякаў знайшліся аматары гісторыі, якія справакавалі ажно двухдзённыя дэбаты адносна прыроды акта уніі. Так, састарэлы і падслепаваты кашталян завіхойскі Барталамей Казаноўскі «з заплушчанымі ад сору вачыма пачаў зачэпліва казаць, што унія з Княствам Літоўскім так называецца толькі з-за

²Найбольш каштоўным дасягненнем гістарыяграфіі па гэтай праблеме з’яўляецца праца польскага гісторыка Генрыха Ляўевіча: *Lulewicz H. Gniewówounię ciągalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa : Wydaw. Neiton : Inst. Historii PAN, 2002. 468 s.*

палітыкі, бо на самой справе княства было падаравана палякам каралём [Жыгімонтам] Аўгустам» [24, s. 253]. Пасля такога ўступу Казаноўскі пачаў зневажаць княжацкія тытулы, асабліва нададзеныя германскімі імператарамі, аргументуючы свае словы тым, што нельга быць грамадзянінам адразу некалькіх дзяржаў. Пасыл гэтага выступу польскага сенатара зразумелы ў кантэксце тагачасных спрэчак пра тытулы, бо польскія шляхціцы імкнуліся такім чынам да рэалізацыі ідэі роўнасці. Але ў гэтым меркаванні кашталяна завіхойскага прысутнічаў важкі падтэкст: *палякі пры жаданні могуць інтэрпрэтаваць Люблінскі акт на свой лад*, сцвярджаючы, што унія – рэч фармальная, ВКЛ не было і не можа быць нейкім самастойным суб'ектам, а самім жыхарам ВКЛ падаравалі магчымасць жыць у супольнай краіне з прычыны «вышэйшай» культуры Польшчы, што абавязвае іх падпарадкоўвацца патрабаванням польскай большасці. Такі крайні погляд на прыроду уніі быў уласцівы, што праўда, не ўсім, і гэта выявілася на наступны дзень дэбатаў. Тэму уніі ўздымалі палякі, у тым ліку кашталян рацёнжскі Станіслаў Крыскі выказаўся ў наступным духу: «...яго продак некалі падпісаў унію, а ён сам прысягае, што нашы продкі дагэтуль ва ўсім выконвалі яе пункты і ён не хоча выракацца слоў сваіх сваякоў і быць вераломцам» [24, s. 254].

Вынік гэтай сваркі падсумаваў сам літоўскі канцлер, які наступным чынам самога сябе працытаваў у дзённіку: «Аслеп той у Рэчы Паспалітай, хто не хоча бачыць, што Княства Літоўскае не было падаравана, але злучылася з Каронай на падставе ўзаемных дамоў, не праз вайну, але мірнымі сродкамі і шлюбам. Князі Святой Рымскай Імперыі з'яўляюцца добрымі грамадзянамі Польшчы; мае быць пазбаўлены зроку той, хто не ведае іх заслуг і не разумее, наколькі больш яны ахвяруюць дзеля дабра Айчыны свае сродкі і жыццё, чым той, хто іх зневажае і разважае так, як сляпы пра колеры» [24, s. 254]. Рацыя Альбрэхта Радзівіла, якога, па яго ж словах, падтрымалі і палякі, грунтавалася на іншым разуменні механікі аб'яднання Кароны Польскай і ВКЛ. Міф пра Люблін як прадукт кампрамісу быў больш выгадны як палякам, якія атрымлівалі дадатковыя рэсурсы і павялічвалі свае ўплывы на ўсход дзякуючы палітыцы «мякай сілы», так і прадстаўнікам ВКЛ, якія, прынамсі на той момант, не бачылі альтэрнатывы Рэчы Паспалітай. Раскол у шэрагах пануючага класа па гістарычным пытанні, тым больш такім, якое мела палітычнае гучанне, мог мець непрадказальныя наступствы нават для народаў, якія жылі разам на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў. Дзяржаўнае адзінства Рэчы Паспалітай патрабавала і адзінства гістарычнай памяці, і наяўнасці супольнай міфалогіі.

Згадкі пра Люблінскую унію не былі рэдкасцю і падчас рэгулярных з 1570-х і да пачатку 1630-х гг.

так званых з'ездаў станаў ВКЛ [25, s. 243–268]. У час праўлення Жыгімонта і Уладзіслава Вазаў адбылося, прынамсі, 35 асобных ад кароннай шляхты з'ездаў ВКЛ (галоўных соймаў), альбо канвакацый, на якіх унійнае рыторыка прысутнічала як у адкрытай форме, так і ў выглядзе падтэксту [8, s. 86–268]. Сумарна само слова «унія» выкарыстана ў вядомай дакументацыі, якая захавалася па выніках дзейнасці гэтых устаноў, каля дзясятка разоў, і, што цікава, раскіданы гэтыя згадкі ад пачатку панавання Жыгімонта да пачатку праўлення яго сына. Функцыянаванне асобных ад Кароны Польскай інстытутаў прадстаўніцтва ВКЛ не было прадугледжана актам уніі, таму дэ-юрэ іх скліканне мела «неканстытуцыйны» характар, хоць часам самі манархі загадвалі арганізоўваць гэтыя з'езды. Тым не менш неадкладныя, у тым ліку падатковыя, справы вымушалі парушаць унійныя дамоўленасці і спецыяльна апраўдвацца за гэта. Прыкладам можа быць пастанова Віленскай канвакацыі, якая была склікана на пачатку сакавіка 1634 г. Сабраныя на гэта мерапрыемства асобы адзначылі, што ва ўмовах вайсковай небяспекі не супаў час «экстраардынарных кансультацый» з нарадамі кароннай шляхты, і далей быў устаўлены цікавы зварот пра тое, што літвіны павінны мець з «панамі-братамі нашымі супольныя з'езды і дапамогу, што вынікае з унійных адносін» [8, s. 258].

Унія згадваецца таксама ў кантэксце складаных памежных дачыненняў Кароны Польскай з ВКЛ пасля ўтварэння Рэчы Паспалітай. Найбольш яркім і працяглым аб'ектам спрэчак былі тэрыторыі паміж Берасцейскім і суседнімі польскімі ваяводствамі [26, с. 38–50], што знайшло адлюстраванне на ўзроўні пастановаў усяго ВКЛ. Красамоўным прыкладам можа быць пункт дакумента, падрыхтаванага ў красавіку 1617 г., – ухвалы Віленскай канвакацыі, дзе была выкладзена просьба данесці літаральна «да вушэй» манарха няслушнасьць пастановы каронных камісараў адносна прысуджэння на карысць Польшчы «некалькіх тысяч валок уласнасці ВКЛ» [8, s. 224]. Такое рашэнне тлумачылася «скупанасцю» каронных камісараў, больш за тое, яно дэманстратыўна прадстаўлялася і патрабавала асобнага разгляду як «прыклад кепскага ўзору, які абражае ўнійны саюз, любоў і давер народаў» (тут і далей курсіў наш. – В. Г.) [8, s. 224]. Спасылка на унію была выкарыстана як важны юрыдычны аргумент вышэйшага ўзроўню, які мусіў суцішыць тэрытарыяльныя апетыты суседзяў па федэрацыі. Але падобна, што гэта быў ці не апошні аргумент, бо сама зацягнутасць той гісторыі не ішла на карысць ідэі шчаслівага яднання пад дамінацыяй Кароны Польскай.

Акт Люблінскай уніі, прынамсі ў дакументацыі, зацверджанай на з'ездах часоў праўлення Жыгімонта і Уладзіслава Вазаў, разглядаўся таксама як

гарантыя захавання элементаў асобнага статусу ВКЛ. Парушэнне яго выклікала даволі вострую рэакцыю з боку эліты ВКЛ, што відаць і па класічнай ужо гісторыі з прызначэннем паляка Бернарда Мацееўскага на пасаду віленскага біскупа. У адказ на гэта ў канвакацыйнай ухвале з'езда станаў ВКЛ ад 7 жніўня 1593 г. ад караля, які «нашуперак нашым правам і вольнасцям, *звычай даўнім і спісам уніі*» жадаў даць гэту пасаду ўраджэнцу Кароны Польскай, запатрабавалі прызначэння віленскім біскупам толькі «чалавека літоўскага народа» [8, s. 109–110].

Унійнае рыторыка праяўлялася ў самых розных кантэкстах, напрыклад як падкрэсленае жаданне адпавядаць сваім каронным калегам у выплачванні падаткаў. Так, ва ўніверсале, прынятым у адпаведнасці з пастановамі галоўнага з'езда ВКЛ у маі 1591 г., спецыяльна падкрэслівалася наступнае: «...а маючы на ўвазе *братэрскі ўніны хаўрус* і не жадаючы ні ў чым адрознівацца ад каронных станаў, дазволілі такі ж пабор...» [8, s. 100]. Падобны выраз па падатковым пытанні знаходзім і ў пастанове з'езда 1593 г.: «...згаджаючыся з братамі нашымі палякамі, з якімі *мы уніей звязаныя...*» [8, s. 105]. У сваю чаргу, калі самі жыхары ВКЛ патрабавалі дапамогі ў абароне «ад Масквы», то прасілі ў палякаў фінансавай падтрымкі, што зафіксавана ва ўхвале галоўнага соймака ў Слоніме ў 1615 г.: «...да чаго іх міласцей каронных паноў мае прывесці той

прысягнуты ўніны саюз» [8, s. 204]. Таксама на нарадах з'ездаў закраналася тэма сталага забеспячэння прыбыткамі земскага скарбу ВКЛ, у тым ліку за кошт выкупу закладзеных «перад уніяй» уладанняў, як гэта адлюстравана ў пастанове 1593 г. [8, s. 111].

Асобная цікавая старонка гісторыі ўнійнай рыторыкі звязана з падзеямі антыманархічнай рэвалюцыі ў Рэчы Паспалітай, так званым рокашам Зэбжыдоўскага 1606–1607 гг., удзел у якім прыняла частка шляхты ВКЛ [27, с. 105–120]. Цікава, што менавіта ў адпаведнасці з пастановамі Люблінскага сойма, «згодна з *уніным хаўрусам* сваёй Айчыны», удзельнікі прарокашнага з'езда, які адбыўся ў маі 1606 г. у Вільні, выправілі паслоў на «агульнарэспубліканскі» з'езд ракашан пад Люблін [8, s. 155]. Падобная «страховачная» аргументацыя была ўстаўлена і ў ліст да ракашан, высланы ўдзельнікамі віленскага з'езда, які адбыўся ў маі наступнага года: «...бо *спісы уніі так нас з іх міласцямі панамі кароннымі абавязалі*, што супольныя нарады і дапамогу ва ўсіх выпадках мець маем» [8, s. 176]. Але яшчэ больш варта ўвагі трактоўка падзей 1569 г. прысутнічае ў асобным звароце ўдзельнікаў віленскага з'езда. Там акт уніі прадстаўлены ўвогуле як крыніца грамадзянскіх свабод: «...ад выратавання правоў, вольнасцей і свабод нашых *згодна з унінымі абавязацельствамі* ўхіляцца не жадаем...» [8, s. 158].

Высновы

Як сведчаць прыведзеныя вытрымкі з соймавых канстытуцый і пастаноў з'ездаў шляхты ВКЛ, унійнае праблематыка захоўвала сваю актуальнасць на ўзроўні як парламента Рэчы Паспалітай, так і агульнадзяржаўных прадстаўнічых інстытутаў ВКЛ. Але і сойм, і канвакацыя былі толькі вяршынямі айсберга ў палітычнай канструкцыі шляхецкай рэспублікі, дзе абмяркоўваліся і ўздыхаліся тыя пытанні, якія павінны былі першапачаткова прайсці працэдуру ўзгаднення на рэгіянальным узроўні, на шматлікіх павятовых соймах ВКЛ. Аналіз канкрэтных выпадкаў згадвання пра унію ў павятовых інструкцыях, праведзены ў гістарыяграфіі, дазваляе заўважыць даволі істотную, калі не літаральную, карэляцыю паміж тым, што абмяркоўвалі павятовыя абывацелі на соймах, і тым, што даводзілася ў якасці патрабавання да ўстаноў агульнадзяржаўнага ўзроўню [28, с. 199–202; 29, с. 220–226]. Больш за тое, павятовыя інструкцыі ў шэрагу выпадкаў утрымлівалі больш экспрэсіўныя і жывыя ацэнкі як уніі, так і ўсёй польскай дзяржавы, польскай шляхты ды яе палітыкі адносна ВКЛ [28, с. 199–202]. Паступовы заняпад традыцый склікаць асобныя з'езды шляхты ВКЛ, што ў пэўнай ступені было вынікам частага саймавання ў час

праўлення Уладзіслава Вазы, на першы погляд мусіў прывесці да меншай кансалідацыі шляхты ВКЛ у адносінах да Кароны Польскай, але так не здарылася. Пра Люблінскую унію, якую ўсё радзей згадвалі ў соймавых канстытуцыях, не забывалі на павятовых соймах, праз якія праходзілі галоўныя лініі спаборніцтва інтарэсаў у Рэчы Паспалітай. Уласна гэта памяць стала адной з прычын падзей, якія прывялі да спробы разрыву адносін з Каронай Польскай у 1655 г.

Праведзены аналіз дазваляе ў цэлым канстатаваць, што ў канцы XVI – першай палове XVII ст. памяць пра Люблінскую унію трансліравалася галоўным чынам не праз наратыўныя каналы. Вельмі істотную ролю ў актуалізацыі падзей 1569 г. адыгрывалі прававыя акты і пастановы дзяржаўных органаў. Вынікам уніі стала зацвярджэнне тых норм дзяржаўнага права, якія немагчыма было ігнараваць у наступныя стагоддзі ніводнаму прадстаўніку так званага палітычнага народа Рэчы Паспалітай. Пры ўсёй крытычнасці і неадназначнасці ў ацэнках уніі ў цэлым шляхта ВКЛ не ставіла пад сумненне правільнасць выбару 1569 г., прымала і абараняла «люблінскі міф», бо ў тых умовах мела ад гэтага больш пераваг, чым страт.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Касцюк МП, Ісаенка УФ, Штыхаў ГВ, Каробушкіна ТМ, Лойка ПА, Капыскі ЗЮ і інш. *Нарысы гісторыі Беларусі. Частка 1*. Касцюк МП, рэдактар. Мінск: Беларусь; 1994. 527 с.
2. Бохан Ю, Галенчанка Г, Голубеў В, Дзярновіч А, Доўнар А, Іванова Л і інш. *Гісторыя Беларусі. Том 2. Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага*. Касцюк М, рэдактар. Мінск: Экоперспектива; 2008. 688 с.
3. Юхо ЯА. *Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі*. Мінск: Універсітэцкае; 1992. 270 с.
4. Снапкоўскі УЕ. *Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі. Частка 1. Ад пачатку дзяржаўнасці да канца XVIII ст.* Мінск: БДУ; 2003. 281 с.
5. Падалінскі УА. *Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай*. Радаман АА, рэдактар. Мінск: А. М. Янушкевіч; 2017. 240 с.
6. Сокал СФ, Янушкевіч АМ, рэдактары. *Праблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга новага часу: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 15–17 кастрычніка 2009 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БІП-С Плюс; 2010. 440 с.
7. Лойка ПА. *Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст.* Мінск: БДУ; 2002. 99 с.
8. Lulewicz H, redaktor. *Akta Zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. Tom 2. Okresy panowań królów elekcyjnych XVI–XVII wiek*. Warszawa: Wydawnictwo Neriton; 2009. 452 s. Razem z Instytut Historii PAN.
9. Strykowski M. *Kronika polska, litewska, żmódzka i w wszystkiej Rusi. Tom 2*. Warszawa: Nakładem G. L. Glucksberga; 1846. 572 s.
10. Гваньїні О. *Хроніка еўропейскай Сарматіі*. Київ: Києво-Могилянська академія; 2009. 1006 с.
11. Рыбаков БА, редактор. *Полное собрание русских летописей. Том 32*. Москва: Наука; 1975. 236 с.
12. Арлоў У, укладальнік. *Беларускія летапісы і хронікі*. Чамярыцкі В, рэдактар. Мінск: Беларускі кнігазбор; 1997. 432 с.
13. Bielski I, tworca. *Kronika Polska Marcina Bielskiego*. Kraków: Drukarnia Jakoba Gibeneychera; 1597. 832 s.
14. Bömelburg HJ. *Polska myśl historyczna a humanistyczna historia narodowa (1500–1700)*. Kraków: Universitas; 2011. 858 s.
15. Zakrzewski AB. *Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo-ustrój-społeczeństwo*. Warszawa: Wydawnictwo Campidoglio; 2013. 324 s.
16. Шамякін ІП, рэдактар. *Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. Тэксты. Даведка. Каментарыі*. Мінск: БелСЭ; 1989. 573 с.
17. *Volumina legum. Tom 2*. Petersburg: Nakladem i drukiem Jozafata Ohryzki; 1859. 482, XIII s.
18. Kutrzeba S, Semkowicz W, redaktory. *Akta unii Polski z Litwą (1385–1791)*. Kraków: Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności i Towarzystwa Naukowego Warszawskiego; 1932. 570 s.
19. Baliulis A, Ragauskienė R, Ragauskas A, redaktoriai. *Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrika = Литовская метрика. Книга 51 (1566–1574). Užrašymų knyga 51*. Vilnius: Žara; 2000. 486 p.
20. Мяцельскі АА, рэдактар. *Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Книга № 272 (1576–1579 гг.). Книга судовых спраў № 58 (копія канца XVI ст.)*. Мінск: Беларуская навука; 2015. 437 с.
21. Мяцельскі АА, рэдактар. *Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Книга № 70 (1582–1585 гг.). Книга запісаў № 70 (копія канца XVI ст.)*. Мінск: Беларуская навука; 2008. 354 с.
22. *Volumina legum. Tom 3*. Petersburg: Nakladem i drukiem Jozafata Ohryzki; 1859. 472, XV s.
23. *Volumina legum. Tom 4*. Petersburg: Nakladem i drukiem Jozafata Ohryzki; 1859. 501, XVII s.
24. Radziwiłł AS. *Pamiętniki o dziejach w Polsce. Tom 2*. Warszawa: PIW; 1980. 554 s.
25. Rachuba A. *Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763*. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe; 2002. 376 s.
26. Міхалюк Д. Памежныя спрэчкі паміж Каронай і Вялікім Княствам Літоўскім у XVI–XVII стст. на прыкладзе Мельніцкай і Берасцейскай земляў. *Гістарычны альманах*. 2001;5:23–53.
27. Галубовіч В. *Полацкая шляхта і дынастыя Вазаў*. Мінск: А. М. Янушкевіч; 2016. 224 с.
28. Галубовіч В. Палякі і Карона Польская ў пасольскіх інструкцыях шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў час праўлення Уладзіслава Вазы. У: Крэнь І, Мусіенка С, Папоў І, Роўба Я, рэдактары. *Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności: матэрыялы XV Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 13–14 лістапада 2008 г.; Гродна, Беларусь*. Гродна: ГрДУ; 2009. с. 199–202.
29. Сагановіч Г. Люблінскі акт 1569 г. у пастулатах шляхецкіх соймаў ВКЛ XVII ст. У: Сокал СФ, Янушкевіч АМ, рэдактары. *Праблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга новага часу: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 15–17 кастрычніка 2009 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БІП-С Плюс; 2010. с. 220–232.

References

1. Kascjuk MP, Isaenka UF, Shtyhaw GV, Karobushkina TM, Lojka PA, Kapyski ZJu, et al. *Narysy gistoryi Belarusi. Chastka 1* [Essays on the history of Belarus. Part 1]. Kascjuk MP, editor. Minsk: Belarus; 1994. 527 p. Belarusian.
2. Bohan Ju, Galenchanka G, Golubew V, Dzjarnovich A, Downar A, Ivanova L, et al. *Gistoryja Belarusi. Tom 2. Belarus' u peryjad Vjalikaga Knjastva Litowskaga* [History of Belarus. Volume 2. Belarus in the Great Duchy of Lithuania]. Kascjuk M, editor. Minsk: Ekoperspektiva; 2008. 688 p. Belarusian.
3. Juho JA. *Karotki narys gistoryi dzjarzhavy i prava Belarusi* [A short history of state and law of Belarus]. Minsk: Universitjeckae; 1992. 270 p. Belarusian.
4. Snopkovsky VE. *Gistoryja zneshnjaj palityki Belarusi. Chastka 1. Ad pachatku dzjarzhawnasci da kanca XVIII st.* [History of foreign policy of Belarus. Part 1. From the beginning of statehood to the end of the 18th century]. Minsk: Belarusian State University; 2003. 281 p. Belarusian.

5. Padalinski UA. *Pradstawnictwa Vjalikaga Knjastva Litowskaga na Ljublinskim sojme 1569 goda: udzel u pracy pershaga val'naga sojma Rjechy Paspalitaj* [The representation of the Grand Duchy of Lithuania at the Lublin Diet of 1569: participation in the activities of the first general diet of the Commonwealth]. Radaman AA, editor. Minsk: A. M. Janushkevich; 2017. 240 p. Belarusian.
6. Sokal SF, Janushkevich AM, editors. *Problemy intjegracyi i inkarpacyi w razvicci Cjentral'naj i Ushodnjaj Ewropy w peryjad rannjaga novaga chasu: matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 15–17 kastrychnika 2009 g.; Minsk, Belarus* [Problems of integration and incorporation in the development of Central and Eastern Europe in the early Modern period: proceedings of the International scientific conference; 2009 October 15–17; Minsk, Belarus]. Minsk: BIP-S Plus; 2010. 440 p. Belarusian, Russian, Polish.
7. Lojka PA. *Shljahta belaruskich zjamel' u gramadska-palitychnym zhycci Rjechy Paspalitaj drugoj palovy XVI – pershaj trjeci XVII st.* [The nobility of the Belarusian Lands in the social and political life of the Commonwealth of the second half of the 16th – the first third of the 17th century]. Minsk: Belarusian State University; 2002. 99 p. Belarusian.
8. Lulewicz H, redaktor. *Akta Zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. Tom 2. Okresy panowań królów elekcyjnych XVI–XVII wiek.* Warszawa: Wydawnictwo Neriton; 2009. 452 s. Razem z Instytut Historii PAN.
9. Strykowski M. *Kronika polska, litewska, żmódzka i wsiwszkiej Rusi. Tom 2.* Warszawa: Nakładem G. L. Glucksberga; 1846. 572 s.
10. Guagnini A. *Hronika evropejs'koi' Sarmatii* [European Sarmatia Chronicle]. Kyiv: Kiev-Mohylan Academy; 2009. 1006 p. Ukrainian.
11. Rybakov BA, editor. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 32* [Complete collection of Russian Chronicles. Volume 32]. Moscow: Nauka; 1975. 236 p. Russian.
12. Arlow U, compiler. *Belaruskaja letapisy i hroniki* [Belarusian Annals and Chronicles]. Chamiarycki V, editor. Minsk: Belaruskij knigazbor; 1997. 432 p. Belarusian.
13. Bielski I, tworca. *Kronika Polska Marcina Bielskiego.* Kraków: Drukarnia Jakoba Gibeneychera; 1597. 832 s.
14. Bömelburg HJ. *Polska myśl historyczna a humanistyczna historia narodowa (1500–1700).* Kraków: Universitas; 2011. 858 s.
15. Zakrzewski AB. *Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo-ustrój-społeczeństwo.* Warszawa: Wydawnictwo Campidoglio; 2013. 324 s.
16. Shamjakin IP, editor. *Statut Vjalikaga Knjastva Litowskaga 1588 g. Tjesty. Davedka. Kamentaryi* [Grand Duchy of Lithuania Statute 1588. Texts. Reference Book. Comments]. Minsk: BelSE; 1989. 573 p. Belarusian.
17. *Volumina legum. Tom 2.* Petersburg: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki; 1859. 482, XIII s.
18. Kutrzeba S, Semkowicz W, redaktory. *Akta unii Polski z Litwą (1385–1791).* Kraków: Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności i Towarzystwa Naukowego Warszawskiego; 1932. 570 s.
19. Baliulis A, Ragauskienė R, Ragauskas A, redaktoriai. *Lithuanian Metrika.* Vilnius: Žara; 2000. 486 p. Belarusian, Polish.
20. Mjaceł'ski AA, editor. *Metryka Vjalikaga Knjastva Litowskaga. Kniga № 272 (1576–1579 gg.). Kniga sudovyh sprav № 58 (kopija kanca XVI st.)* [Metrica of the Grand Duchy of Lithuania. Book No. 272 (1576–1579). Court Record Book No. 58 (a copy of the end of the 16th century)]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. 437 p. Belarusian.
21. Mjaceł'ski AA, editor. *Metryka Vjalikaga Knjastva Litowskaga. Kniga № 70 (1582–1585 gg.). Kniga zapisaw № 70 (kopija kanca XVI st.)* [Metrica of the Grand Duchy of Lithuania. Book No. 70 (1582–1585). Book of inscriptions No. 70 (a copy of the end of the 16th century)]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2008. 354 p. Belarusian.
22. *Volumina legum. Tom 3.* Petersburg: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki; 1859. 472, XV s.
23. *Volumina legum. Tom 4.* Petersburg: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki; 1859. 501, XVII s.
24. Radziwiłł AS. *Pamiętniki o dziejach w Polsce. Tom 2.* Warszawa: PIW; 1980. 554 s.
25. Rachuba A. *Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763.* Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe; 2002. 376 s.
26. Mikhaluk D. [Frontier disputes between the Crown and the Grand Duchy of Lithuania in 16th–17th centuries on the example Melnitsky and Brest lands]. *Gistarychny al'manah.* 2001;5:23–53. Belarusian.
27. Halubovich V. *Polackaja shljahta i dynastyja Vaza* [Polatsk gentry and Vasa dynasty]. Minsk: A. M. Yanushkevich; 2016. 224 p. Belarusian.
28. Halubovich V. [Poles and the Polish Crown in the instructions of the gentry of the Grand Duchy of Lithuania during the reign of Ladislas Vasa]. In: Krjen I, Musienka S, Papow I, Rowba Ja, editors. *Shljah da wzaemnasci = Droga ku wzajemności: matjeryjaly XV Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 13–14 listapada 2008 g.; Grodna, Belarus* [Way to reciprocity: materials of 15th International scientific conference; 2008 November 13–14; Hrodna, Belarus]. Hrodna: Yanka Kupala Grodno State University; 2009. p. 199–202. Belarusian.
29. Saganovich H. [Lublin 1569 act in the postulates of regional gentry councils in the XVII century]. In: Sokal SF, Janushkevich AM, editors. *Problemy intjegracyi i inkarpacyi w razvicci Cjentral'naj i Ushodnjaj Ewropy w peryjad rannjaga novaga chasu: matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 15–17 kastrychnika 2009 g.; Minsk, Belarus* [Problems of integration and incorporation in the development of Central and Eastern Europe in the early Modern period: proceedings of the International scientific conference; 2009 October 15–17; Minsk, Belarus]. Minsk: BIP-S Plus; 2010. p. 220–232. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 04.04.2018.
Received by editorial board 04.04.2018.

1708 ГОД В БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЕЛЫХ ПЯТЕН ТРЕХ КРУПНЕЙШИХ СРАЖЕНИЙ

А. Н. СЛЕСАРЕНКО¹⁾

¹⁾Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара,
пр. Гагарина, 72, 49000, г. Днепр, Украина

Рассматривается один из узловых моментов Великой Северной войны – поход шведского короля Карла XII на Москву. Показано, что исследователи данной темы до настоящего момента не пришли к единому мнению о причинах, вызвавших внезапный поворот шведской армии на юг с прямого маршрута на Москву. На основе исследования историографических достижений последних лет проведен сравнительный анализ военных операций, происходивших на территории Беларуси летом – осенью 1708 г. В этот период произошло три крупных сражения при переправах через важные водные рубежи: при Головчине, Малятичах и Лесной. Все они имели разный исход, поэтому представляется важно детально проанализировать особенности этих боев. Высказано предположение, что российской стороне удалось сочетать воздействие на шведскую армию разных родов войск: гвардейской пехоты, конных драгунских полков и иррегулярной конницы (казаки, калмыки и татары). Российская армия старалась ослабить войска противника путем создания трудностей в снабжении провизией. Причиной поворота на юг Карла XII стала потеря военного обоза, сопровождаемого корпусом Левенгаупта. Анализируется степень достоверности источников, освещающих события Великой Северной войны на территории Беларуси в 1708 г. На основе метода сравнительного анализа источников предпринята попытка восстановления реальной картины происходивших событий. Сделан вывод об умышленном искажении фактов в официальной российской историографии в целях создания позитивного имиджа царя Петра I и его соратников как на международной арене, так и внутри страны. Выявлена устойчивость этой традиции на протяжении длительного времени.

Ключевые слова: гвардия; иррегулярная конница; драгунские полки; военные операции; переправа; военный обоз.

1708 ГОД У БЕЛАРУСІ: ПАРАЎНАЛЬНЫ АНАЛІЗ БЕЛЫХ ПЛЯМ ТРОХ НАЙБУЙНЕЙШЫХ БАЁЎ

А. М. СЛЕСАРЭНКА^{1*}

^{1*}Дняпроўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Алеся Ганчара,
пр. Гагарына, 72, 49000, г. Дняпро, Украіна

Разглядаецца адзін з вузлавых момантаў Вялікай Паўночнай вайны – паход шведскага караля Карла XII на Маскву. Паказана, што даследчыкі гэтай тэмы да цяперашняга моманту не прыйшлі да адзінага меркавання аб прычынах, якія выклікалі раптоўны паварот шведскай арміі на поўдзень з прамога маршрута на Маскву. На аснове даследавання гістарыяграфічных дасягненняў апошніх гадоў праведзены параўнальны аналіз ваенных аперацый, якія адбываліся на тэрыторыі Беларусі летам – восенню 1708 г. У гэты перыяд адбыліся тры буйныя бітвы пры пераправах праз важныя водныя рубяжы: пры Галоўчыне, Маляцічах і Лясной. Усе яны мелі розны вынік, таму ўяўляецца важным дэталёва прааналізаваць асаблівасці гэтых баёў. Выказана меркаванне пра тое, што расійскаму боку ўдалося спалучаць уздзеянне на шведскую армію розных родаў войскаў: гвардзейскай пяхоты, конных драгунскіх палкоў і ірэгулярнай

Образец цитирования:

Слесаренко АН. 1708 год в Беларуси: сравнительный анализ белых пятен трех крупнейших сражений. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;2:31–39.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-31-39>.

For citation:

Slisarenko ON. 1708 year in the Belarus: an comparative analysis of the three biggest battles blind spots. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;2:31–39. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-31-39>.

Автор:

Александр Николаевич Слесаренко – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры европейского и международного права юридического факультета.

Author:

Oleksandr N. Slisarenko, PhD (history), docent; associate professor at the department of European and International law, faculty of law.
a.slisarenko61@gmail.com

конницы (казаки, калмыки и татары). Российская армия намеревалась ослабить войски саперника шляхам стварэння цяжкасцей у забеспячэнні правізіяй. Прычынай павароту на поўдзень Карла XII стала страта ваеннага абозу, які суправаджаў корпус Левенгаўпта. Аналізуецца ступень дакладнасці крыніц, якія асвятляюць падзеі Вялікай Паўночнай вайны на тэрыторыі Беларусі ў 1708 г. На аснове метаду параўнальнага аналізу крыніц ажыццёўлена спроба ўзнаўлення рэальнай карціны падзей. Зроблена выснова аб наўмысным скажэнні фактаў у афіцыйнай расійскай гістарыяграфіі з мэтай стварэння пазітыўнага іміджу цара Пятра I і яго папличнікаў як на міжнароднай арэне, так і ўнутры краіны. Выяўлена ўстойлівасць гэтай традыцыі на працягу доўгага часу.

Ключавыя словы: гвардыя; ірэгулярная конница; драгунскія палкі; ваенныя аперацыі; пераправа; ваенны абоз.

1708 YEAR IN THE BELARUS: AN COMPARATIVE ANALYSIS OF THE THREE BIGGEST BATTLES BLIND SPOTS

O. N. SLISARENKO^a

^aOles Honchar Dnipro National University, 72 Gagarina Avenue, Dnipro 49000, Ukraine

The article is devoted to one of the key moments of the Great Northern war – the campaign of the Swedish king Charles XII to Moscow. The historians of this campaign until now has not come to a consensus about what caused the sudden turn of the Swedish army to the South with a main route to Moscow. In the article on the basis of the analysis of historiographical achievements of recent years, a comparative analysis of military operations that took place on the territory of Belarus in the summer – autumn of 1708. In this period there were three major battles at the crossings of important water boundaries: when Golovchino, Maletichy and Lesnaja. All of them had different outcomes, so it is interesting to analyze in detail the features of these battles. The author believes that the Russian army managed to combine the impact on the Swedish army of different kind of troops: guards infantry, horse dragoon regiments and irregular cavalry (cossacks, kalmyks and tatars). The Russian army tried to weaken the enemy forces by creating difficulties in supply. The main motive for turning to the South of Charles XII was the loss of a military convoy, accompanied by a corps Lewenhaupt. The degree of reliability of the sources covering the events of the Great Northern war on the territory of Belarus in 1708 is analyzed. Based on the method of comparative analysis of sources, the author attempts to restore the real picture of the events. The conclusion is made about deliberate distortion of facts in the official Russian historiography in order to create a positive image of Tsar Peter I and his associates both in the international arena and within the country. The stability of this tradition for a long time is revealed.

Keywords: guards; irregular cavalry; dragoons regiments; military operation; river crossing; military baggage.

Введение

В начале 1708 г. усилия, прикладываемые шведским королем Карлом XII для того, чтобы одержать победу в Великой Северной войне (иначе – второй Северной войне), достигли апогея. Оставалось лишь сокрушить четвертого, последнего, участника антишведской коалиции – Московское государство. Решающие события развернулись на территории Беларуси: российский царь смог навязать шведскому королю свою тактику уклонения от генерального сражения, ослабления противника путем «скифской войны», нанесения ударов превосходящими силами по отдельным контингентам шведской армии. Хотя в начале июля 1708 г. Карл XII смог нанести чувствительное поражение русской армии при Головчине, эта победа не имела стратегического значения, а развернутая Петром I тактика опустошения территории привела к сильнейшему истощению королевской армии и вынудила Карла XII отказаться от привычной стратегии – удара по главным силам врага и захвата столицы – и принять неожиданное предложение украинского гетмана И. Мазепы о военно-политическом союзе.

При осуществлении плана «скифской войны» Петра I не останавливало то обстоятельство, что его армия разоряла территорию Беларуси, находившуюся под формальным суверенитетом союзной Речи Посполитой.

Обзорный анализ белорусской историографии по проблематике Великой Северной войны последних лет осуществил в недавней публикации А. Гронский. Хотя этот анализ нельзя считать беспристрастным, в целом можно согласиться с выводом автора: «Северная война в белорусской историографии не является популярной темой. Обобщающих белорусских исследований по ее протеканию не существует» [1, с. 168]. Конечно, за 28 лет независимости страны белорусской исторической наукой накоплен некоторый материал, позволяющий ориентироваться в исследовательских тенденциях. Встречаются и откровенно слабые работы вроде небольшой книги А. Велько [2], в которой, например на с. 13, присутствуют прямые текстуальные заимствования из монографии А. Беспалова [3, с. 131]. Вместе с тем есть

и работы достаточно высокого научного уровня. Таким является краткий очерк событий Великой Северной войны в монографии А. Котлярчука [4]. Можно также отметить статью Б. Сидоренко, уточняющую малоизученные моменты битвы при Лесной [5].

Столь же бедной на исследования является и украинская историография событий Великой Северной войны в Беларуси. Впрочем, это логично, поскольку украинская историческая наука сосредоточила все усилия на исследовании «революции» И. Мазепы и последующих событий. Военные действия в Беларуси упоминаются в работах украинских историков, в том числе автора этой статьи, вскользь, главным образом как прелюдия событий октября – ноября 1708 г. на землях Украины.

Значительно более обширной является историография этих событий в российской исторической науке. Наиболее значимые работы о событиях 1708 г. принадлежат В. Артамонову и А. Беспалову [3; 6–9]. За последние три десятилетия оценки происходившего на территории Беларуси существенно эволюционировали. Если ранее сражение при Головчине упоминалось как досадный эпизод, а потому крайне мало и поверхностно изучалось, бой при Малятичах подавался как крупный успех российского оружия, а сражение у Лесной – как «мать Полтавской победы», то сейчас начинают преобладать более взвешенные оценки. Подобные тенденции уже просматриваются, например, в недавней статье Б. Мегорского [10]. Прежние подходы определялись концепцией о заранее запланированном Карлом XII повороте в Украину в соответствии с тайным союзом с И. Мазепой. Теперь же российские историки соглашаются с тем фактом, что основной причиной ухода Карла XII с прямого

операционного направления на Москву стало осуществление «скифской тактики» Петром I, приведшее к тотальному разорению белорусских земель в 1707–1708 гг. [11, с. 227, 229].

Хотя шведская историография Великой Северной войны обширна и многообразна, события лета – осени 1708 г. отражены в ней неравномерно: основное внимание уделено сражению при Лесной и его последствиям, другие же операции рассмотрены поверхностно, как прелюдия иных операций. Из публикаций последнего времени достаточно интересный, хотя и краткий анализ этих событий дает П. Фром [12], а из исследований, доступных на русском языке, можно вспомнить весьма глубокую аналитическую работу А. Стилле [13] и более известную монографию П. Энглунда [14]. Фактически это его магистерская диссертация, где события 1708 г. изложены очень кратко.

Обзор историографических достижений последних лет показывает, что избранная тема является актуальной и требует дальнейшей разработки. **Цель** этой статьи заключается в сравнительном анализе боевых операций, происходивших на территории Беларуси летом – осенью 1708 г. В этот период произошло три крупных сражения при переправах через важные водные рубежи: при Головчине, Малятичах и Лесной. Все они имели разный исход, поэтому представляется интересным детально проанализировать особенности этих боев. Из этого вытекают следующие **задачи** проводимого исследования: на базе критического анализа существующих разночтений источников и выявления причин этих разночтений восстановить реальный ход событий; определить их влияние на достижение конечного успеха России в Великой Северной войне.

Методология исследования

Основным методом в данной работе выступает сравнительный анализ источников, базирующийся на принципах объективности и полноты исследования. Также применяется метод контент-анализа при изучении донесений о результатах боев при Малятичах и Лесной. В рамках исследования проведена датировка событий по двум календарным

системам – юлианскому стилю, действовавшему в России, и по старому шведскому календарю, опережавшему юлианский на один день. Таким способом осуществлена попытка преодолеть разночтения шведских и российских источников, повлиявших на датировки в позднейших исследованиях.

Результаты и их обсуждение

Хотя современные российские авторы стараются избегать категоричных утверждений, характерных для классовой марксистской методологии времен СССР, они все же прибегают к такой интерпретации событий, чтобы представить в выгодном, с их точки зрения, свете Петра I и его соратников, прежде всего А. Меншикова. Такие искажения касаются не столько событийного ряда, сколько сопутствующих элементов сражений, главным об-

разом соотношения сил и последствий сражений. Примером такой трактовки может быть одно из военно-исторических исследований А. Беспалова – известного современного специалиста по истории Великой Северной войны. Анализируя ход последнего сражения, в котором шведское войско одержало значительную победу над московским, – битву при Головчине (июль 1708 г.), автор не смог сохранить полную объективность, в целом присущую его

работам [8; 9]. Сообщая о составе московских частей, участвовавших в битве, он перечисляет 20 батальонов пехоты (фактически 9,5 полков) и 10 полков драгунской конницы. При этом А. Беспалов определяет их численность в 55 эскадронов, хотя в перечне упоминает 50 (как, собственно, и должно быть по штатному расписанию). В штате пехотных подразделений числились 12,4 тыс. солдат и офицеров. Однако А. Беспалов указывает, что их было от 7 до 9 тыс. [9, с. 23]. Сомнительно, что в московских подразделениях, которые еще не участвовали в значительных боях, некомплект достигал от 30 до 45 %. Обычно в подразделениях московской армии за счет дезертиров и больных этот некомплект не превышал 20–25 %, к тому же достаточно быстро состав восполнялся, особенно в гвардии и приравненных к ней Астраханском и Ингерманландском полках. Например, из рапорта Б. П. Шереметьева от 29 (30) июля 1708 г. видно, что комплектность пехотных полков дивизии А. Репнина составляла от 79 до 89 % [15, с. 510–512]. Подобным образом описывается ситуация с конницей: на 55 эскадронов, по данным А. Беспалова, приходилось около 6 тыс. драгун, а не 11 тыс., как должно быть по списку. Эти полки также не участвовали в значительных боях за последние два года, поэтому придется предположить, что такой огромный некомплект (45 %) приходится на больных и дезертиров. Таким образом, А. Беспалов утверждает, что московский корпус имел всего 18 тыс. воинов (вместе с калмыками и казаками) вместо 27 тыс. воинов согласно списочному составу. По нашему мнению, части А. Репнина, Г. Гольца и К.-Э. Ренне насчитывали 23–24 тыс. воинов регулярного и иррегулярного войск.

Прямо противоположной изображается А. Беспаловым ситуация относительно шведской армии. Численность 12 батальонов пехоты вместо списочного состава в 7,5 тыс. воинов, согласно сведениям А. Беспалова, составляла 7,8 тыс., не учитывая тяжелого зимнего перехода 1707–1708 гг., а также стычек за предыдущие полгода на землях Беларуси и продовольственных проблем у шведской армии на чужой территории. Состав королевской конницы А. Беспалов очертил как 27 рот (что равняется 13,5 эскадронам). Численность шведских конных подразделений тоже подана с максимальными штатными параметрами – 3,5 тыс. всадников (даже несколько больше), кроме того, добавлен еще и полный штатный состав Валашского иррегулярного конного полка – 2 тыс., хотя в бою участвовали лишь треть воинов [9, с. 23]. Следует также иметь в виду, что именно этот полк принимал активное участие в «малой войне» в первой половине 1708 г. и нес наибольшие потери, а значит, не мог быть укомплектованным согласно штату. Благодаря такому подсчету численность шведского войска была преувеличена до 13,3 тыс. воинов (реальная численность составляла 10,0–10,5 тыс.). В результате

у читателя статьи А. Беспалова должно было сформироваться впечатление, что шведы победили врага, не в 2,4 раза превосходящего, а всего лишь в 1,3 раза более численного.

О степени достоверности российских аутентичных источников может дать представление процесс формирования известий о бое под местечком Доброе на р. Черная Напа (Беларусь), состоявшемся 30(31) августа 1708 г. В западной историографии это сражение известно как бой при Малятичах. На рассвете русские, узнав, что авангард шведской армии под командованием генерал-майора Роса (Русса) стоит на берегу этой неширокой реки, решили атаковать шведов. Для атаки было выделено два больших отряда: 8 батальонов пехоты (по одному от Преображенского, Семеновского, Ингерманландского, Астраханского, Гренадерского, Киевского (бывший полк фельдмаршала Шереметьева), Шлиссбургского и Нарвского полков), что эквивалентно 4 стандартным полкам [16, с. 13]; 30 драгунских эскадронов конницы, что эквивалентно 6 полкам. Штатная численность этих частей должна была составить более 5 тыс. пехоты и 6 тыс. конницы. Батальоны первых пяти упомянутых полков принадлежали к гвардии или приравненным к ней частям. Очевидно, ради скрытности операции и из-за неблагоприятной заболоченной местности артиллерию к этой акции решено было не привлекать. Кроме того, Петр I выделил в ближнее прикрытие, на северном берегу р. Черная Напа, группу в составе 3 полков – Новгородского, Псковского, Нижегородского [16, с. 214]. В ходе боя, очевидно на завершающем этапе, было задействовано одно из подразделений Новгородского полка – рота поручика Г. Сонины. Как выяснил Б. Мегорский, кроме упомянутых 8 батальонов, в бою прямо участвовали еще 2 пехотных полка – Белгородский и Великолукский, а также драгуны из лейб-шквдрона А. Меншикова (возможно, в спешном строю) [10, с. 214]. Таким образом, это добавляет к корпусу М. Голицына 1,8–2,0 тыс. пехоты и 400 драгун. Итак, в ходе боя российский командующий использовал от 7,5 до 8,0 тыс. бойцов (с учетом роты новгородцев).

Фактор неожиданности сыграл свою роль, и московская пехота М. Голицына, перейдя на рассвете реку вброд, атаковала два шведских батальона, стоявших на берегу р. Черная Напа [17, с. 312]. Шведы, несмотря на многократное превосходство врага, оказали ожесточенное сопротивление: русских погибло 375 человек, ранены были 1191, а всего было из строя 1566 солдат и офицеров (т. е. более трети штатной численности упомянутых батальонов). Особенно большие потери понесла гвардия: батальон Преображенского полка лишился двух третей штатной численности, батальон Семеновского полка – 40 %, другие батальоны тоже понесли ощутимые потери – от 20 до 33 % [15, с. 109]. Тем не менее после полутора-двухчасового боя швед-

ской пехоте (численно уступавшей российской пехоте примерно в 6 раз) пришлось отходить к своему обозу. На помощь ей от главных сил прибыла конница, возглавляемая лично королем. В то же время российская конница под командованием генерал-лейтенанта Пфлуга, двигаясь через болота и чащи, не смогла вовремя поступить к полю боя и поддержать свою пехоту, хотя какая-то ее небольшая часть в бою все же приняла участие [10, с. 213]. В результате М. Голицыну пришлось отступить, захватив среди трофеев 6 шведских флагов (очевидно, ротных). Обе стороны объявили сражение своей победой, ведь россиянам удалась неожиданная атака части шведской армии с нанесением ей значительных потерь, а шведы в итоге отбили нападение и тоже нанесли противнику существенные потери. На следующий день Петр I оставил данную местность, косвенно признав превосходство врага.

Хотя пропагандистский элемент всегда присутствовал в идеологическом сопровождении войн («война на перьях»), в данном случае есть возможность проследить этапы формирования официального пропагандистского дискурса. Петр I сразу после боя 30 августа 1708 г. написал публичное письмо, где заявил о большом успехе [15, с. 106]. В этом письме он изложил обстоятельства боя следующим способом: якобы шведов было 5 тыс. пехоты и несколько тысяч конницы, а в ходе боя погибли более 2 тыс. врагов и еще столько же были ранены. Российская же сторона, согласно письму, обошлась «с наименьшей потерей войск» [15, с. 106]. Российские войска отошли, по приказу лично царя, якобы в полном порядке [15, с. 106, 107].

Однако на следующий день Петр I составляет другой вариант письма, который вскоре становится официальной версией. Теперь уже российской конницы было лишь несколько эскадронов, генерал-майор М. Голицын просто командовал 8 батальонами пехоты (не подчеркивалось наличие среди них гвардии), российский отряд прорвался вплоть до самого неприятельского лагеря (а не просто к обозу), шведов было уничтожено 3 тыс. Правда, из данного донесения исчезла шведская конница генерал-майора Кресе и осталась лишь пехота генерал-майора Рооса – целых пять полков. Потери царских войск были поданы в «рописи» без детальных характеристик [15, с. 108].

Позже, в конце того же дня, появилась третья версия произошедшего в письме царя к генерал-адмиралу Ф. Апраксину. В письме не было упоминания о русских эскадронах, а бой изображался лишь как бой пехоты [15, с. 111]. За сутки (или полтора суток) картина боя в изложении Петра I эволюционировала от не совсем удачной операции по возможному уничтожению шведского авангарда из 3 пехотных полков превосходящими силами россиян (10 полков пехоты и драгун) к вполне успешной операции небольшого московского detaшмента

(отдельного отряда) из 4 пехотных полков против превосходящих сил врага из 5 полков. В ходе этого боя враг понес огромные потери: 3 тыс. убитых из возможных 6 тыс. После выполнения задания российский отряд отошел без особых потерь, полностью сохранив боеспособность («...отошли от них без разорения рядов» [15, с. 111]).

Реально же российский отряд Голицына вынужден был отходить под ударами шведской конницы, потому что, например, батальон преображенцев потерял убитыми и ранеными практически всех офицеров – 17 человек, да и боеспособных рядовых в нем оставалось около 200 (одна треть). Батальон семеновцев потерял убитыми и ранеными 7 офицеров (40 %). Интересно, что в донесениях совсем не упоминаются шведские пленные – очевидно, их не было. Кстати, шведы достаточно адекватно оценивали потери противника (1,6 тыс. убитых и раненых), немного ошибившись в пропорции [10, с. 206]. Поэтому можно доверять и сообщениям шведов об их потерях: 261 погибший и 750 раненых, т. е. в три-четыре раза меньше, чем считали их противники. Фактические потери шведов были в полтора раза меньше, чем у российских войск, что вполне соответствует реалиям оборонительного боя при неожиданном нападении.

Но, как уже упоминалось, именно на основе писем Петра I была сформирована фактическая картина боя во всех последующих официальных изданиях. Если бы не уцелели воспоминания князя Б. Куракина, вероятного свидетеля этого боя, то шведские данные А. Юлленкрука и Г. Адлерфельда трактовались бы как враждебная фальсификация, что, собственно, и происходило в российской историографии в течение 300 лет.

Еще одним примером, который побуждает к критическому отношению прежде всего к российским источникам, являются обстоятельства шведского марша в начале сентября 1708 г. в направлении Украины. Российские генералы, в частности К.-Э. Ренне, донесли царю, будто они уничтожили переправы через р. Сож. Однако Петр I, зная коварный характер своих подчиненных, отправил свое доверенное лицо, адъютанта и капитан-поручика гвардии Ф. Бартечева, проверить эту информацию. Вот что Ф. Бартечев докладывал 20 сентября 1708 г., посетив мосты в районе Черикова и Кричева: «...приехал я к Черикову, бродов нет, а через реку наши с неприятелем стреляются против города Черикова и мостов. Посередине из мостов только выведено по одному плоту. А с нашего берега очень берег низкий и болото, батареи же никакой нет. А с неприятельского берега гора высокая, если с пушками они придут, то могут того же времени наших от мостов отбить и по тем нашим мостам перейти. А от Кричева до Черикова по берегу очень небрежно – разъездов нет даже и за полмили до Черикова...» [15, с. 602]. Таким образом, шведский

авангард застиг россиян неожиданно, не дав им возможности уничтожить мосты. Собственно, об этом и пишет официальный каролинский историограф Г. Адлерфельд. Тем не менее российские военные историки начала XX в. утверждают, что генерал Ренне мосты сжег, как только приблизились шведы [18, с. 52, 58].

Похожая ситуация наблюдается и с написанным официальным отчетом Петра I о бое у Лесной. Радуюсь победе, он сообщал, очевидно утром 29 (30) сентября, Г. Головкину: «...не крася, но истину пишу, как вы не в лживом моем слове известны, и что нас не было 10 тысяч в сборе» [19, с. 174]. Конечно, царь знал реальный состав своей армии, лишь регулярные войска которой насчитывали почти 16 тыс. воинов, а также включали значительные казачьи и калмыцкие подразделения [15, с. 168, 172, 175]. Завышал царь и количество войска генерала А. Левенгаупта. Тогда же в письме к князю-кесарю Ф. Ромодановскому (а всего Петр I написал в этот день 9 писем своим вельможам и одно письмо к экс-королю Августу II) царь предполагал, что шведов было 16 тыс. воинов, но, возможно, и 20 тыс. [15, с. 168]. В письме к Ф. Апраксину в Санкт-Петербург 6 (7) октября Петр I уже утверждал, что корпус Левенгаупта насчитывал 20 тыс. воинов [15, с. 182], однако в официальной реляции решил вернуться к цифре в 16 тыс., хотя в этой же реляции он заявлял, будто о численности шведского корпуса они узнали еще накануне боя из допросов пленных [15, с. 210].

В советский период официальная историография также допускала искажение цифр. Так, например, повествуя о битве при Лесной, исследователи приводили численность российского корволанта в 11 631 человек, подчеркивая тем самым значительное преимущество Левенгаупта в силах (16 тыс.). В документах XVIII в. действительно такая цифра фигурирует, однако она касается лишь численности 14 полков корволанта, которые начинали бой 28 сентября, при этом не учтено число офицеров указанных полков [18, с. 143]. Но если добавить и их, то реальная численность московского корволанта увеличится не менее чем на 420 человек и превысит 12 тыс. А еще следует принимать во внимание, что во второй половине того дня подошли 8 драгунских полков, которые насчитывали без малого 5 тыс. [6, с. 17]. Поэтому и получается, что Петр I в течение 28 (29) сентября 1708 г. бросил в бой против Левенгаупта только регулярного войска более 17 тыс., а была же еще и иррегулярная калмыцкая и казачья конницы – это еще минимум 1 тыс. всадников. Между тем в 1909 г. был опубликован сводный табель московских войск, участвовавших в этой битве. В нем указано, что в 22 полках насчитывалось даже 17 917 нижних чинов, т. е. вновь без офицеров [18, с. 198, 199], а в этих полках их должно быть более 500. Итак, реальная численность регулярных войск (11 батальонов гвардейской пехоты,

включая Ингерманландский и Астраханский полки, и 18 драгунских полков) достигала как минимум 18,5 тыс. воинов, а с учетом иррегулярных сил казачьей и калмыцкой конницы получается, что Петр I выставил против Левенгаупта 20-тысячное войско против 13 тыс. шведов (20 батальонов прибалтийской и финской пехоты и 9 конных полков). Между прочим, в официальных сообщениях о победе при Лесной царь подавал численность российских войск как 15 701 человек против 16 тыс. солдат Левенгаупта [15, с. 836–837]. В современных европейских исследованиях фигурируют еще более высокие цифры в отношении шведской армии за счет включения в состав этих контингентов еще и отряда бригадира Ф. Фастмана численностью от 1,4 до 1,9 тыс. драгун и казаков. Это соединение накануне боя сожгло Пропойск и отошло на левый берег р. Сож, прямого участия в бою не принимало, но его присутствие вблизи места боя в большой степени повлияло на ситуацию, особенно на следующий день, сорвав переправу уцелевших шведских частей и обоза [20, р. 108]. Кстати, даже один из самых известных современных российских специалистов по Великой Северной войне В. Артамонов также допускает неоднозначную трактовку цифр. Прекрасно зная шведские источники о битве при Лесной, он, не аргументируя своего выбора, опирался на данные о числе шведских воинов, приведенные фендриком (прапорщиком) Р. Петре (12 950 человек), которые являются максимальными [6, с. 25]. Другой участник боя лейтенант Ф. Вейе указывал численность корпуса Левенгаупта на 1,5 тыс. меньше (11 450 человек). Еще меньшие цифры сообщает сам Левенгаупт – 10 914 бойцов, однако генерал слишком заинтересованное лицо, чтобы доверять его данным беспрекословно [21, с. 257]. Современный белорусский историк А. Котлярчук в своем исследовании избрал как раз среднюю цифру, приведенную лейтенантом Ф. Вейе [4, с. 120]. Точно так же оценивал силы генерала А. Левенгаупта и известный украинский историк Т. Мацькив [22, с. 22]. Безусловной заслугой А. Беспалова является доказательство того факта, что корпус генерала А. Левенгаупта состоял на две трети из финских, прибалтийских и немецких солдат, корволант же Петра I представлял собой отборные силы российской пехоты и конницы.

Собственно, присоединение корпуса А. Левенгаупта не могло решить всех проблем главных сил королевской армии, ведь он имел запасы только на три месяца, т. е. лишь до Рождества, а в дальнейшем снова пришлось бы искать местные ресурсы. Вообще размеры обоза А. Левенгаупта очень преувеличены. Максимальную цифру называют Е. Тарле и А. Беспалов – 8 тыс. возов [23, с. 208; 3, с. 129]. В работах украинских историков их количество оценивается в 7 тыс. [22, с. 22]. Такую же цифру встречаем и у современника событий Г. Адлерфельда [24, с. 99]. Правда, следует иметь в виду, что сам

Г. Адлерфельд находился при штаб-квартире короля Карла XII и сообщал обстоятельства марша А. Левенгаупта и боя при Лесной уже постфактум и, вероятнее всего, со слов самого генерала А. Левенгаупта. Сначала В. Артамонов придерживался данных Г. Адлерфельда [25, с. 172], а потом переориентировался на более высокие цифры – до 8 тыс. [6, с. 8].

Реально обоз А. Левенгаупта включал три составляющие: собственный обоз корпуса, насчитывавшего примерно 14,5 полков, т. е. около 1,8–2,0 тыс. полковых повозок; повозки с грузами для королевской армии, примерно 1,3 тыс. фур; неизвестное количество маркитантских повозок, присоединившихся к корпусу А. Левенгаупта на свой страх и риск [6, с. 8]. Маловероятно, что их было почти 5 тыс., более реальной кажется вдвое или втрое меньшая численность маркитантских фур. Интересно, что из писем царя Петра I, отправленных сразу после победы под Лесной князю Ф. Ромодановскому, следовало, что шведский обоз состоял примерно из 5 тыс. телег [19, с. 168, 172]. Вопреки этому А. Беспалов допускает, что главный обоз включал дополнительное число полковых обозов, выводя общую цифру лошадей (обозных и верховых) в корпусе А. Левенгаупта в 62 тыс. голов [3, с. 130].

Подводя итоги этой крупнейшей операции на территории Беларуси в 1708 г., можно утверждать, что А. Левенгаупту удалось избежать разгрома, нанести превосходящему противнику значительные потери – до 4 тыс. убитых и раненых, обеспечить

скрытный отход оставшихся сил и увести более половины обоза с поля боя. Но все же второразрядные шведские войска получили тяжелый удар под Лесной 28 (29) сентября, потеряв значительную часть (до 2 тыс. телег) обоза с необходимыми боеприпасами и амуницией. Едва ли не первый раз за Великую Северную войну шведские войска понесли большие людские потери на поле боя (до 2,7 тыс. убитых и до 150 пленных), были разрушены несколько пушек. Но худшее заключалось в том, что главнокомандующий генерал А. Левенгаупт сразу после битвы потерял управление войсками (а у него оставалось еще 10 тыс. воинов) [6, с. 50]. Это привело к деморализации и окончательному разгрому его корпуса на следующий день, когда попали в плен более 600 солдат, еще около 500 были уничтожены [26, с. 51], а свыше 1500 солдат, отбившись от основной массы, вернулись в Прибалтику, обойдя силы корволанта. Тогда же были потеряны оставшаяся артиллерия и часть обоза, которая еще оставалась [27, с. 234–235]. Только благодаря генералу Стакельбергу (Штакельбергу) удалось сохранить единство и впоследствии довести до короля 6700 бойцов [6, с. 46]. Однако есть все основания полагать, что российские историки преувеличивают стратегическое значение победы при Лесной: основные силы Карла XII сохранили свой ударный потенциал, а союз с украинским гетманом И. Мазепой, заключенный в конце октября 1708 г., вполне мог нейтрализовать все негативные последствия поражения А. Левенгаупта.

Заключение

Таким образом, на территории Беларуси произошли три важных столкновения: тактическая победа шведов при Головчине, закончившееся вничью сражение при Малятичах и закончившаяся российской победой битва при Лесной. В результате критического анализа источников и переосмысления данных предшествующих исследований можно утверждать, что в первом сражении общее число участников с обеих сторон достигло 33–35 тыс. человек, во втором бою – около 10 тыс. бойцов с обеих сторон, а в третьем сражении – не менее 31–33 тыс. воинов. Во всех случаях российская сторона имела существенное превосходство в силах – от 1,5 (битва при Лесной) до 2,5 (сражение при Малятичах) раза. В результате первого сражения российская армия была вытеснена из центральной Беларуси за р. Днепр, но не понесла тяжелых потерь. Во втором бою инициатива была проявлена российскими вой-

сками. Хотя они не смогли воспрепятствовать продвижению шведов в направлении своей границы, но нанесли им урон, сравнимый с потерями при Головчине, а менее чем через две недели армия Карла XII повернула в направлении Украины. Наконец, в битве при Лесной шведские потери впервые существенно превысили российские и Петром I были достигнуты весьма важные результаты как материального, так и психологического плана. Заметно, что тактическое мастерство российской армии и ее командования набирало силу. Дальнейшие события в Украине прямо зависели от результатов этих боев, поэтому можно утверждать, что неудача Карла XII определилась в лесах Беларуси, а не на полях Украины. Следует, однако, признать, что комплексное исследование боевых операций в ходе Великой Северной войны на территории Беларуси еще не реализовано.

Библиографические ссылки

1. Гронский АД. Северная война в белорусской историографии 2010–2015 гг. В: Ефимов СВ, редактор. *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды VII Международной научно-практической конференции; 18–20 мая 2016 г.; Санкт-Петербург, Россия. Часть 2*. Санкт-Петербург: ВИМАИВиВС; 2016. с. 168–183.
2. Велько АВ. *Битва у Лесной*. Минск: Белорусская православная церковь; 2008. 28 с.

3. Беспалов АВ. *Битвы Великой Северной войны*. Москва: Рейтар; 2005. 254 с.
4. Катлярчук А. *Шведы ў гісторыі й культуры беларусаў*. Вільня: Інстытут беларусістыкі; 2007. 328 с.
5. Сидоренко БИ. Битва у Лесной 28 сентября 1708 г. в свете статистики потерь русской и шведской армий. В: *Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы: к 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Материалы Международной научно-практической конференции; 4 октября 2008 г.; Могилёв, Беларусь*. Могилёв: МГУ им. А. А. Кулешова; 2008. с. 279–286.
6. Артамонов ВА. «Несказанная виктория»: сражение при Лесной. 1708. Москва: Цейхгауз; 2009. 64 с.
7. Артамонов ВА. *Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы*. Москва: МППА «БИМПА»; 2009. 704 с.
8. Беспалов АВ. Головчинский урок, 3–4 июля 1708 г. *Воин*. 2008;8:22–26.
9. Беспалов АВ. Головчинский урок, 3–4 июля 1708 г. *Воин*. 2008;9:21–23.
10. Мегорский БВ. Бой при Добром в 1708 году: новые источники. В: Ефимов СВ, редактор. *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды VIII Международной научно-практической конференции; 17–19 мая 2017 г.; Санкт-Петербург, Россия. Часть 3*. Санкт-Петербург: ВИМАИВиВС; 2017. с. 202–216.
11. Иванюк СА. Военная добыча на территории Речи Посполитой 1705–1708 гг. В: *История военного дела. Исследования и источники* [Интернет]. 2017 [процитировано 22 октября 2017 г.]; 9:222–262. Доступно по: http://www.milhist.info/2017/10/22/ivanyuk_3.
12. From P. *Katastrofen vid Poltava. Karl XII: s ryska förtåg 1707–1709*. Lund: Historska media; 2006. 424 s.
13. Стилле А. *Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг.* Москва: Издательство М. Александрова; 1912. 170 с.
14. Энглунд П. *Полтава. Рассказ о гибели одной армии*. Москва: Новое книжное обозрение; 1995. 288 с.
15. Кафенгауз ББ, редактор. *Письма и бумаги императора Петра Великого. Том 8, выпуск 2*. Москва: АН СССР; 1951. 1178 с.
16. Татарников КВ. *Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение*. Москва: Любимая книга; 2008. 234 с.
17. Семевский МИ, редактор. *Архив князя Ф. А. Куракина. Том 1. Бумаги князя Бориса Ивановича Куракина. 1676–1727*. Санкт-Петербург: Русская старина; 1890. 387 с.
18. Байов АК, редактор. *Труды Императорского Русского Военно-исторического общества. Том 1. Документы Северной войны. Полтавский период (июль – октябрь 1708 г.)*. Санкт-Петербург: Свет; 1909. 291 с.
19. Андреев ИН, редактор. *Письма и бумаги императора Петра Великого. Том 8, выпуск 1*. Москва: АН СССР; 1948. 406 с.
20. Dorrell NA. *The dawn of the tsarist empire: Poltava and the Russian campaigns of 1708–1709*. Nottingham: Partizan Press; 2009. 108 p.
21. Павленко С. Війська Карла XII на півночі Гетьманщини. *Сіверянський літопис*. 2014;5:256–300.
22. Мацьків Т. Як була вирішена битва під Полтавою? *Український історик*. 1989;4(26):17–28.
23. Тарле ЕВ. *Северная война и шведское нашествие на Россию*. Москва: Соцэкгиз; 1958. 480 с.
24. Колганова І, перекладач. Щоденник камергера Карла XII Густава Адлерфельда про перебування шведів восени 1708 р. на Чернігово-Сіверщині. *Сіверянський літопис*. 2014;4:95–110.
25. Павленко НИ, Артамонов ВА. 27 июня 1709 г. Москва: Молодая гвардия; 1989. 270 с.
26. Андреев ИЛ. *На пути к Полтаве*. Москва: Вече; 2009. 378 с.
27. Копысский ЗЮ, Мелешко ВИ. Помощь белорусского народа русской армии в годы Северной войны. В: Греков ИБ, редактор. *Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы*. Москва: АН СССР; 1959. с. 209–236.

References

1. Gronskey AD. [The Northern war in historiography of Byelorussia between 2010–2015]. In: Efimov SV, editor. *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 18–20 maya 2016 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya. Chast' 2* [War and weapons. New research and materials. Proceeding of the 7th International Scientific and Practical Conference; 2016 May 18–20; Saint Petersburg, Russia. Part 2]. Saint Petersburg: Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps; 2016. p. 168–183. Russian.
2. Velko AV. *Bitva u Lesnoi* [The battle about Lesnaja]. Minsk: Belorusskaya pravoslavnyaya tserkov'; 2008. 28 p. Russian.
3. Bespalov AV. *Bitvy Velikoi Severnoi voiny* [Battle of the Great Northern War]. Moscow: Rejtar; 2005. 254 p. Russian.
4. Katljrchuk A. *Shvjedy w gistoryi j kul'tury belarusaw* [The Sweds in history and culture of Byelorassians]. Vilnius: Instytut belarusistyki; 2007. 328 p. Belarusian.
5. Sydorenko BI. [The battle about Lesnaja in 28 september 1708 in the light of casualties statistics Russian and Swedish army]. In: *Severnaya voyna 1700–1721 gg. i istoricheskie sud'by Evropy: k 300-letiyu so dnya bitvy pri Lesnoi. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 4 oktyabrya 2008 g.; Mogilev, Belarus'* [Northern war 1700–1721 and historical destiny of Europe: to the 300th anniversary of the Battle about Lesnaja. Materials of the International scientific and practical conference; 2008 October 4; Mogilev, Belarus]. Mogilev: A. Kuleshov Mogilev State University; 2008. p. 279–286. Russian.
6. Artamonov VA. «Neskazannaya viktoria»: srazhenie pri Lesnoi. 1708 [«Neskazannaya viktoria»: the battle about Lesnaja. 1708]. Moscow: Tseikhgauz; 2009. 64 p. Russian.
7. Artamonov VA. *Poltavskoe srazhenie. K 300-letiyu Poltavskoi pobedy* [Poltava Battle. To the 300th anniversary of the victory of Poltava]. Moscow: MPPA «BIMPA»; 2009. 704 p. Russian.
8. Bespalov AV. [Lesson by Golovchino, 1708 July 3–4]. *Voin*. 2008;8:22–26. Russian.
9. Bespalov AV. [Lesson by Golovchino, 1708 July 3–4]. *Voin*. 2008;9:21–23. Russian.
10. Megorskiy BV. [Battle at the Dobroe in 1708: a new sources]. In: Efimov SV, editor. *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 17–19 maya 2017 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya. Chast' 3* [War and weapons. New research and materials. Proceeding of the 8th International scientific and practical conference; 2017 May 17–19; Saint Petersburg, Russia. Part 3]. Saint Petersburg: Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps; 2017. p. 202–216. Russian.

11. Ivanuk SA. [Looting of the Polish-Lithuanian Commonwealth during the 1705–1708 campaign]. In: *Istoriya voennogo dela. Issledovaniya i istochniki* [History of military art. Researches and sources] [Internet]. 2017 [cited 2017 October 22];9: 222–262. Available from: http://www.milhist.info/2017/10/22/ivanyk_3. Russian.
12. From P. *Katastrofen vid Poltava. Karl XII: s ryska fättåg 1707–1709*. Lund: Historska media; 2006. 424 s.
13. Stille A. *Karl XII kak strateg i taktik 1707–1709 gg.* [Karl XII as a strategist and tactician 1707–1709]. Moscow: Publishing House by M. Aleksandrov; 1912. 170 p. Russian.
14. Englund P. *Poltava. Rasskaz o gibeli odnoi armii* [Poltava. The story about the death of one army]. Moscow: Novoe knizhnoe obozrenie; 1995. 288 p. Russian.
15. Kafengauz BB, editor. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Tom 8, vypusk 2* [The letters and papers of emperor Peter the Great. Volume 8, issue 2]. Moscow: Academy of Sciences of USSR; 1951. 1178 p. Russian.
16. Tatarnikov KV. *Russkaya polevaya armiya 1700–1730. Obmundirovanie i snaryazhenie* [Russian field army 1700–1730. Outfit and equipment]. Moscow: Lubimaya kniga; 2008. 234 p. Russian.
17. Semevskii MI, editor. *Arkhiv knyazya F. A. Kurakina. Tom 1. Bumagi knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina. 1676–1727* [The archive of prince F.A. Kurakin. Volume 1. The papers of prince B. Kurakin. 1676–1727]. Saint Petersburg: Russkaya starina; 1890. 387 p. Russian.
18. Baiov AK, editor. *Trudy Imperatorskogo Russkogo Voenno-istoricheskogo Obshchestva. Tom 1. Dokumenty Severnoi voiny. Poltavskii period (iyul' – oktyabr' 1708 g.)* [The works of imperial Military-Historical Society. Volume 1. Documents of the Northern War. Poltava period (July – October 1708)]. Saint Petersburg: Svet; 1909. 291 p. Russian.
19. Andreev IN, editor. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Tom 8, vypusk 1* [The letters and papers of emperor Peter the Great. Volume 8, issue 1]. Moscow: Academy of Sciences of USSR; 1948. 406 p. Russian.
20. Dorrell NA. *The dawn of the tsarist empire: Poltava and the Russian campaigns of 1708–1709*. Nottingham: Partizan Press; 2009. 108 p.
21. Pavlenko S. [The troops of Charles XII in the north of Hetmanshin]. *Siverjans'kij litopis*. 2014;5:256–300. Ukrainian.
22. Mackiv T. [How the battle of Poltava was decided?]. *Ukrai'ns'kyj istoryk*. 1989;4(26):17–28. Ukrainian.
23. Tarle EV. *Severnaya voina i shvedskoe nashestvie na Rossiyu* [The Northern war and Swedish offence against Russia]. Moscow: Sotsekgiz; 1958. 480 p. Russian.
24. Kolganova I, translator. [Diary of kammerger Charles XII G. Adlerfelt about finding Swedes in the autumn 1708 in Chernigov-Sivershina]. *Siverjans'kij litopis*. 2014;4:95–110. Ukrainian.
25. Pavlenko NI, Artamonov VA. *27 Iyunya 1709 g.* [1709 June 27]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1989. 270 p. Russian.
26. Andreev IL. *Na puti k Poltave* [On the way to Poltava]. Moscow: Veche; 2009. 378 p. Russian.
27. Kopysskij ZY, Meleshko VI. [The helpness of Belarusian people for Russian army during the years of the Northern War]. In: Grekov IB, editor. *Poltavskaja pobeda. Iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii nakanune i posle Poltavy* [The victory of Poltava. From the history of international relations on the eve and after Poltava]. Moscow: Academy of Sciences of USSR; 1959. p. 209–236. Russian.

Статья поступила в редколлегию 22.11.2018.
Received by editorial board 22.11.2018.

УДК 94(438).04+94«1700-1721»+94(474.3)

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЛИВОНИИ В НАЧАЛЕ XVIII в. В ДОНЕСЕНИЯХ ИЗ БЕРЛИНА АНГЛИЙСКОГО ПОСЛА ФИЛИППА ПЛАНТАМУРА

М. САВИЦКИЙ¹⁾

¹⁾Институт истории Опольского университета,
ул. Стишэльце Бытомских, 2, 45-084, г. Ополье, Польша

Важным элементом современных исторических исследований является анализ дипломатических отчетов о Речи Посполитой: они показывают историю Польско-Литовского государства с новой точки зрения, чем и обусловлена актуальность статьи. Констатируется, что начавшаяся в 1700 г. Великая Северная война определила изменения в политической системе Центральной и Восточной Европы на следующие десятилетия. Дипломаты из зарубежных стран проявляли особый интерес к этой войне. Так, Филипп Плантамур, секретарь британского посольства в Берлине, отправлял свои донесения с информацией о Ливонской войне на Британские острова. Цель статьи – на основе метода критического анализа этих дипломатических отчетов показать, как Великую Северную войну видели в Лондоне. В рамках исследования выяснено, какая информация содержалась в отчетах Филиппа Плантамур, и показано, насколько она соответствовала действительности.

Ключевые слова: Филипп Плантамур; английская дипломатия; Великая Северная война; Польско-Литовское государство; Ливония.

Благодарность. Статья является результатом реализации гранта Национального центра науки в Кракове № DEC 2017/01/X/HS3/00482 (проект «Общественно-политические элиты Великого княжества Литовского в свете донесений французских и английских дипломатов во второй половине XVII в.» («Elity społeczno-polityczne Wielkiego Księstwa Litewskiego w świetle raportów dyplomatów francuskich i angielskich w II połowie XVII wieku»)).

ВАЕННЫЯ ДЗЕЙННІ Ў ЛІВОНІІ Ў ПАЧАТКУ XVIII ст. У ДАНЫСЕННЯХ З БЕРЛІНА АНГЛІЙСКАГА ПАСЛА ФІЛІПА ПЛАНТАМУРА

М. САВІЦКІ^{1*}

^{1*}Інстытут гісторыі Апольскага ўніверсітэта,
вул. Стышэльцэ Бытомскіх, 2, 45-084, г. Аполе, Польшча

Важным элементам сучасных гістарычных даследаванняў з’яўляецца аналіз дыпламатычных справаздач аб Рэчы Паспалітай: яны паказваюць гісторыю Польска-Літоўскай дзяржавы з новага пункта гледжання, што і абумоўлівае актуальнасць артыкула. Канстатуецца, што Вялікая Паўночная вайна, якая распачалася ў 1700 г., вызначыла змяненні ў палітычнай сістэме Цэнтральнай і Паўночнай Еўропы на наступныя дзесяцігоддзі. Дыпламаты з замежных краін праяўлялі асаблівы інтарэс да гэтай вайны. Так, Філіп Плантамур, сакратар брытанскага пасольства ў Берліне, адпраўляў свае данясенні з інфармацыяй пра Лівонскую вайну на Брытанскія астравы. Мэта артыкула – на аснове метаду крытычнага аналізу гэтых дыпламатычных справаздач паказаць, як Вялікую Паўночную вайну бачылі ў Лон-

Образец цитирования:

Савицкий М. Военные действия в Ливонии в начале XVIII в. в донесениях из Берлина английского посла Филиппа Плантамур. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;2:40–46.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-40-46>.

For citation:

Sawicki M. Warfare in Livonia at the beginning of the 18th century in relations of English ambassador Philippe Plantamour from Berlin. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;2:40–46. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-40-46>.

Автор:

Мариуш Савицкий – доктор исторических наук, профессор; заместитель директора по научной работе.

Author:

Mariusz Sawicki, doctor of science (history), full professor; deputy director for scientific affairs.
msawicki@uni.opole.pl
<https://orcid.org/0000-0001-5318-7145>

дане. У межах даследавання выяўлена, якая інфармацыя ўтрымлівалася ў справаздачах Філіпа Плантамюра, і паказана, наколькі яна адпавядала рэчаіснасці.

Ключавыя словы: Філіп Плантамур; англійская дыпламатыя; Вялікая Паўночная вайна; Польшка-Літоўская дзяржава; Лівонія.

Падзяка. Артыкул з'яўляецца вынікам рэалізацыі гранта Нацыянальнага цэнтра навукі ў Кракаве № DEC 2017/01/X/HS3/00482 (праект «Грамадска-палітычныя эліты Вялікага Княства Літоўскага ў святле данясенняў французскіх і англійскіх дыпламатаў у другой палове XVII ст.» («Elity społeczno-polityczne Wielkiego Księstwa Litewskiego w świetle raportów dyplomatów francuskich i angielskich w II połowie XVII wieku»)).

WARFARE IN LIVONIA AT THE BEGINNING OF THE 18th CENTURY IN RELATIONS OF ENGLISH AMBASSADOR PHILIPPE PLANTAMOUR FROM BERLIN

M. SAWICKI^a

^a*The Institute of History, the University of Opole,
2 Strzelców Bytomskich Street, Opole 45-084, Poland*

An important element in current historical research is the analysis of diplomatic relations focusing on the Polish-Lithuanian Commonwealth. They show the history of the Polish-Lithuanian state, its internal and foreign policy from a different historical perspective. In 1700, the Great Northern War broke out and changed the political power system in Central and Eastern Europe for the next decades. Diplomats from foreign courts were interested in this war, including Philippe Plantamour, secretary of the British embassy in Berlin. He sent his reports to the British Isles in which he posted information on warfare in Livonia. The aim of the article will be to analyze diplomatic reports that can help us answer the question of how the Great Northern War was seen in London. The method used is a critical analysis of the manuscript. The research will explain what information was included in Philippe Plantamour's reports and whether they were true.

Keywords: Philippe Plantamour; English diplomacy; Great Northern War; Polish-Lithuanian Commonwealth; Livonia.

Acknowledgements. The article is the result of the implementation of a grant from the National Science Center in Krakow, No. DEC 2017/01/X/HS3/00482 (the project «Socio-political elites of the Grand Duchy of Lithuania in the light of reports by French and English diplomats in the second half of the 17th century» («Elity społeczno-polityczne Wielkiego Księstwa Litewskiego w świetle raportów dyplomatów francuskich i angielskich w II połowie XVII wieku»)).

Важной тенденцией в актуальных исторических исследованиях является анализ дипломатических донесений, касающихся Речи Посполитой Обоих Народов, которые представляют историю Польско-Литовского государства, его внутреннюю и внешнюю политику с новой точки зрения. Такие послания совершенно отличаются от отечественной наррации, в них оцениваются монарх и польские сановники, имевшие влияние на действия государства в различных областях. Часто эти рапорты являются объективными, так как не знающие реалий Речи Посполитой дипломатические посланники всего лишь представляли услышанные мнения или описывали события, не углубляясь в их оценку, что иногда позволяло им отражать объективную картину происходящего. Однако это не дает исследователю оснований для отказа от осторожности и необходимого в таких случаях критического анализа собранного материала, поскольку иногда донесения передают слегка искаженную реальность и неточную историческую фактографию, что связано с отсутствием у дипломатов знаний, касающихся контекста наблюдаемой ситуации, или, что также

очевидно, с использованием информации недостоверного характера.

На рубеже XVII–XVIII вв. польско-литовское государство терзали внутренние проблемы и конфликты, прежде всего гражданская война в Великом княжестве Литовском между «республиканцами» и Сапегами. В международной политике, особенно после двойных выборов 1696 г., Речь Посполитая уже не играла роли, соответствующей шляхетским амбициям, хотя позиция государства оставалась заметна для дипломатов соседних стран, а правление Веттина, по крайней мере теоретически, было способно вытянуть его из политической летаргии. Речь Посполитая могла стать важным элементом европейской политики, что заметили бы в Версале и Лондоне. При этом глава Польско-Литовского государства играл бы значимую роль в политической жизни Европы.

На элементы падения международной значимости Речи Посполитой, а также на распространяющуюся в государстве уже в начале XVII в. анархию обращали внимание британские дипломаты, наблюдавшие за этой частью Европы, что было

обусловлено многочисленными торговыми связями их страны не только с прибалтийскими городами, но и с Россией¹. Прагматические представители Лондона пристально следили за событиями в Центральной и Восточной Европе, иногда отводя им в своих донесениях значимое место, а иногда только упоминая о них, что все же не уменьшает важность происходившего. Следует также помнить о начавшейся в западной части Европы Войне за испанское наследство, что дополнительно могло стимулировать заинтересованных ее ходом посланцев Вильгельма III Оранского в оценке ситуации в центральной и восточной частях Старого Света.

Высказанные в данной статье рассуждения базируются прежде всего на источниках, хранящихся в Национальном архиве в Кью (*The National Archives in Kew*, Лондон, Великобритания) в коллекции «Дипломатические документы, Пруссия» (*State Papers Foreign, Prussia*)². Сами исторические источники в большинстве случаев расположены в хронологическом порядке.

Автором интересующих меня донесений является француз Филипп Плантамур (*Philippe Plantamour*), который выполнял функцию британского дипломата в столице Бранденбурга с 1698 по 1703 г., гражданин г. Шалон-сюр-Сона (регион Бургундия – Франш-Конте, Франция), предположительно во время своего пребывания на прусском дворе не имел никакого официального дипломатического ранга³.

Первое известное мне франкоязычное послание Плантамюра датируется 2 июля 1698 г. В документе дипломат информировал Лондон об изъятии дома свергнутого первого министра Бранденбурга Эбергарда Христофа Бальтазара фон Данкельмана по приказу курфюрста бранденбургского Фридриха III. Британский дипломат посвятил упомянутому событию целое письмо, не затрагивая проблемы, составляющие объект данного исследования⁴. Вильгельма III Оранского о деле Данкельмана информировал также один из его доверенных дипломатов из Гааги, великий пенсионарий Голландии Антони Гейнзиус (*Anthonijs Heinsius*), в сообщении от 14 февраля 1698 г.⁵ Этого дела касается и следую-

щее послание Плантамюра на службе Вильгельма III Оранского, переданное в руки государственного секретаря Северного департамента Джозефа Уильямсона (*Joseph Williamson*), которое датировалось 13 июля 1698 г. В нем также, хотя и поверхностно, оговаривался процесс, связанный с делом Данкельмана, а автор опять возвращался к проблеме дома, изъятых у бранденбургского политика⁶.

В анализируемой коллекции можно найти интересную записку на французском языке, находящуюся между депешами Филиппа Плантамюра, поэтому ее авторство можно приписать ему. Записка касается, в частности, военных действий на севере Великого княжества Литовского. В самом начале рапорта, датированного 1 апреля 1702 г., автор информировал адресата о долгом совещании, которое проходило у шведского короля Карла XII, пребывающего тогда недалеко от г. Юрбурга (*Jurbork*) в Жмудском княжестве. Присутствовали на нем Казимир Ян и Бенедикт Павел Сапеги. Вероятно, разговор касался возможности дальнейших действий на территории Ливонии и Великого княжества Литовского, а также планов вступления в границы Королевства Польского. Было решено послать войска в направлении г. Вильно, чтобы *mettre cette ville*, не забывая, конечно, о надлежащих в такой ситуации контрибуциях⁷. Из рассматриваемого дипломатического донесения следует, что непосредственно перед этим совещанием литовские отряды под командованием Михаила Сервация Вишневецкого разбили отряд шведских солдат, часть которых во время отступления утонула в реке, а часть попала в плен («...dont une partie se noya et l'autre fut faire prisoniere»⁸). Скорее всего, речь идет о сражении войск под командованием полковника Александра Гюммергельма (*Alexander Hummerhielm*) под Доршунисками (Трокский повет), во время которого в плен попал сам командир с небольшой группой уцелевших людей. Естественно, ради реванша или, вероятнее, мести Карл XII приказал уничтожить все находящиеся поблизости владения Вишневецкого⁹.

Несколько своих депеш Плантамур посвятил анализу сражения при Клишове, что не является темой данной статьи. Однако в одной из них автор также упомянул военные действия в Ливонии,

¹Британские сообщения о Речи Посполитой первой половины XVIII в. исследовала Б. Крыштопа-Чупрыньска, проанализировавшая некоторые из них в своей монографии [1].

²The National Archives in Kew (London). State Papers Foreign, Prussia. 90/1 (далее – NA Kew. SP Prussia. 90/1).

³Journals of the House of Commons from November 16th 1699 in the Eleventh Year of the Reign of King William the Third to May 25th 1702 in the First Year of the Reign Queen Anne. Vol. 13. London : His Majesty's Station. Off., 1803. P. 417 ; Cook Ch., Stevenson J. British historical facts 1688–1760. London : Palgrave Macmillan, 1988. P. 148.

⁴Ph. Plantamour – NN. Berlin, 2 VII 1698 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 26.

⁵Ranke L. von. A History of England Principally in the Seventeenth Century. Vol. 6. Oxford : Clarendon Press, 1875. P. 338.

⁶Ph. Plantamour – Williamson. Berlin, 14 VII 1698 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 28–29v.

⁷Philippe Plantamour, de Raquils (?), 1 IV 1702 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 164. (Хотя донесение не подписано, с большой долей вероятности можно утверждать, что ее автором является Филипп Плантамур. Описывая направление действий шведов, автор употребил название «Вильда» (*Wilda*), что в данном случае является старым названием г. Вильно [2, s. 33].)

⁸Philippe Plantamour, de Raquils (?), 1 IV 1702 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 164.

⁹Biblioteka Jagiellońska w Krakowie. Rkps. Nr. 9743, III. Ignacego Olszowskiego Pamiętnik z czasów Augusta II Króla Polskiego z współczesnego rękopisu, wydany przez L. H., 1869. S. 51–52.

о которых его, конечно, информировали корреспонденты.

В донесении от 12 августа 1702 г. Филипп Плантамур в очередной раз коснулся сражения при Клишове. Из сообщения следует, что автор не сомневался в том, что адресат имеет соответствующие сведения об этом событии, и в определенном смысле пытался оправдать возможное повторение информации, которой уже владел Чарльз Хеджес (*Charles Hedges*). Однако Плантамур решил снова написать об этом, так как получил копии неизвестных мне документов из г. Щецина. По мнению дипломата, из них следовало, что Якоб Генрих фон Флемминг (*Jakub Henryk Flemming*) был серьезно ранен во время сражения, в связи с чем выехал во Вроцлав на лечение. Именно оттуда он якобы писал, что польский король планирует провести следующее сражение со шведами, прежде чем Карл XII получит подкрепление, тем более что обе армии находились по той самой стороне Вислы. Заканчивая донесение, английский дипломат, ссылаясь на письма из Ливонии, извещал о полном поражении шведских войск под командованием генерал-майора Вольмара Антона фон Шлиппенбаха (*Wolmar Anton von Schlippenbach*) в сражении с московскими войсками, хотя и не отметил, где это сражение произошло. Однако Филипп Плантамур передал, опираясь предположительно на собственного корреспондента, что вследствие этого царские войска под командованием лифляндца Иоганна Рейнгольда Паткуля (*Johann Reinhold Patkul*) могут начать осаду Дорпата¹⁰.

Якоб Генрих фон Флемминг действительно был дважды ранен в сражении при Клишове, в тяжелом состоянии его вынесли с поля боя солдаты, и, вероятно, в дальнейшем он уехал во Вроцлав на лечение [4, s. 172]. Возможно, помощь, которую ждал король Швеции, должны были оказать отряды численностью 12 тыс. солдат, прибывшие из Померании после сражения при Клишове. В свою очередь, сражение в Ливонии, о котором вспоминал Филипп Плантамур, имело место 18 июля 1702 г., так что сообщал он вести давностью чуть больше месяца. Битва состоялась под Гуммельсгофом, где русский корпус победил шведские войска, взяв в плен примерно 3 тыс. солдат, а победители не пошли под Дорпат, несмотря на прогнозы автора донесений из Ливонии. Отряды Карла XII потеряли всю артиллерию, а главнокомандующий генерал-майор Вольмар Антон фон Шлиппенбах спасался

бегством в г. Пернов вместе с остатками кавалерии [5, s. 105; 6, s. 102–103]. В литературе можно встретить информацию о том, что сражение произошло 16 июля, причем московские войска оцениваются в 50 тыс. солдат, в то время как шведские – в 6 тыс. Таким образом, пропорция армий была совсем не в пользу шведов, которые, однако, приняли бой и в конце концов действительно отступили к Дорпату¹¹.

Больше вопросов вызывает определение командующего русскими войсками, которым, согласно полученной из Ливонии информации, был Иоганн Рейнгольд Паткуль. Уже летом 1702 г. он был послан Петром I с дипломатической миссией в Германию, в пути встретился с Августом II в лагере под Клишомом. Затем Иоганн Рейнгольд Паткуль находился в Вене (вернулся в Ливонию в 1703 г.), поэтому весьма сомнительно, что он мог командовать русскими силами под Гуммельсгофом¹². Эти отряды находились в распоряжении Бориса Петровича Шереметева [5, s. 105; 6, s. 102–103].

Тема шведско-московского сражения была упомянута в следующем письме Филиппа Плантамура. Он лаконично отметил, что многие сомневаются в московском успехе и даже в самом сражении, и указал, что даже находящийся в Берлине царский посол вспомнил о сражении, но таким образом, как бы намекая, что оно является лишь инцидентом, а не чем-то заслуживающим упоминания во время дипломатических разговоров. Поэтому слуга Вильгельма III Оранского решил, что данные, касающиеся анализируемого события, могут быть не до конца проверенными или достоверными¹³.

Вероятно, ливонские события были настолько интересными, что Плантамур посвятил им следующий рапорт, отправленный 19 августа 1702 г. Он решил, что известия о поражении шведских войск, в которое было сложно поверить, оказались правдой («La nouvelle de la défaite des Suedois par les Moscovites à laquelle on avoir peine a adjuter foi a été confirmée par les lettres qui sont venues aujourd'hui de Prusse»). Из новой переписки следовало также, что генерал-майор Вольмар Антон фон Шлиппенбах вместе с остатками своих солдат скрылся в Дорпате, предполагая, что царские войска отправятся за ним и приступят к осаде, чего, конечно, не произошло. Плантамур подытожил этот фрагмент письма справедливым утверждением о том, что шведам больше везло в Польше, чем в Ливонии. Британский дипломат передал информацию о взятии

¹⁰Ph. Plantamour – Charls Hedges. Berlin, 12 VIII 1702 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 232–233. (Иоганн Рейнгольд Паткуль был лифляндцем на службе у саксонцев, а с 1702 г. состоял на русской службе [3, s. 127].)

¹¹Adlerfeld G. The genuine history of Charles XII, King of Sweden: containing all his military actions; with a more particular Account of the battle of Pultowa, and of His Majesty's to Bender in Turkey, than was ever yet published. London : Print. Band sold by the bookfellers in town and country, 1742. P. 89.

¹²Johann Reinhold Patkul [Electronic resource]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/Sbl/Presentation.aspx?id=8050> (date of access: 12.11.2017) ; Viik T. Johann Reinhold von Patkul – Liivimaa suur riigimees? [Electronic resource]. URL: <http://www.aai.ee/abks/Johann%20Reinhold%20von%20Patkul.pdf> (date of access: 12.11.2017).

¹³Ph. Plantamour – Charls Hedges. Berlin, 13 VIII 1702 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 234–235.

Кракова, откуда отступил Август II, оставляя в городе 300 или 400 солдат под командованием полковника, чье имя неизвестно, который якобы хотел защищаться, но в конце концов сдал город Карлу XII. Из данного сообщения следовало, что Август II ранее вышел из Кракова в сторону Варшавы, движется по правому берегу Вислы и направляется в сторону Литвы и Пруссии. Резидент Вильгельма III Оранского считал также, что князь Мекленбург-Шверина Фридрих Вильгельм якобы должен быть мировым посредником между Августом II и Карлом XII, но нет возможности проверить эту информацию¹⁴.

Ливонские события Филипп Плантамур вновь затронул в депеше от 26 августа 1702 г., в которой также писал о ситуации в Речи Посполитой. В самом начале дипломат отметил, что информацию он получает из почты, которая поступала в резиденцию прусского короля и из которой следует, что Великая Польша решительно заступилась за законного монарха вопреки ожиданиям шведского короля, который считал себя гарантом свободы указанной провинции. Такая позиция местной шляхты сильно обеспокоила Плантамур. Он также сообщил, что Август II поменял литовское направление марша на столкновение с Карлом XII. К сожалению, как писал дипломат, вечерние письма, которые попали в Потсдам, не развеяли сомнений, касающихся дальнейших событий в Речи Посполитой, в них не сообщалось ничего нового. Согласно поступающей информации, шведы и далее находились в Кракове и окрестностях, занимаясь вымогательством очень высоких контрибуций от жителей и допуская обычные грабежи, что соответствовало действительности. Пребывавший в Кракове куявский епископ Станислав Шембек (*Stanisław Szembek*) спас от шведов польскую и венгерскую королевскую корону, которая находилась в королевской сокровищнице. Это также является правдивой информацией. В июле 1702 г. Шембек при помощи пшемысльского епископа Яна Казимира Бокума (*Jan Kazimierz Bokum*) и краковского старосты Францишка Велепольского (*Franciszek Wielopolski*), а также по явному приказу Августа II вывели польские коронационные инсигнии, а возможно, взяли также и давние – венгерские¹⁵.

Ссылаясь в анализируемом рапорте на ливонскую проблему, Плантамур отметил, что в полученной из Риги корреспонденции нет упоминаний об осаждении московскими войсками Дорпата, где спрятались остатки шведских войск после описанной стычки. Царские войска ограничились опустошением части Ливонии и, согласно полученным данным, окончательно отступили в направлении Плескова¹⁶.

Проблематика Ливонии привлекла внимание дипломата также в рапорте от 9 сентября 1702 г.¹⁷, а его информация в очередной раз была основана на письмах из Риги от 28 августа 1702 г. Из этих новостей следовало, что московские войска захватили Вольмар и учинили в крепости резню защитников и, вероятно, также жителей города. Британский дипломат отметил, что нападавшие убили всех, кому не удалось убежать («*Les Moscovites étant entré de nuit dans la ville de Vomar avoient massacre tuot ce qu'ils y avoient trouvé en sorte qu'il n'en était pas échappé un seul homme*»). Возможно, в крепости находилось около 1 тыс. людей гарнизона вместе с артиллерией. Затем царские войска двинулись в сторону Мариенбурга, оставляя в этой части Ливонии невообразимые разрушения, похищая людей и разграблявая имущество. Естественно, город был захвачен [8, с. 92; 6, с. 103]. Затем царские полки должны были переправиться через Двину, чтобы объединиться с отрядами жмудского старосты Григория Антония Огинского (*Hrehory Antoni Ogiński*) и сражаться вместе со шведами в Курляндии. В то же время генерал-майор Вольмар Антон фон Шлиппенбах все еще находился в Парнаве с отрядом конницы в 300 единиц, откуда хотел перебраться в Ригу. Однако он опасался, что московские войска могут закрыть ему пути отступления¹⁸.

В рапорте от 23 сентября Филипп Плантамур упоминал, а точнее, повторял информацию о переходе московских войск через Двину и вступлении в Курляндию, а также об отступлении шведского корпуса во главе с генерал-майором Абрахамом Крониортом (*Abraham Cronhiort*) в Финляндию. Якобы, в соответствии с донесениями, русские начали буквально охотиться на шведского генерала вместе с его небольшим уже отрядом¹⁹.

¹⁴Ph. Plantamour – Charls Hedges. Berlin, 19 VIII 1702 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 236–237.

¹⁵Ph. Plantamour – Charls Hedges. Berlin, 26 VIII 1702 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 238–239v; Arch. Nar. w Krakowie. Regesta contributionum militarium. 29/33. Akta miasta Krakowa. Rkps. 2949. Ark. 1 i dalej; *Jarochowski K. Dzieje panowania Augusta II od wstąpienia Karola XII na ziemię polską aż do elekcyi Stanisława Leszczyńskiego (1702–1704)*. Poznań: Nakładem i czcionkami Ludwika Mierzbacha, 1874. S. 95–96; *Adlerfeld G. The Military History of Charles XII, King of Sweden*. Vol. 1. London: Print. for J. and P. Knapton, J. Hodges, A. Millar and J. Nourse, 1740. P. 179 (см. также [7, с. 109–110]. В этой работе автор ошибочно сообщил, что краковским старостой был Франтишек Мышковский, в действительности же речь идет о Франтишке Велепольском.)

¹⁶Ph. Plantamour – Charls Hedges. Berlin, 26 VIII 1702 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 238–239v.

¹⁷Ph. Plantamour – Charls Hedges. Berlin, 9 IX 1702 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 244–245v.

¹⁸Ph. Plantamour – Charls Hedges. Berlin, 9 IX 1702 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 244–245v (см. также [6, с. 103]).

¹⁹Ph. Plantamour – Charls Hedges. Berlin, 23 IX 1702 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 248–249v. (Подтверждение информации об отправке 400 саксонских солдат можно встретить в: *Adlerfeld G. The Military History of Charles XII, King of Sweden*. Vol. 1. London: Print. for J. and P. Knapton, J. Hodges, A. Millar and J. Nourse, 1740. P. 173; *Adlerfeld G. The genuine history of Charles XII...* P. 95.)

К сожалению, ничего не известно об отступлении в Финляндию генерал-майора Абрахама Крониорта. Скорее всего, царь Петр I якобы выслал туда часть своих войск в количестве около 25 тыс. воинов против дислоцируемого там шведского отряда Крониорта («...who had not quite 4000 men, both foot and horse»), что заранее предопределило итог сражения. Несмотря на это, шведский командир не отступил и якобы храбро противостоял московским войскам («...the enemy could never break the least line of our men»). Известно также, что упомянутый полководец Карла XII в 1703 г. вел военные действия против царских отрядов²⁰.

Следующие сведения, касающиеся польско-литовского государства, Филипп Плантамур получил 28 октября 1702 г. Из них следовало, что шведский король объединился уже со своей армией, но не намеревался преследовать неприятеля (польские войска) на территории Королевской Пруссии из-за сложностей, связанных с необходимостью часто переправляться через реки. Было принято решение найти удобное место для лагеря и подождать, пока не замерзнут реки, что значительно облегчит перемещение отрядов. Филипп Плантамур опять упомянул о депутации к Карлу XII и эффекте этих действий, напоминая, что к последней депеше приложил копию ответа монарха на польские постулаты. Дипломат информировал также Хеджеса о событиях в Ливонии, поражении шведов, которые якобы были изгнаны из места расквартирования отрядами Григория Антония Огинского. Вероятно, это произошло из-за предательства местных крестьян. В итоге сражения в литовский плен, по утверждению Плантамур, попал генерал-майор Карл Магнус Стюарт (*Carl Magnus Stuart*)²¹.

К сожалению, на тот раз Филипп Плантамур имел неточную информацию: в действительности речь шла о потерях под Янишками, хотя ничего не было известно о якобы имевшем место пленении Стюарта, так как на самом деле это стало бы громким событием, учитывая тот факт, что он был назначен Карлом XII губернатором Ливонии. Скорее всего, со шведской стороны командовал не Стюарт, а подполковник Брухнер (*lieutenant-colonel Bruchner*), который отделился от главных сил, и, вероятно, именно он напал на литовско-царские отряды Огинского, чтобы помешать им в походе на Биржи. Столкновение завершилось пагубно для скандинавского командира: он потерял несколько сотен людей, движимое имущество, а 9 человек по-

пали в плен. Лишь спустя несколько дней состоящий из 900 человек корпус Адама Людвиг Лёвенгаупта (*Adam Ludwig Lewenhaupt*) также под Янишками разбил часть отрядов Огинского. Отбили и плененных, хотя некоторые из них якобы убежали раньше. К сожалению, ничего неизвестно об освобожденных личностях. Впрочем, упоминаемый шведский командир часто критически высказывался о боевом значении польско-литовских отрядов, обвиняя их в отсутствии послушания и дисциплины, а также в неустойчивости взглядов, из-за чего они часто меняли политические лагеря [9, s. 45]²².

Следующее сообщение, в котором упоминается Ливония, Филипп Плантамур выслал в Лондон 18 ноября 1702 г. Естественно, как и в большинстве случаев, ссылаясь он на уже полученные сообщения, из которых следовало, что войска Григория Антония Огинского, насчитывавшие от 6 до 7 тыс. воинов, полностью разбили («entièrement defeat») шведский отряд численностью 1200 солдат. Вероятно, Огинский также ввел на занятых территориях невероятно высокие контрибуции и дополнительно назначил место зимней дислокации для своего войска²³. Однако эти события невозможно подтвердить, опираясь на известные мне источники и литературу.

Очередной раз английский дипломат затронул ливонский вопрос в депеше от 3 февраля 1703 г. Отмечая, что информация взята из писем, датированных 10 января, Филипп Плантамур упомянул о резне многочисленных жителей предместий Нарвы, совершенной московскими войсками. Затем были подожжены местные застройки²⁴.

В депеше от 24 февраля 1703 г. состоящий на английской службе француз сообщил лишь, что пребывающие в Ливонии московские войска численностью 2 тыс. солдат находятся в пути на Бирсен (нем. *Birsen*, латыш. *Bērzpils*) в целях объединения с литовскими отрядами Огинского²⁵. В итоге они заняли этот город и, вероятно, находились в нем как минимум до 20 марта, во всяком случае, это следует из депеш Филиппа Плантамур²⁶.

В сообщениях, отправленных из Варшавы тремя днями ранее, 17 марта 1703 г., было отмечено, что в районе городов Нарвы и Дорпата московские войска допустили многочисленные факты злоупотребления и насилия по отношению к гражданскому населению (*grandes désordres*)²⁷.

Представленная выше информация является последним из известных мне посланий, отправлен-

²⁰ Adlerfeld G. The military history of Charles XII... Vol. 1. P. 239–241.

²¹ Ph. Plantamour – Charls Hedges. Berlin, 28 X 1702 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 279–280.

²² Adlerfeld G. The genuine history of Charles XII... P. 113 ; Adlerfeld G. The military history of Charles XII... Vol. 1. P. 201.

²³ Ph. Plantamour – Charls Hedges. Berlin, 18 XI 1702 // NA Kew. SP Prussia. 90/1. Folio 291–292.

²⁴ Ph. Plantamour – Charls Hedges. 3 II 1703 // Ibid. Folio 345–346v.

²⁵ Ph. Plantamour – Charls Hedges. 24 II 1703 // Ibid. Folio 359v.

²⁶ Ph. Plantamour – Charls Hedges. 20 III 1703 // Ibid. Folio 380v.

²⁷ Ph. Plantamour – Charls Hedges. De Varsovie, 17 III 1703 // Ibid. Folio 387.

ных Филиппом Плантамуром в Лондон, которые касались Ливонии. Как видно из приведенных рассуждений, эти донесения имели скорее общий характер, часто не содержали новых фактов, хотя некоторые из них проверить не удалось. Тем не менее даже небольшие по объему отчеты дипломата свидетельствуют о том, что северные границы Великого княжества Литовского и соседствующие с ним территории интересовали посланников Лондона.

Находящийся в Берлине резидент пристально следил за событиями в Ливонии и над Двиной и пересылал информацию, где-то пересказывая, а иногда комментируя их. Хотя такое внимание со стороны Лондона к этой территории связано главным образом с наличием там и в России экономических, а не политических интересов, последние влияли на возможность экономической экспансии в данной части Европы.

Библиографические ссылки

1. Krysztopa-Czupryńska B. *Rzeczpospolita w oczach dyplomatów brytyjskich w pierwszej połowie XVIII wieku*. Olsztyn: Polskie Towarzystwo Historyczne; 2013. 418 s.
2. Alexandrowicz S. *Rozwój kartografii Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu; 1989. 278 s.
3. Staszewski J. *August II Mocny*. Wrocław: Ossolineum; 1998. 313 s.
4. Wagner M. *Kliszów 1702*. Warszawa: Bellona; 1994. 231 s.
5. Anusik Z. *Karol XII*. Wrocław: Ossolineum; 2006. 383 s.
6. Serczyk WA. *Piotr I Wielki*. Wrocław: Ossolineum; 1977. 262 s.
7. Sawicki M. Elekcja i koronacja Stanisława Leszczyńskiego w świetle niemieckojęzycznych i polskich gazet ulotnych. W: Suchojad H, redaktor. *Wesela, chrzciny i pogrzeby w XVI–XVIII wieku*. Warszawa: Semper; 2001. s. 105–114.
8. Майкова ТС, составитель. *Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)*. Выпуск 1. Москва: Кругъ; 2004. 656 с.
9. Majewska G. Szwedzkie elity w XVII i XVIII wieku o Polsce i jej mieszkańcach. *Slavica Lundensia*. 2011;26:39–60.

References

1. Krysztopa-Czupryńska B. *Rzeczpospolita w oczach dyplomatów brytyjskich w pierwszej połowie XVIII wieku*. Olsztyn: Polskie Towarzystwo Historyczne; 2013. 418 s.
2. Alexandrowicz S. *Rozwój kartografii Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu; 1989. 278 s.
3. Staszewski J. *August II Mocny*. Wrocław: Ossolineum; 1998. 313 s.
4. Wagner M. *Kliszów 1702*. Warszawa: Bellona; 1994. 231 s.
5. Anusik Z. *Karol XII*. Wrocław: Ossolineum; 2006. 383 s.
6. Serczyk WA. *Piotr I Wielki*. Wrocław: Ossolineum; 1977. 262 s.
7. Sawicki M. Elekcja i koronacja Stanisława Leszczyńskiego w świetle niemieckojęzycznych i polskich gazet ulotnych. W: Suchojad H, redaktor. *Wesela, chrzciny i pogrzeby w XVI–XVIII wieku*. Warszawa: Semper; 2001. s. 105–114.
8. Maikova TS, compiler. *Gistoriya Sveiskoi voyny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)*. Vypusk 1 [The History of the Swee War (Peter the Great's Day Note). Issue 1]. Moscow: Krug; 2004. 656 p. Russian.
9. Majewska G. Szwedzkie elity w XVII i XVIII wieku o Polsce i jej mieszkańcach. *Slavica Lundensia*. 2011;26:39–60.

Статья поступила в редакцию 13.01.2019.
Received by editorial board 13.01.2019.

ЛЕПЕЛЬСКАЯ ШЛЯХТА НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.

С. Л. ЛУГОВЦОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Вопрос о распределении белорусской шляхты по городам, местечкам и сельским населенным пунктам остается малоизученным в белорусской историографии, а конкретные данные об уровне ее мобильности отсутствуют в научной литературе, что обуславливает актуальность проведенного исследования. Целью статьи является выяснение местожительства шляхтичей Лепельского уезда Витебской губернии Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв. и определение уровня их мобильности. На основании анализа уездного списка шляхты Лепельского уезда Витебской губернии сделаны следующие выводы: земледелие, как основа жизнедеятельности шляхты, определило в качестве основных мест проживания ее представителей деревни, околицы и застенки (около 77 % шляхтичей уезда); около 4 % шляхтичей проживали в местечках; удельный вес шляхтичей-горожан составлял приблизительно 3 %; в помещичьих имениях проживали 11 % лепельских шляхтичей. Среди населенных пунктов, расположенных в сельской местности, в Лепельском уезде реже всего встречались околицы. Численность жителей застенков, как правило, не превышала 20 человек. По объективным причинам выяснить местожительство 5 % шляхтичей уезда не удалось. Лепельская шляхта отличалась высоким уровнем мобильности: в период с 1795 по 1819 г. не менее 24 % шляхтичей изменили свое местожительство, что серьезно затрудняло учет этой категории населения в Российской империи. Шляхтичи меняли местожительство в первую очередь в поисках более выгодных условий аренды земли, службы в помещичьих имениях, а также по семейным обстоятельствам.

Ключевые слова: шляхта; местожительство; мобильность; Лепельский уезд; Витебская губерния; Российская империя.

ЛЕПЕЛЬСКАЯ ШЛЯХТА НА МЯЖЫ XVIII–XIX стст.

С. Л. ЛУГАЎЦОВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Пытанне аб размеркаванні беларускай шляхты па гарадах, мястэчках і сельскіх населеных пунктах застаецца малавывучаным у беларускай гістарыяграфіі, а канкрэтныя звесткі пра ўзровень яе мабільнасці адсутнічаюць у навуковай літаратуры, што абумоўлівае актуальнасць дадзенага даследавання. Мэтай артыкула з'яўляецца высвятленне месцажыхарства шляхціцаў Лепельскага павета Віцебскай губерні Расійскай імперыі на мяжы XVIII–XIX стст. і вызначэнне ўзроўню іх мабільнасці. На падставе аналізу павятовага спіса шляхты Лепельскага павета Віцебскай губерні зроблены наступныя высновы: земляробства, як аснова жыццядзейнасці шляхты, вызначыла ў якасці асноўных месцаў пражывання яе прадстаўнікоў вёскі, ваколіцы і засценкі (каля 77 % шляхціцаў павета); каля 4 % шляхціцаў Лепельскага павета пражывалі ў мястэчках; удзельная вага шляхціцаў-гараджан складала каля 3 %; у памешчыцкіх маёнтках жылі 11 % лепельскіх шляхціцаў. Сярод населеных пунктаў, размешчаных у сельскай мясцовасці, радзей за ўсё ў Лепельскім павеце сустракаліся ваколіцы. Колькасць жыхароў засценкаў, як правіла, не перавышала 20 чалавек. Па аб'ектыўных прычынах высветліць месцажыхарства 5 % шляхціцаў павета не ўдалося. Лепельская шляхта адрознівалася высокім узроўнем мабільнасці: у перыяд з 1795 па 1819 г. не менш за 24 % шляхціцаў змянілі сваё месцажыхарства, што сур'ёзна ўскладняе ўлік гэтай катэгорыі насельніцтва ў Расійскай імперыі. Шляхціцы мянялі месцажыхарства ў першую чаргу ў пошуках больш выгадных умоў арэнды зямлі, службы ў памешчыцкіх маёнтках, а таксама па сямейных абставінах.

Ключавыя словы: шляхта; дваранства; месцажыхарства; мабільнасць; Лепельскі павет; Віцебская губерня; Расійская імперыя.

Образец цитирования:

Луговцова С.Л. Лепельская шляхта на рубеже XVIII–XIX вв. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2019;2:47–56.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-47-56>.

For citation:

Lougovtsova S.L. Lepel district gentry at the turn of 18th–19th centuries. Journal of the Belarusian State University. History. 2019;2:47–56. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-47-56>.

Автор:

Светлана Леонидовна Луговцова – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Svetlana L. Lougovtsova, PhD (history), docent; associate professor at the department of Russian history, faculty of history.
sv.lougovtsova@gmail.com

LEPEL DISTRICT GENTRY AT THE TURN OF 18th–19th CENTURIES

S. L. LOUGOVTSOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The question of the distribution of the Belarusian gentry in cities, towns and rural settlements is poorly understood in Belarusian historiography. Specific data on the level of mobility of the Belarusian nobility are missing in the scientific literature. This determines the relevance of this study. The aim of the article is to clarify the place of residence of the Lepel district gentry of the Viciebsk province of the Russian Empire at the turn of 18th–19th centuries and to determine their level of mobility. The author of the article on the basis of archival sources comes to the following conclusions. Agriculture was the basis of the gentry's activities, it identified as the main places of residence of its representatives villages, «okolitsy» and «zastenki» (about 77 % of the gentry of the Lepel district). About 4 % of the gentry of the Lepel district lived in townships. The proportion of gentry in towns was about 3 %. In the landed estates lived about 11 % of the Lepel district gentry. The «okolitsy» met most rarely in Lepel district among the settlements located in the countryside. The gentry changed their place of residence, first of all, in search of more favorable conditions for the lease of land, service in landlord estates, as well as for family reasons. The population of «zastenki», as a rule, did not exceed 20 people. For objective reasons, it was not possible to find out the place of residence of 5 % of the gentry of the district. Szlachta of the Lepel district was distinguished by a high level of its mobility: in the period from 1795 to 1819, at least 24 % of the gentry changed their residence, which seriously hampered the registration of this category of population in the Russian Empire.

Keywords: gentry; nobility; residence; mobility; Lepel district; Viciebsk province; Russian Empire.

Введение

Данная статья является продолжением ряда публикаций, в которых дается характеристика шляхты Лепельского уезда Витебской губернии Российской империи на основании анализа уездного списка членов благородного сословия. В список включены 3426 человек. Документ озаглавлен «Именные списки Лепельского повета о дворянах, проживающих на землях собственных – закладных – арендных, и служащих, учиненные из поданных от них ведомостей в Лепельскую ревизионную комиссию в 1816 г.»¹. Однако его содержание не соответствует заглавию. Во-первых, в списке встречается информация, которая относится к 1817–1819 гг., соответственно, его можно датировать 1819 г. Во-вторых, в перечень включена только шляхта, т. е. наименее обеспеченные представители благородного сословия Лепельского уезда.

В российской документации первой половины XIX в. отсутствовали четкие критерии употребления терминов «дворянин» и «шляхтич». Как правило, к категории «дворяне» относили лиц, которые находились на военной или гражданской службе (или были в отставке), имели право участвовать в дворянских выборах по замещению должностей в системе местного управления, владели землей и крепостными крестьянами, что позволяло вести образ жизни, приличный благородному происхождению. Ключевым параметром, в соответствии с которым представитель благородного сословия в Лепельском уезде включался в список дворян или

шляхты, являлось право принимать участие в дворянских выборах и замещать должности в системе местного управления. В соответствии с указом от 3 (15) марта 1805 г. Александра I избирать и быть избранными могли только те дворяне, которые имели недвижимое имение (по праву потомственному, пожизненному или заставному), состоящее не менее чем из 8 дымов и приносящее не менее 150 руб. годового дохода². Накануне очередных дворянских выборов 1824 г. в уезде были составлены списки избирателей³, причем в них отсутствуют те шляхтичи, которые внесены в рассматриваемый документ.

Таким образом, в списке 1819 г. речь идет именно о наименее состоятельной прослойке высшего сословия, а не обо всех дворянах Лепельского уезда. Документ содержит следующую информацию:

- 1) наличие/отсутствие у шляхтичей земли и ее количество;
- 2) род деятельности шляхтичей;
- 3) состав семей, включая лиц женского пола;
- 4) местожительство шляхтичей;
- 5) участие (или неучастие) в 5-й ревизии 1795 г.;
- 6) изменения местожительства со времени окончания 5-й ревизии;
- 7) наличие/отсутствие документов о благородном происхождении.

Названные параметры позволяют сформировать исторический портрет лепельской шляхты на рубеже XVIII–XIX вв. В предыдущих публикациях

¹Нац. ист. арх. Беларуси (НИАБ). Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94.

²Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое : в 45 т. Т. 28. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Его Имп. Величия Канцелярии, 1830. С. 883–884.

³НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 129. Л. 2–60.

автором было выяснено, что основой жизнедеятельности лепельских шляхтичей являлось земледелие (от непосредственного сельскохозяйственного труда до управления имениями). В традиционном кругу сельской жизни находилось 88,5 % представителей сословия. Лепельские шляхтичи владели землей по праву собственности (13,2 %), закладному (29,9 %) и арендному праву (32,6 %) [1, с. 21–22]. Закладным, или заставным, владением именовались земли, отданные за долг в его обеспечение. Доход, получаемый от эксплуатации такого имения, рассматривался обычно как процент от долговой суммы. Если залоговое имение по истечении договорного срока и льготного годового не выкупалось, то оно переходило в собственность кредитора [2, с. 20]. Среднее количество земли в расчете на одного человека составляло для собственников земли 0,3 волюки⁴, для владельцев по закладному праву – 0,2 волюки, для арендаторов – 0,1 волюки. Почти четверть представителей благородного сословия рассматриваемого уезда (24,3 %) земли не имели⁵.

Шляхтичи и члены их семей, которые служили у частных лиц и церковных организаций, составляли вместе с членами семей в Лепельском уезде 9,7 %. Среди служебной шляхты Лепельского уезда преобладали экононы, писари, лесничие и ловчие. Численность шляхтичей, находившихся на государственной (гражданской и военной) службе и, соответственно, тесно связанных с работой российского государственного аппарата, в Лепельском уезде была незначительной и составляла около

1,5 % (вместе с членами семей шляхты данной категории)⁶. Также было установлено, что всего около 55 % шляхтичей уезда в 1819 г. подтвердили свое участие в 5-й ревизии в Российской империи 1795 г. Шляхтичи, как лица неподатного состояния, в ходе ревизии самостоятельно подавали посемейные списки. По разным причинам почти половина из малоимущих представителей высшего сословия на Лепельщине этого не сделали⁷.

На основании классификации семейных форм, которую предложили П. Леслетт и Ю. Хэммел [3, с. 74–108], была также проанализирована брачная структура и структура семейных хозяйств шляхты Лепельского уезда. Особенностью брачной структуры лепельской шляхты является большое количество холостых мужчин (17,5 % в возрасте 50–59 лет) и практически полное отсутствие незамужних женщин в том же возрасте (1 %). Средний возраст вступления в брак для мужчин составил 30,9 года, для женщин – 22,1. В структуре семейных хозяйств преобладала простая нуклеарная семья (51,8 %). Кроме того, довольно высокой была численность тех, кто вел хозяйство в одиночку (15 %). В среднем одно домохозяйство состояло из 4,5 человека [4, с. 113–118].

Целью данной статьи является выяснение местожительства лепельских шляхтичей на рубеже XVIII–XIX вв. и определение уровня их мобильности. В рамках исследования устанавливается, как часто и по каким причинам шляхтичи меняли места своего проживания.

Результаты и их обсуждение

Полный состав шляхты Лепельского уезда Витебской губернии представлен в табл. 1.

Земледелие, как основа жизнедеятельности шляхты, определило в качестве основных мест проживания ее представителей деревни, околицы и застенки. Как правило, в деревнях, принадлежащих разным помещикам, шляхтичи арендовали землю. Встречаются также сведения о шляхтичах, которые проживали в деревнях, но не имели земли, являлись слугами более обеспеченных людей. Так, Иосиф Альхимович (35 лет) был «на услужении» у дворянина Якова Гижицкого (фамилия указана неразборчиво)⁸. То же сказано о семье Бутевичей в составе Семена (50), его жены Уршули (40) и 3 детей, проживавших в д. Кривцы помещика Пржисецкого при шляхтиче Петрище⁹. Служить можно было не только частному лицу. Так, Стефан Верниковский (51) с женой Розалией (40) и сыном Фадеем (18)

жили в д. Заболотье при местной церкви «на услужении»¹⁰.

На территории Беларуси околицами и застенками назывались сельские поселения, в которых проживала шляхта, что отличало их от крестьянских сел и деревень. Как правило, застенки были самыми малочисленными населенными пунктами. Их жители часто происходили из одного рода и носили ту же фамилию. Околицы чаще населяли шляхтичи разных родов.

Среди более 120 шляхетских застенков Лепельского уезда самыми многочисленными являлись Бартошино (проживали 18 человек), Близнецы (24), Будзковщина (20), Бусово (15), Быковщина (17), Волинцы (19), Дроздовщина (10), Крупники (15), Медведовка (23), Остров (16), Рыбаки (16), Селигоры (20), Судзиловичи (17), Усовщина (12).

⁴Волюка – единица измерения площади, равная 21,36 га, или 19,4 десятины.

⁵НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 129. Л. 21–22.

⁶Там же. Л. 22–23.

⁷Там же. Л. 19–21.

⁸Там же. Д. 94. Л. 1 об. – 2.

⁹Там же. Л. 12–13.

¹⁰Там же. Л. 19–20.

Таблица 1

Половозрастной состав шляхты Лепельского уезда 1819 г.

Table 1

Age and sex composition of the Lepel district gentry, 1819

Возрастная группа, лет	Численность шляхты, чел.			Доля в общей численности, %		
	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Лиц обоего пола
До 1 года	26	18	44	1,3	1,3	1,3
1–4	201	167	368	10	11,8	10,7
5–9	223	196	419	11,1	13,9	12,2
10–14	223	153	376	11,1	10,8	11
15–19	220	153	373	10,9	10,8	10,9
20–29	371	295	666	18,4	20,9	19,4
30–39	273	215	488	13,6	15,2	14,3
40–49	199	116	315	9,9	8,2	9,2
50–59	147	70	217	7,3	5	6,3
60–69	83	20	103	4,1	1,4	3
70–79	35	9	44	1,8	0,6	1,3
80–89	8	2	10	0,4	0,1	0,3
90–	3	0	3	0,1	0	0,1
Итого	2012	1414	3426	100	100	100

Примечание. Составлено автором на основе уездного списка лепельской шляхты¹¹.

К сожалению, не все названия застенков написаны в документе разборчиво. Ниже приведен список только тех шляхетских застенков, в названии которых нет сомнений: Апанасковичи, Бабий Бор, Бобынич, Боровня, Буловещизна, Вальковщизна, Валуки, Витковщизна, Высокая Колодиста, Глинники, Городец, Горово, Гусаки, Гумище, Долгий Бор, Журавня, Заболотье, Загорщина, Закутье, Залужье, Заозерье, Заречье, Зашинники, Златогоры, Златковщизна, Калево, Качаново, Клящицы, Ковалевщизна, Комки, Кугачин, Кулешов, Лавейчин, Леоновщизна, Линовец, Лубени, Маковье, Малюки, Муравейники, Новополье, Павлищизна, Перелог, Поддубно, Пугачи, Пунищи, Ракутин, Ржавец, Речица, Рыпинщизна, Рыбинец, Садковщизна, Совины, Старая Вабомня, Староселье, Стельмахи, Студёнка, Сызовщизна, Травники, Турище, Усовщизна, Фарнаполье, Шабовщизна, Шарипин, Шешковщизна, Шляхщизна.

Как правило, в застенках шляхтичи арендовали небольшие участки земли. Например, Игнатий Герватовский (30 лет) с женой Агатой (28) и 2 дочерьми арендовал 1 волоку земли в застенке Боровня помещика Цехановецкого. Причем с Игнатием жили также его родные братья Франтишек (19), Феликс (17) и Викентий (15), оставшиеся без

попечения родителей¹². Реже встречались собственники земли, причем ее количество также было невелико. Например, вместе с семьей Петра Голубицкого, состоявшей из 5 человек, жили семьи его племянников Франтишка (4 человека) и Михаила (холост), а также 3 его двоюродных брата, оставшихся сиротами. На всех перечисленных 13 человек приходилось 0,25 волоки земли¹³. На этом фоне весьма обеспеченной выглядит семья Валериана (60 лет) и Венедикты (45) Вейтко, у которых на 9 человек приходилось 2,5 волоки собственной земли в застенке Гвоздово, а также семья родного брата Валериана Ивана Вейтко (55 лет) в составе 6 человек, которая имела 1 волоку в застенке Будзковщизна¹⁴.

В списке шляхты за 1819 г. удалось обнаружить только 4 околицы: Волчково (6 человек), Мысливцово (20), Толковщизна (14) и Череповщизна (7). В Лепельском уезде околицы, как и застенки, являлись небольшими малонаселенными пунктами. Возможно, природно-географические условия Лепельщины не способствовали появлению крупных шляхетских поселений. В околицах проживали, как правило, родственники. Так, в Череповщизне жили 2 семьи Спиридовичей: Андрея (60 лет) и Магдалены (40) с дочерью Малгожатой (7), а также родного

¹¹НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–206.

¹²Там же. Л. 38–39.

¹³Там же. Л. 32–33.

¹⁴Там же. Л. 24–25.

брата Андрея Франтишка Спиридовича (46) и его жены Розалии (30) с дочерью Анелей (9) и сыном Михаилом (5). Две семьи имели 1 волоку земли по закладному праву¹⁵. В окоелице Мысливцово проживало на собственной земле несколько семей Самуйло, в том числе Клеофаса (40) и Фелицианы (27) с 2 сыновьями, Викентия (45) и Аксиньи (28) с 4 детьми¹⁶. Можно предположить, что небольшое количество пахотной земли в Лепельском уезде, вкрапление ее малыми наделами среди лесных и водных массивов приводило к формированию небольших по территории и малочисленных населенных пунктов. Пахарь селился там, где это позволяла ему местная природа.

Иногда содержание рассматриваемого списка 1819 г. ставит исследователя в тупик. Например, относительно семьи Яцыка (40 лет) и Розалии (26) Самуйло с сыном Станиславом (1) и дочерью Петронелей (2) сказано, что они имеют 1 волоку собственной земли «в окоелице Молине или Мысливцово»¹⁷. Трудно понять, что имел в виду автор списка: один и тот же населенный пункт мог называться разным образом или не было известно, в каком именно населенном пункте эта земля находилась? Второе предположение кажется наименее убедительным. Для шляхтичей владение землей имело большую ценность не только как источник материального обеспечения, но и в качестве подтверждения благородного происхождения. Выяснение местожительства шляхты затрудняется также существованием в одном уезде населенных пунктов с одним названием. Например, в Лепельском уезде, кроме окоелицы Волчково, существовала также д. Волчково.

В помещичьих имениях шляхтичи проживали по разным причинам. Можно выделить 3 основные группы такой шляхты: 1) собственники земли или владельцы земельных участков по закладному и арендному праву; 2) шляхтичи, которые находились на содержании владельца; 3) шляхтичи, служившие в имениях на разных должностях.

К первой группе принадлежат вдовец с 3 детьми Игнатий Видмонт (43 года), который имел в фольварке Запрудье помещицы Селицкой в закладе 2 волюки земли¹⁸, семья Антона Вишневого (40 лет) в составе 8 человек, имевшего 6 волюк собственной земли в фольварке Тарговщина¹⁹. Отдельно выделяются 2 обеспеченные семьи, внесенные в список 1819 г. по Лепельскому уезду, но проживавшие да-

леко за его пределами. Семья Викентия Богдановича (47 лет) и Виктории (32) с 7 детьми арендовала 80 волюк земли в Полоцком уезде и жила «во дворе [в] Горках с крестьянами»²⁰. Вдовец Фрол Добровольский (43 года) с дочерью Марией (11) проживал в Холмском уезде Псковской губернии в поместье «в своем доме»²¹.

Вторая группа очень разнообразна по составу. Например, Антоний Мальчевский (31 год) вместе с женой Барбарой (24) проживал в господском дворе Жежлино «содержателем»²², Иван Реймар-Крживецкий (33) жил у помещика Воронца «на резиденции»²³. Среди подобных резидентов были как родственники хозяев имений, так и совершенно чужие им люди. Из мемуарной литературы известно, что роль лиц, находящихся на содержании хозяев, в домах благодетелей могла быть самой разной. По воспоминаниям Л. Потоцкого, у крупного землевладельца Винцента Тышкевича камергером был шляхтич Камаевский, который не имел никаких обязанностей и «был похож на домашнюю утварь без употребления, к которой привыкли глаза, но без которой казалось, что чего-то не хватает»²⁴ [5, с. 62–63]. Камергер жил в доме Тышкевича в Свислочи до смерти своего благодетеля в 1816 г., а затем перешел «по наследству» отчиму Л. Потоцкого, и главной обязанностью Камаевского стало ежедневное участие в карточной игре [5, с. 62–63].

Однако часто бедным шляхтичам, жившим в чужих домах, приходилось отрабатывать свое содержание. Например, бабушка известного литератора и издателя уроженца Минщины Ф. Булгарина страстно любила вышивание, но с возрастом не могла заниматься им самостоятельно и находила удовольствие в том, чтобы руководить другими вышивальщицами. Она устроила в своем доме в Русиновичах своеобразную мануфактуру, где «более двадцати крепостных девушек, с полдюжины сирот и воспитанниц и несколько бедных шляхтяночек ежедневно занимались вышиванием ковров и обоев» [6, с. 111]. В отличие от мемуарной литературы разобраться по скудным уездным спискам шляхты в том, кто из шляхтичей проживал в имениях (и других населенных пунктах) на содержании хозяев, а кто им служил, порой невозможно. Например, об Иосифе Квещинском (27 лет) и его жене Петронеле (25) сказано, что они не имеют земли и живут в д. Бусово помещика Аполлинария Селявы

¹⁵ НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94. Л. 167–168.

¹⁶ Там же. Л. 174–175.

¹⁷ Там же. Л. 176.

¹⁸ Там же. Л. 20–21.

¹⁹ Там же. Л. 23–24.

²⁰ Там же. Л. 15–16.

²¹ Там же. Л. 51.

²² Там же. Л. 108–109.

²³ Там же. Л. 150–151.

²⁴ Перевод с белорусского наш. – С. Л.

«при шляхтиче Соколовском»²⁵. Сироты Иосиф (14) и Фома (12) Квечинские жили в застенке Студёнке А. Селявы «при Грабовских»²⁶. Трудно сказать, что в данном случае означает предлог «при»: шляхтичи находились на иждивении или в услужении у Соколовского и Грабовского?

К третьей группе отнесены шляхтичи, служившие в помещичьих имениях. Чаще всего они занимали должности экономов и писарей. Так, Франц Венслицкий (33 года) служил экономом в имении помещика Саковича²⁷. Ту же должность занимал вдовец Петр Домжа (50). Вместе с дочерью Катериной (14) он жил в фольварке Комаровщина у помещика Рудомины²⁸. Семен Дашкевич (25) был экономом в имении Полозерье (*Поль Озеро*) помещика Игнатия Реутта. Вместе с ним в имении проживали его жена Марьяна (27), 2 сыновей и сестра Семена Софья (28). Младший брат Семена Николай Дашкевич (19) уже самостоятельно служил «у разных помещиков»²⁹. Братья заявили, что доказательств на шляхетство не имеют и «где найти оные не знают по причине того, что отец их помер и оставил юными без всякого способа воспитания»³⁰.

Более высокое положение, чем эконом, в имении занимал управляющий. Как правило, среди управляющих встречались шляхтичи зрелого возраста, имевшие за плечами жизненный и профессиональный опыт. В частности, должность управляющего в крупном имении Заболотье помещика Селявы выполнял вдовец Иосиф Висмонт (54 года). С ним проживала взрослая дочь Антония. В Лепельский уезд семья Висмونتов пришла из Борисовского уезда, где Иосиф, вероятно, имел опыт службы³¹. В том же имении Заболотье должность приказчика занимал Петр Василевский (22). В Лепельский уезд Петр пришел из Минского уезда Минской губернии в 1814 г.³²

Переход в поисках работы из уезда в уезд – явление, характерное для малоземельной и безземельной шляхты. Сведения об этом часто встречаются в исторических источниках, в том числе в рассматриваемом списке 1819 г. Так, братья Николай (46 лет), Франциск (43) с женой Агатой (35) и Дионизий (18) Дзерожинские пришли на Лепельщину из Оршанского уезда Могилёвской губернии. Ин-

тересно, что, несмотря на большую разницу в возрасте, первым в списке обозначен юный Дионизий. Возможно, именно он содержал семью, работая писарем в имении Викентия Володковича. Николай во время составления списка был «в отлучке в неизвестном месте», а местожительство Франциска с Агатой не указано. Скорее всего, они проживали вместе с Дионизием³³. Должность писаря в имении Осташево князя Пузыны занимал Андрей Друшкевич (28 лет). Вместе с женой Доминикой (25) и 3 детьми в Лепельский уезд он пришел из Борисовского уезда в 1816 г. Также известно, что во время 5-й ревизии 1795 г. в Российской империи его семья находилась в Дисненском уезде³⁴.

В поисках работы младший брат упоминавшегося эконома Петра Домжи Михаил (18 лет) перешел из Лепельского уезда в Дисненский, где занял должность приказчика. Андрей Домжа (26) был приглашен ловчим в фольварок Заболотье А. Селявы³⁵. Шляхтичи часто занимали в помещичьих имениях должности ловчих. Так, в имении Елены Паношевой «за ловчего» был Стефан Водницкий (40). Вместе с женой Анастасией (25) на Лепельщину он пришел из Вилкомирского уезда Виленской губернии³⁶.

Довольно часто как в рассматриваемом списке 1819 г., так и в других исторических источниках не раскрываются служебные обязанности шляхтичей, а просто указывается, что то или иное лицо находилось «на услужении». Среди таких лиц встречаются люди самого разного возраста. Например, «на услужении» у помещика Цехановецкого был Людвиг Богуславский (36 лет)³⁷. Самым юным среди служащей шляхты Лепельского уезда по списку 1819 г. был 12-летний Доминик Дашкевич, который работал у помещика Игнатия Реутта. Видимо, Доминик был полным сиротой и не имел родственников, так как в списке не указаны не только его родители, но и другие родственники. Как правило, шляхтичи-сироты включались в состав семьи ближайших родственников: братьев, дядей, сестер и др.³⁸

Своеобразными населенными пунктами, исторически сложившимися на территории Речи Посполитой, были местечки. Шляхта Лепельского уезда проживала в местечках Бешенковичи, Чашники,

²⁵ НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94. Л. 72–73.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 25–26.

²⁸ Там же. Л. 46–47.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 47.

³¹ Там же. Л. 21–22.

³² Там же. Л. 26–27.

³³ Там же. Л. 41–42.

³⁴ Там же. Л. 47–48.

³⁵ Там же. Л. 46–47.

³⁶ Там же. Л. 25–26.

³⁷ Там же. Л. 6 об. – 7.

³⁸ Там же. Л. 47–48.

Казановка, Коптевичи, Кубличи, Пышно, Ула. Особенно стоит семья Кублицких. Филипп Кублицкий-Пиоттух (62 года), его жена Магдалена (50) и 3 детей, а также брат Филиппа Александр (59) с женой (52), внесенные в списки лепельской шляхты, проживали в предместье крепости Динамент в Рижской губернии³⁹. Наиболее корректным представляется отнести семью Кублицких к группе жителей местечек, хотя крепость местечком не являлась. Шляхтичи – жители местечек, – как и представители благородного сословия, населявшие деревни и застенки, чаще всего занимались сельскохозяйственным трудом. Например, Василий Деренга (26 лет) содержал свою жену Бригиду (23 лет) и 2 маленьких дочерей, арендуя 3 волюки земли в местечке Пышно⁴⁰.

Представители шляхты Лепельского уезда проживали в городах Лепель, Дисна, Полоцк, Витебск. Как правило, они работали в государственных уч-

реждениях на низкооплачиваемых канцелярских должностях. В частности, в семье Августовичей единственным кормильцем был семнадцатилетний Фома Августович, копиист Лепельского нижнего земского суда. Он содержал свою мать – вдову Аксинью (48 лет), сестер Антонелю (14) и Петронелю (4). Семья арендовала в городе полволюки земли⁴¹. Некоторые шляхтичи проживали в городах в качестве слуг. Так, вдовец Венедикт Реутт (45) вместе с дочерью Каролиной (22) находился в Вильно «на услугах» у дворянки Скуропацкой⁴². Исключением из правил выглядит судьба Викентия Квечинского, который в свои 17 лет не занимался обработкой земли, не служил, а учился. Причем учился в далеком Санкт-Петербурге во 2-м кадетском корпусе, куда поступил в 1815 г.⁴³

В обобщенном виде данные о местожительстве лепельских шляхтичей представлены в табл. 2.

Таблица 2

Местожительство шляхты Лепельского уезда (1819)

Table 2

Residence of Lepel district gentry (1819)

Местожительство	Численность шляхты обоих полов, чел.	Удельный вес, %
Деревня	1542	45,0
Застенки и околицы	1093	31,9
Имение	372	10,9
Местечко	141	4,1
Город	110	3,2
Неизвестно	168	4,9
Итого	3426	100

Примечание. Составлено автором на основе уездного списка лепельской шляхты⁴⁴.

Графа «Неизвестно» в табл. 2 появилась по следующим причинам. Во-первых, невозможно знать, где на просторах Российской империи находились военнослужащие. Во-вторых, в ряде случаев местожительство шляхтичей не называется или указывается в самых общих чертах. Например, о Тадеуше Милевском (35 лет) было известно лишь то, что он служил «за Двиною», куда ушел вместе со своими женой и сыном⁴⁵. Относительно Николая Улькевича (32) в графе «Где живет и чем занимается» просто стоит прочерк⁴⁶. В той же графе напротив фамилии Ивана Чаевского (60) указано: «Ходит по разным

местам» (возможно, нищенствует)⁴⁷. Причем бедность держала в своих жестких объятиях всех представителей семьи Чаевских. Родные братья Ивана Рафаил (25) и Франц (20) также относились к самой малообеспеченной части лепельских шляхтичей. Рафаил был «на услужении» у дворянина Антона Оникевича, Франц вместе с женой Теклей арендовал скромную четверть волюки земли в д. Зерничихи помещика Косова⁴⁸.

Чаще всего неизвестно местожительство именно служащей шляхты, так как в списке в первую очередь фиксировалось не где, а у кого служил человек.

³⁹НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–206.

⁴⁰Там же. Л. 49–50.

⁴¹Там же. Л. 3–4.

⁴²Там же. Л. 150–151.

⁴³Там же. Л. 73.

⁴⁴Там же. Л. 1–206.

⁴⁵Там же. Л. 102.

⁴⁶Там же. Л. 184.

⁴⁷Там же. Л. 192.

⁴⁸Там же. Л. 191–192.

Так, о Томаше Сохадольском (22 года) сказано лишь то, что он находился «у адвоката Лыщинского на услужении»⁴⁹.

Из табл. 2 следует, что только 3,2 % шляхтичей проживали в городах, что в два раза ниже среднеимперского показателя. По данным за 1811 и 1825 гг., удельный вес городских жителей на территории европейской части Российской империи составлял 7 % [7, с. 170].

В список шляхты Лепельского уезда 1819 г. включены 3426 человек. Каждое обращение к вопросу о численности высшего сословия на территории Беларуси в первой половине XIX в. неизбежно приводит к обсуждению того, каким образом был поставлен учет этой группы населения в Российской

империи. Вопрос доверия российским статистическим данным неоднократно поднимала в своих работах И. Сикорская-Кулеша. Например, по ее подсчетам, в середине XIX в. в Минской губернии было 57 тыс. шляхтичей в соответствии с генеалогическими книгами, 59 тыс. – в соответствии с данными казенных палат, 80 тыс. – по метрическим данным костелов [8, с. 83].

Основным методом учета населения в первой половине XIX в. являлись ревизии, проводившиеся в России с начала XVIII в. по 1858 г. Анализируемый список шляхты Лепельского уезда 1819 г. дает редкую возможность выяснить, насколько велика была в уезде численность шляхты, не учтенной властями в ходе проведения 5-й ревизии (1795).

Таблица 3

Соотношение учтенной и не учтенной в 1795 г. шляхты (по списку 1819 г.)

Table 3

The ratio of accounted and not accounted Lepel district gentry in 1795 (according to the list 1819)

Группа шляхты (по критерию их учета в 1795 г.)	Численность шляхты, чел.	Удельный вес в общей численности, %
Подавали посемейные списки	1877	54,8
Не подавали посемейные списки	1503	43,9
Неизвестно	46	1,3
Итого	3426	100

Примечание. Составлено автором на основе уездного списка лепельской шляхты⁵⁰.

В первой строке табл. 3 указаны численность и удельный вес шляхтичей и членов их семей, которые в 1795 г. подавали посемейные списки не только в Лепельском, но и в любых других уездах. То же можно сказать о содержании второй строки. В качестве основных причин, которые помешали представителям шляхты подать посемейные списки в ходе 5-й ревизии, в документе названы бедность и раннее сиротство. В частности, Михаил Чехович (40 лет) указал, что в 1795 г. не подавал список своей семьи «по бедности своего жилища»⁵¹. Сиротство было распространенным явлением, учитывая высокую смертность в среде лепельской шляхты, начиная с возрастной группы 30–39 лет (см. табл. 1). Именно раннее сиротство стало причиной того, что иногда шляхтичи вообще не могли ответить на поставленный вопрос (они включены в третью строку таблицы). Так, братья Иван (28 лет), Иосиф (26) и Леонтий (21) Кучинские заявили, что не знают, подавали ли их родители списки в ходе ревизии, так как «были малолетними»⁵². В третью строку также включены шляхтичи, местонахождение которых было неизвестно.

Рассматриваемый список 1819 г. дает возможность выяснить интенсивность перемещений лепельской шляхты в целях поиска более выгодных условий аренды, службы и по другим, в первую очередь семейным, обстоятельствам. В обобщенном виде данный показатель представлен в табл. 4.

Как следует из табл. 4, за четверть века около четверти шляхтичей Лепельского уезда изменили свое местожительство, и это очень высокий показатель. Кроме того, трудно допустить, что территория лесной и озерной, удаленной от ведущих административных и культурных центров Лепельщины стала местом притяжения для шляхты бывшего Великого княжества Литовского. Скорее всего, большая разница между теми, кто в уезд прибыл, и теми, кто из него убыл, объясняется лишь проблемами слабого учета выбывших. Таким образом, реальная подвижность шляхты была выше указанной в табл. 4. Встречаются примеры, когда за прошедшие со времени 5-й ревизии годы шляхтичи неоднократно меняли свое местожительство. Например, канцелярист Ксаверий Сакович (37 лет) прибыл

⁴⁹НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94. Л. 178.

⁵⁰Там же. Л. 1–206.

⁵¹Там же. Л. 191–192.

⁵²Там же. Л. 83–84.

в Лепельский уезд из Минского в 1815 г., однако известно, что в ходе ревизии 1795 г. он находился в Динабургском уезде, где и был записан⁵³. Управляющий именем Поречье помещика Цехановец-

кого Фома Пухальский (60) с семьей в Лепельский уезд «зашел» из Борисовского уезда Минской губернии в 1813 г., но уже в 1814 г. отправился на службу в Копысский уезд Могилёвской губернии⁵⁴.

Таблица 4

Мобильность шляхты Лепельского уезда с 1795 по 1819 г.

Table 4

Mobility of Lepel district gentry in the period from 1795 to 1819

Группа шляхты по критерию мобильности		Численность шляхты, чел.	Удельный вес в общей численности, %
Проживает в уезде «с древних лет»		2606	76,0
Переехали	Прибыли	734	21,5
	Убыли	86	2,5
	Всего	820	24
Итого		3426	100

Примечание. Составлено автором на основе уездного списка лепельской шляхты⁵⁵.

Интересна география перемещений представителей шляхты. В Лепельский уезд они приезжали не только из Велижского, Дисненского, Полоцкого, Городокского уездов Витебской губернии, но также из Браславского, Тельшевского уездов Виленской губернии, Сенненского, Оршанского, Копысского уездов Могилёвской губернии, из Псковской и Подольской губерний. В документе существует даже «Видзский уезд», хотя на самом деле Видзы не являлись уездным городом и в рассматриваемый период входили в состав Браславского уезда. Относительно семьи Людвиг Костевича (49 лет) при-

сутствует еще одна удивительная формулировка: «Прибыли из княжества Варшавского в 1787 г.»⁵⁶. Запись привлекает внимание не только отсутствием на карте мира «княжества Варшавского» в конце XVIII в., но и упоминанием самой ранней даты в списке – 1787 г. В целом список шляхты Лепельского уезда демонстрирует ту структуру сословия, которая сложилась в Речи Посполитой. За полвека, прошедшего после первого раздела Речи Посполитой, российская власть не повлияла на основные формы жизнедеятельности, брачные традиции, мобильность лепельской шляхты.

Выводы

Таким образом, анализ поуездных списков шляхты является весьма продуктивным для исследования социально-экономических параметров жизнедеятельности благородного сословия. Он позволяет высвечивать разные грани многомерного полотна под названием «шляхетская история», герои которой становятся нам ближе и понятнее. Несмотря на то что уездные списки часто отражают довольно разнородные параметры, каждый из них является своего рода фрагментом пазла, увеличивающим площадь общей картины. На основании анализа уездного списка шляхты Лепельского уезда Витебской губернии сделаны следующие выводы:

- земледелие, как основа жизнедеятельности шляхты, определило в качестве основных мест проживания ее представителей деревни (45 % общего

количества шляхтичей уезда), околицы (встречаются крайне редко) и застенки (31,9 %);

- численность жителей каждого из более 120 застенков, как правило, не превышала 20 человек;

- около 4,1 % шляхтичей Лепельского уезда проживали в местечках, их образ жизни практически не отличался от образа жизни жителей сельских населенных пунктов;

- удельный вес шляхтичей-горожан в Лепельском уезде составлял всего 3,2 %, что было вдвое ниже среднеимперского показателя (7 %);

- в помещичьих имениях проживали 10,9 % лепельских шляхтичей в качестве владельцев земли по праву собственности, закладному и арендному праву, а также лиц, находящихся на содержании у хозяев имения, или должностных лиц, обслуживавших имение;

⁵³НИАБ. Ф. 2512. Оп. 1. Д. 94. Л. 156–157.

⁵⁴Там же. Л. 137–138.

⁵⁵Там же. Л. 1–206.

⁵⁶Там же. Л. 69–70.

• в связи с частой переменой мест проживания и слабым уровнем учета неподатных групп населения в Российской империи выяснить местожительство 4,9 % шляхтичей Лепельского уезда не удалось;

• лепельская шляхта отличалась высоким уровнем мобильности: в период с 1795 по 1819 г. не менее 24 % шляхтичей изменили свое местожительство, что серьезно затрудняло учет этой категории населения в Российской империи.

Библиографические ссылки

1. Луговцова СЛ. Лепельская шляхта: основные виды деятельности в первой трети XIX в. В: Яновский ОА, редактор. *Российские и славянские исследования. Выпуск 11*. Минск: БГУ; 2016. с. 18–23.
2. Козловский ПГ. *Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в.* Минск: Наука и техника; 1982. 204 с.
3. Hammel E, Laslett P. Comparing household structures over time and between cultures. *Comparative Studies in Society and History*. 1974;16(1):73–109. DOI: 10.1017/S0010417500007362.
4. Луговцова СЛ. К вопросу о брачной структуре белорусской шляхты в первой четверти XIX в. У: Яноўская ВВ, Зянюк РУ, укладальнікі. *Гістарыяграфія і крыніцы вывучэння гісторыі Беларусі: традыцыі і навацыі*. Даніловіч ВВ, рэдактар. Мінск: Беларуская навука; 2018. с. 112–119.
5. Патоцкі Л. *Успаміны пра Тышкевічаву Свіслач, Дзярэчын і Ружану*. Саламевіч ІУ, перакладчык. Мінск: Полымя; 1997. 269 с.
6. Булгарын Ф. *Выбранае*. Фядута А, укладальнік. Мінск: Беларускі кнігазбор; 2003. 592 с.
7. Кошман ЛВ. *Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты*. Москва: РОССПЭН; 2008. 448 с.
8. Sikorska-Kulesza I. *Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku*. Pruszkow: Ajaks; 1995. 113 s.

References

1. Lougovtsova SL. The main activities of Lepel district gentry at the first third of the 19th century. In: Yanovskii OA, editor. *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya. Vypusk 11* [Russian and Slavic studies. Issue 11]. Minsk: Belarusian State University; 2016. p. 18–23. Russian.
2. Kozlovskii PG. *Zemlevladienie i zemlepol'zovanie v Belorussii v XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Land tenure and land use in Belarus in the 18th – the first half of the 19th century]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1982. 204 p. Russian.
3. Hammel E, Laslett P. Comparing household structures over time and between cultures. *Comparative Studies in Society and History*. 1974;16(1):73–109. DOI: 10.1017/S0010417500007362.
4. Lougovtsova SL. [To the question of the marriage structure of the Belarusian gentry in the first quarter of XIX century]. In: Janovskaja VV, Zjanjuk RU, compilers. *Gistaryjagrafija i krynicy vyvuchjennja gistoryi Belarusi: tradycyi i navacyi* [Historiography and sources of studying the history of Belarus: traditions and innovations]. Danilovich VV, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. p. 112–119. Russian.
5. Patotski L. *Uspaminy pra Tyshkevychavu Svislach, Dzyarechyn i Ruzhany* [Memories about Tyszkiewicz' Svisloch, Derechin and Ruzhany]. Salamevich IU, translator. Minsk: Polymja; 1997. 269 p. Belarusian.
6. Bulgaryn F. *Vybranae* [Selected works]. Fiaduta A, compiler. Minsk: Belaruski knigazbor; 2003. 592 p. Belarusian.
7. Koshman LV. *Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [City and city life in Russia of the 19th century: social and cultural aspects]. Moscow: ROSSPEN; 2008. 448 p. Russian.
8. Sikorska-Kulesza I. *Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku*. Pruszkow: Ajaks; 1995. 113 s.

Статья поступила в редколлегию 22.11.2018.
Received by editorial board 22.11.2018.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(32)04+930.85(620)

НАЗНАЧЕНИЕ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ОБЕЛИСКОВ (СОГЛАСНО ТЕКСТАМ НАДПИСЕЙ НА ОБЕЛИСКАХ XVIII И XIX ДИНАСТИЙ)

А. А. СПАРТАК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проблема понимания назначения древнеегипетских обелисков связана с вопросами становления, функционирования и развития института царской власти в Древнем Египте, чем и обосновывается актуальность тематики исследования. До сих пор в историографии египтологии данная проблема не решена. Нет ответа и на вопросы о том, почему обелиски устанавливались парами возле входов в храмы и элементами какого мира – сакрального либо профанного – они являлись. В статье исследуются тексты надписей на древнеегипетских обелисках периода правления XVIII и XIX династий ввиду их лучшей сохранности и точной атрибуции. Цель работы – выявление функций и характеристик обелисков на основе анализа текстов надписей на них. Сделан краткий историографический обзор вопроса, сравниваются позиции историографии с данными, полученными при анализе текстов надписей на языке оригинала. Предпринимается попытка определения реконструкции понятия «obelisk» как в египетском, так и в других языках древности и Средневековья, на основании чего сделан вывод о том, что обозначение обелисков в египетском языке изначально было связано с их свойством – светоносностью. Утверждается, что обелиски посвящались родовому предку царя (богу либо царю) по мужской линии, в храме которого они и устанавливались. Одной из очевидных функций обелисков, согласно текстам надписей на них, было запечатление царского имени – одной из ипостасей царской души.

Ключевые слова: обелиск; царская власть; культ царя; Новое царство; солярный культ.

Благодарность. Автор выражает искреннюю благодарность кандидату исторических наук доценту кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ О. В. Перзашкевичу за помощь в написании статьи.

Образец цитирования:

Спартак АА. Назначение древнеегипетских обелисков (согласно текстам надписей на обелисках XVIII и XIX династий). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;2:57–70.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-57-70>.

For citation:

Spartak AA. The functions of ancient Egyptian obelisks (according to the inscriptions on the 18th and 19th dynasties monuments). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;2:57–70. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-57-70>.

Автор:

Алла Александровна Спартак – специалист Главного управления науки.

Author:

Ala A. Spartak, specialist at the General Directorate of Science.
spartak@bsu.by

ПРЫЗНАЧЭННЕ СТАРАЖЫТНАЕГІПЕЦКІХ АБЕЛІСКАЎ (ПАВОДЛЕ ТЭКСТАЎ НАДПІСАЎ НА АБЕЛІСКАХ ХVIII І ХІХ ДЫНАСТЫЙ)

А. А. СПАРТАК^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Праблема разумення прызначэння старажытнаегіпецкіх абеліскаў звязана з пытаннямі станаўлення, функцыянавання і развіцця інстытута царскай улады ў Старажытным Егіпце, чым і абумоўлена актуальнасць тэматыкі даследавання. Да гэтага часу ў гістарыяграфіі егіпталогіі дадзеная праблема не вырашана. Няма адказу і на пытанні пра тое, чаму абеліскі ўсталёўваліся парамі каля ўваходаў у храмы і элементамі якога свету – сакральнага або прафанага – яны былі. У артыкуле даследуюцца тэксты надпісаў на старажытнаегіпецкіх абелісках перыяду праўлення ХVIII і ХІХ дынастый з прычыны іх лепшай захаванасці і дакладнай атрыбучы. Мэта працы – выяўленне функцый і характарыстык абеліскаў на аснове аналізу тэкстаў надпісаў на іх. Зроблены кароткі гістарыяграфічны агляд пытання, параўноўваюцца пазіцыі гістарыяграфіі з данымі, атрыманымі пры аналізе тэкстаў надпісаў на мове арыгінала. Прадпрымаецца спроба вызначэння рэканструкцыі паняцця «абеліск» як у егіпецкай, так і ў іншых мовах старажытнасці і Сярэднявечча, на падставе чаго зроблена выснова аб тым, што абазначэнне абеліскаў у егіпецкай мове першапачаткова было звязана з іх уласцівасцю – святланоснасцю. Сцвярджаецца, што абеліскі прысвячаліся родаваму продку цара (богу або цару) па мужчынскай лініі, у храме якога яны і ўсталёўваліся. Адною з відавочных функцый абеліскаў, згодна з тэкстамі надпісаў на іх, было захаванне царскага імені – адной з іпастасей царскай душы.

Ключавыя словы: абеліск; царская ўлада; культ цара; Новае царства; салярны культ.

Падзяка. Аўтар выказвае шчырую падзяку кандыдату гістарычных навук дацэнтву кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта БДУ А. В. Перзашкевічу за дапамогу ў падрыхтоўцы артыкула.

THE FUNCTIONS OF ANCIENT EGYPTIAN OBELISKS (ACCORDING TO THE INSCRIPTIONS ON THE 18th AND 19th DYNASTIES MONUMENTS)

А. А. SPARTAK^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The problem of comprehension the function of the ancient Egyptian obelisks is connected with the issues of formation, functioning and development of the institute of kingship in ancient Egypt, which justifies the relevance of the case studies. There is still a consensus on the question of understanding the meaning of the erection of the obelisks by kings. There is no doubt that the obelisks are erection in pairs near the entrance to the temples. The article examines the inscriptions on the ancient Egyptian obelisks of the reign of the 18th and 19th dynasties, taking into account their better preservation and accurate attribution. The main purpose of this work is that the author sees the identified functions and characteristics. In the introduction, the author gives a brief historical overview of the issue and compares the position of the stories with the data obtained from the analysis of texts in the original language. Authors should obtain a definition of the concept of «obelisk» both in the Egyptian language and in other languages of antiquity and the Middle Ages, on the basis of which the author concludes that the designation of obelisks in Egyptian was originally associated with their property – luminosity. In conclusion, the author concludes that the obelisks are dedicated to the ancestor of the king (God or king) along the male lines, in the temple of which they were erected. One of the obvious functions of the obelisks, according to the inscriptions on them, was to imprint the royal name (one of the hypostasis of the royal soul).

Keywords: obelisk; kingship; king worship; New Kingdom; sun worship.

Acknowledgements. The author would like to thank O. V. Perzashkevich, PhD (history), associate professor at the department of the ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University, for assistance in preparing this article.

Введение

Несмотря на стремительное развитие египтологии в последние десятилетия и наличие существенного объема как археологического, так и текстового материала, до сих пор остается нерешенным

вопрос о назначении древнеегипетских обелисков, достоверно неизвестно, с чем связана их установка.

Классический древнеегипетский обелиск представляет собой четырехгранную колонну, сужаю-

щуюся сверху и заканчивающуюся пирамидальным навершием, как правило покрытым золотом или электрумом (др.-егип. *dʿm*), о чем свидетельствуют надписи на самих обелисках и сведения из арабских средневековых хроник в передаче на латинский язык таких авторов, как А. Кирхер и Й. Созга. В настоящее время известны обелиски царей Тети, Иниотефа VII Нубхеперра, обнаруженные в 1860 г. О. Марриетом (3,5 м высотой, расположены на западном берегу р. Нил, утеряны при перевозке в Каирский музей); Сенусерта I, Тутмоса I, Хатшепсут, Тутмоса III, Аменхотепа II, Тутмоса III и Тутмоса IV, Сети I, Сети II и Рамсеса II, Рамсеса III, Мернептаха, Сети II, Рамсеса IV, Псамметиха II, Априя, Амасиса, Нектанеба II, Птолемея VIII Эвергета II, а также обелиски, сделанные по приказу римских императоров Домициана и Адриана, – имитации, а иногда и полные копии египетских памятников. Известен обелиск консула Рима в Египте Тита Секста Африкана (I в. н. э.).

Самым древним, согласно данным египетского археолога Л. Хабаши [1, р. 43], является обелиск первого царя VI династии Тети (XXIII в. до н. э.).¹ Также найдены обелиски, относящиеся к периоду правления V династии (XXV–XXIV вв. до н. э.), которые были сделаны из известняка, имели небольшие размеры и располагались возле входов в гробницы представителей царского рода. На данный момент один из них, высотой около 0,5 м, находится в Берлинском музее.

Кроме того, известны обелиски цариц из заупокойных храмов в Саккаре. В 2017 г. был найден обелиск царицы Анхесеннепи II, матери царя Пепи II (VI династия).

Немецким египтологом К. Р. Лепсиусом был обнаружен обелиск нетрадиционной формы (с округлым, а не пирамидальным навершием) в районе Меридова озера (современный г. Бегиг, др.-егип. *šdt*, греч. Κροκοδείλων πόλις) (Leps. Denkm. Abth. II, Bl. 118). Сейчас обелиск находится на площади в г. Эль-Файюме, надписи сильно повреждены.

Помимо этого, в некоторых гробницах были обнаружены изображения обелисков среди сцен, показывающих участие владельца гробницы в его ритуальном шествии к богине Запада Аментет, а также маленькие деревянные обелископодобные предметы, которые хранились вместе со статуэтками ушебти.

Офицер ВМС США Г. Горинж, осуществивший перевозку нью-йоркской Иглы Клеопатры, в конце XIX в. писал о существовании 43 классических обелисков [2, р. 145]. На данный момент известно порядка 70 памятников различной сохранности (иногда просто фрагменты).

Цель данного исследования – определить назначение древнеегипетских обелисков на основании анализа текстов надписей на них. В настоящей работе рассмотрены надписи на обелисках XVIII и XIX династий (1539–1191 гг. до н. э.), что обусловлено отсутствием проблем с атрибуцией данных памятников.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрение значения какого-либо понятия, а также его характеристик в историческом источ-

нике затруднительно без предварительного определения происхождения самого понятия (табл. 1).

Таблица 1

Обозначение обелисков в древних и средневековых языках

Table 1

The notion of an obelisk in ancient and medieval languages

Язык	Период	Слово	Значение
Староегипетский классический, среднеегипетский классический, новоегипетский, среднеегипетский поздний	XXIV–IV вв. до н. э.	<i>thn</i> (ед. ч.) <i>thnwy</i> (дв. ч.)	Обелиск Пара обелисков
Среднеегипетский классический, новоегипетский, среднеегипетский поздний	XV–IV вв. до н. э.	<i>mnw</i>	Обелиск, надгробный памятник, статуя, предмет с надписями для заупокойного культа [3, S. 70–71]
Среднеегипетский поздний (начиная с XXII династии) [4, р. 5]	C X в. до н. э.	<i>mn</i> [4, р. 5]	Стабильность [4, р. 5]
Новоегипетский, среднеегипетский поздний	C Амарнского периода	<i>bnbn</i> (LÄ. IV, S. 542)	Пирамидион, обелиск (LÄ. IV, S. 542)

¹Здесь и далее приведена хронология согласно изданию: Ancient Egyptian Chronology / ed. by E. Hornung [et al.]. Leiden ; Boston ; Köln : Brill, 2006. P. 490–495. (Handbook of Oriental Studies. Sect. 1. The Near and Middle East. Vol. 83).

Окончание табл. 1
Ending table 1

Язык	Период	Слово	Значение
Древнееврейский	1-е тыс. до н. э.	מנן [kham-mawn] (Танах) (Isa 27:9) מטטסהב [matstsebah] (Танах) (Jer 43:13), аналог в Септуагинте – στήλη, в Вульгате – <i>statua</i> [5, с. 129]	Солнечный столп: идол, изображение [5, р. 40] Нечто размещенное, установленное, колонна, идол, мемориальный памятник, стоящее изображение, столб [6, р. 70]
Древнегреческий	V в. до н. э. IV в. до н. э. III–II вв. до н. э.	Ὀβελὸς (Hdt. Hist. 2.111.25, 2.135.16) Ὀβελίσκος (D. S. 1.46, S. 17.1.27) Στήλη (Септуагинта (Иер. 50:13))	Штырь, остроконечная квадратная колонна, горизонтальная линия [7] Небольшой вертел, клинок, ножка циркуля, небольшая медная или железная монета [7] Столб, свая, надгробный столб, камень, пограничный столб, мемориальный памятник, стела с надписанными законами, договор, соглашение, закон [7]
Птолемеевский ²	II в. до н. э. – II в. н. э.	<i>dhn</i> (obelisk Птолемея VIII Эвергета II, Англия, Кингстон-Лейси, восточная сторона, правый столбец) [8] <i>db^c</i> (мн. ч.) [8]	Обелиск Пальцы
Коптский	III–VII вв.	Χηρι νσυαι [Djeri Anschai] [6, с. 5]	Расписанная колонна [6, с. 5]
Латинский	I–IV вв. V в.	Obeliscus (Plin. Nat. 36.64; 36.71; 36.74, 16.201; Amm. 17:4, 17) Statua (Вульгата (Jer 43:13))	Обелиск [9] Изображение, статуя (редко – богов), столп как обозначение молчаливости, неподвижности [9]
Арабский	VII в. н. э.	Missala(t) fir'aūn [10, с. 44] Messalah [1, с. 3]	Игла фараона [10, с. 44] Большая игла для латания [1, с. 3]

Английские ученые Й. Шоу и П. Николсон вслед за одним из выдающихся египтологов начала XX в. У. Баджем предполагают, что егип. *thn* ‘обелиск’ происходит от егип. *wbn* ‘светить’ (скорее всего, отсюда произошло слово *bnbn* ‘пирамидион’) [11, р. 208]. Вероятно, традиция понимания обелиска как солнечного луча идет от Плиния Старшего, который в своем труде «Естественная история» употребил слово *trabs* (в пер. с лат. – балка, бревно, стропила, также луч) в отношении обелисков: «...trabes ex Syenite marmore fecere reges, obeliscos vocantes Solis numini sacratos» (Plin. Nat. 36.64) («...балки (лучи) из красного гранита возводили цари, обелисками назывались, поклонению солнцу посвященные»²).

В среднеегипетском языке солнечные лучи обозначались словом *stwt*, производным от иероглифического знака *sti* – коровья шкура, проколота стрелой. Являясь идеограммой либо детерминативом, знак или слово семантически были связаны с глагольной формой *колоть*, *прокалывать*. Вероятно, греч. *obelískos* ‘металлический вертел, игла’, как и араб. *Messalah* ‘игла для пошива’, а позднее – англ. *Cleopatra's Needle* ‘Игла Клеопатры’, связано именно с такой интерпретацией обелиска: солнечный луч как игла, некий острый металлический предмет, пронизывающий материю (пространство).

Также очевидно, что в египетском языке фонетическое написание *thn* не имеет ничего общего ни со словом *wbn* (либо *bnbn*), ни со словом *stwt*.

²Имеется в виду форма языка, традиционно используемая в этот период в эпиграфике (иероглифика Розеттского камня).

³Здесь и далее перевод наш. – А. С.

Иероглиф *thn* впервые, согласно известным текстам, фиксируется в период правления IV династии в надписях восточных гробниц плато Гизы, относящихся к пирамиде Хуфу: *Wr m3t 3bw* *hwfw ntr*

hm (Leps. Denkm. Abth. II, Bd. 3, Bl. 22) ('Большой обелиск из красного гранита Элефантины царя Хуфу, божественного господина'). В данном фрагменте *m3t 3bw* – обелиск из красного гранита Элефантины, или обелиск из сиенита.

К периоду правления VI династии относится первая фонетическая запись слова *thn*. Она присутствует в надписи управляющего Асуанским районом Сабни при правлении Пепи II. Надпись свидетельствует о том, что обелиски изготавливались в Асуане, причем в надписи фигурирует именно пара обелисков – *thnwy* (дв. ч.) [1, р. 41]. Также есть упоминание *thnwy* в одной из надписей погребального комплекса пирамид Пепи I [1, р. 41].

Немецкий египтолог К. Мартин предположил, что *thn* – «поток света с небес на землю или противоположное направление от человеческой жертвы к небесному божеству. Привычный смысл *t*-префикса подчеркивает постоянную продолжительность этого процесса» [12, S. 36].

Возможно, егип. *thn* находится в семантической близости со словом *thn* 'некое сыпучее вещество, имеющее яркий цвет, возможно, желтый шафран', которое использовалось как глагольная форма, «выражало идею освещения, свечения, сияния, ликования, радости» [13, р. 43]. Как известно, шафран в истолченном виде добавлялся в строительные материалы и, вероятно, придавал некий золотой блеск либо оттенок материалу: «Как и слова “стекло” и “кристалл”, группа *thn* несет в себе идею прозрачности, блеска, излучения. <...> Солнце поднимается; храмы излучают *thn*» [13, р. 43]. Красный или розовый гранит, известный в период Античности как *Syenite* (по названию г. Сиены (Асуан)), согласно утверждению Плиния Старшего, греками назывался *πυρρολοίκιλος* – 'огненно-пестрый'.

Таким образом, слово *thn*, скорее всего, отражает идею света, характеризует данные каменные памятники как светонесные. Оно обозначает не просто солнечный луч, а поток света, он динамичен и непрерывен. В данном случае мы имеем дело с бинарной оппозицией *свет* – *тьма* в мифологическом мышлении древнего человека. Категория *свет* может рассматриваться как нечто упорядоченное, норма (др.-егип. *m3t*), в то время как *тьма* – это хаос, беспорядок, то, что не является нормой и подлежит упорядочиванию.

В текстах на самих обелисках достаточно часто употребляется конструкция *ir:n.fm mnw.fn it.f* 'уста-

новил он памятник его для отца его'. Очевидно, что *thn* в египетском языке являлся некой разновидностью *mnw*. В словаре немецких египтологов А. Эрмана и Х. Грапова для соответствующего иероглифа также дана транслитерация *mnw* со ссылкой на то, что его значение определяется из более поздних надписей, и переводится он как «obelisk». Авторы отмечают, что слово происходит от обозначения погребального инвентаря, который имел надписи. В более общем значении оно употреблялось как название памятников, надгробий, статуй и т. д. [3, р. 70–71].

Еще французский египтолог начала XX в. Ж.-Ж. Шампольон-Фишак, изучая этимологию фр. *obélisque*, пришел к выводу, что это слово является производным от греч. *obelískos* 'медный штырек, игла' (уменьш. от *obelos* 'вертел, металлический прут'). У Геродота находим сочетание *obelous duo lithinous* 'два каменных штыря' (Hdt. Hist. 2.111.25, 2.135.16). «Своеобразная шутка от греков – назвать столь гигантские памятники уменьшительным словом» [14, р. 13]. Далее в историографии название обелисков появляется в латиноязычных текстах Плиния Старшего (Plin. Nat. 36.64, 36.71, 36.74, 16.201) и Аммиана Марцеллина (Amm. 17.4, 17).

Тезаурус египетского языка выдает 13 упоминаний слова *thn*, причем в одном из вариантов оно выписано как *dhn* (с использованием иероглифического фонетического знака *d* 'рука' в начале слова). Папирус, в котором встречается эта лексема, относится к римскому периоду (I–II вв.). Он был найден в библиотеке храма Себека в номе Тентеп. В тексте написано: *jw dd = tw 3tf-hnt(.j) jw w^c dh^c db^c.(Pl.) pw {n}n wrd-jb [hD3, 13] m-hnw h^c,w-ntr* 'Говорятся слова Антефу: обелиски – это пальцы уставшего сердцем [Осируса] внутри Божьей плоти' [8]. Подобное написание слова встречается также на обелиске Птолемея VIII Эвергета II. В свое время А. Кирхер отмечал, что копты называли обелиски *Νίτεβτρη* 'пальцы солнца' [10, р. 44]. Можно предположить, что написание слова *thn* как *dhn* связано именно с таким пониманием обелисков.

Датский ученый второй половины XVIII в. Й. Созга, автор трактата на латыни «О происхождении обелисков...», рассматривая вопрос обозначения обелисков в коптском и греческом языках, пришел к выводу, что они назывались словом «колонна» (греч. *στήλη*; в коптском языке – *Djeri Anschai* 'расписанная колонна'). Особых слов для обозначения обелисков, которые были бы связаны с египетским языком, ученый, не обладая ключом к пониманию древнеегипетской иероглифики, не обнаружил. Изучив тексты Ветхого Завета на древнееврейском, греческом и латинском языках, Й. Созга заключил, что обелиску соответствует др.-евр. *הצפן*

[matstsebah] (каузативное причастие ж. р. от *natsab* ‘разместить’), которое, в свою очередь, соответствует в Септуагинте греч. *στήλη*, в Вульгате – лат. *statua* [6, p. 129].

Вероятно, соотнесение Й. Созгой слова *הַצֶּבַח* [matstsebah] с понятием «обелиск» основано также на фрагменте из Книги пророка Иеремии Ветхого Завета: «...и разломает он обелиски Гелиополя, которые в земле Египетской» (Jer 43:13), где *הַצֶּבַח* [matstsebah] соответствует слово «обелиски». В этом же фрагменте в Вульгате использовано лат. *statuas*: «...et conteret statuas domus Solis quae sunt in terra Aegypti»; в Септуагинте – греч. *Στόλους*: «...καὶ συντρίψει τοὺς στόλους ‘Ἡλίου πολεῶς τοὺς ἐν ὧν» (Jer 50:13).

Нигде более Танах не выделяет *הַצֶּבַח* [matstsebah] именно как египетские предметы солярного культа. За редким исключением, речь идет об установленных культовых каменных столбах (статуях, изваяниях) народов Ханаана (табл. 2). Относительно же египетских предметов поклонения используется др.-евр. *עֲלִיָּל* [‘eliyl] ‘идол’, в Вульгате – лат. *simulacra* ‘образ, изображение, рисунок, портрет, статуя’. В *New International Version of the Bible* это слово переводится как *sacred stone* ‘священный камень’ [15]. Таким образом, хотя нет никаких оснований полагать, что словом *הַצֶּבַח* [matstsebah] в древнееврейском языке обозначались именно обелиски, до сих пор сохраняется традиция такого его понимания [15].

Таблица 2

Соответствие *הַצֶּבַח* [matstsebah] в Септуагинте и Вульгате

Table 2

Coherence the word *הַצֶּבַח* [matstsebah] in the Septuagint and the Vulgate

Ссылка	Септуагинта	Вульгата	Комментарий
Ge 28:18	Στήλην	In titulum	Памятники неегипетского происхождения
Ge 28:22	Στήλην	In titulum	Памятники неегипетского происхождения
Ge 31:13	Στήλην	In titulum	Памятники неегипетского происхождения
Ge 31:45	Στήλην	In titulum	Памятники неегипетского происхождения
Ge 31:51	Στήλην	Lapis	Памятники неегипетского происхождения
Ge 31:52	Στήλην	Lapis	Памятники неегипетского происхождения
Ge 35:14	Στήλην	In titulum	Памятники неегипетского происхождения
Ge 35:20	Στήλην	In titulum	Памятники неегипетского происхождения
Ex 23:24	Στήλας	Statuas	Памятники неегипетского происхождения
Ex 24:4	λίθους	Titulus	Памятники неегипетского происхождения
Ex 34:13	Στήλας	Statuas	Памятники неегипетского происхождения
Le 26:1	Στήλας	Titulos eregetis	Неопределенное происхождение
De 7:5	Στήλας	Statuas	Памятники неегипетского происхождения
De 12:3	Στήλας	Statuas	Памятники неегипетского происхождения
De 16:22	Στήλην	Statuam	Неопределенное происхождение
1Ki 14:23	Στήλας	Statuas	Памятники неегипетского происхождения
2Ki 3:2	Στήλας	Statuas	Памятники неегипетского происхождения
2Ki 10:26	Στήλας	Statuam	Памятники неегипетского происхождения
2Ki 10:27	Στήλας	Aedem	Памятники неегипетского происхождения
2Ki 17:10	Στήλας	Statuas	Памятники неегипетского происхождения
2Ki 18:4	Στήλας	Statuas	Памятники неегипетского происхождения
2Ki 23:14	Στήλας	Statuas	Памятники неегипетского происхождения
2Ch 14:3	Στήλας	Statuas	Памятники неегипетского происхождения
2Ch 31:1	Στήλας	Simulacra	Памятники неегипетского происхождения
Isa 19:19	Στήλην	Titulus	Памятники на границе Египта
Jer 43:13	Στόλους	Statuas	Египетские памятники из Гелиополя
Eze 26:11	ὑποστάσιν	Statuae	Памятники неегипетского происхождения
Ho 3:4	Θυσιαστηρίου	Sine altari	Памятники неегипетского происхождения

Окончание табл. 2
Ending table 2

Ссылка	Септуагинта	Вульгата	Комментарий
Но 10:1	Στήλας	Simulacra	Памятники неегипетского происхождения
Но 10:2	Στηλαί	Simulacra	Памятники неегипетского происхождения
Мис 5:13	Στήλας	Нет соответствия	Памятники неегипетского происхождения

Кроме *ἡματ* [matstsebah], в Танахе в отношении каменных памятников культового назначения использовалось слово *ἡμα* [kham-mawn] (от *kham-taw* – букв. ‘высокая температура’; перен. ‘солнце, тепло’) – солнечный столб, идол, изображение [5, р. 40]. Значение этой единицы кажется более подходящим под определение памятника солярного культа. Однако изучение текстов Танаха показывает, что из всех имеющихся упоминаний (Le 26:30; 2Ch 14:5; 2Ch 34:4; 2Ch 34:7; Isa 17:8; Isa 27:9; Eze 6:4; Eze 6:6) лишь одно из них может относиться к памятникам солярного культа Египта (Isa 27:9) на основании русского Синодального перевода Библии: *истуканы солнца*. В Септуагинте в этом фрагменте *ἡμα* [kham-mawn] переводится на греческий язык как *εἰδωλον* ‘идол, изображение’, в Вульгате на латинский – как *delubrum* ‘место очищения, храм, святыня, святилище’. Новая международная версия Ветхого Завета дает перевод: *incense altars* ‘алтари благовоний’ [15].

Таким образом, само значение понятия *ἡμα* в египетском языке может быть определено как памятник, являющийся элементом погребального культа, изготовленный из определенного вида камня, светящегося на солнце либо имеющего определенный блеск, свечение, сияние. Что касается понятий, обозначающих данный вид каменных сооружений (obelisks) в других языках, то ситуация неоднозначная. Нельзя с уверенностью говорить о том, как именно эти памятники именовались и имели ли вообще отдельное обозначение в древнееврейском языке. По всей видимости, составители Танаха не отделяли обелиск от всех других установленных каменных предметов культа, что вполне согласовывается со Старым Заветом.

В греческом языке, если следовать библейской традиции (что, как показано выше, не совсем корректно), рассматриваемому понятию соответствует некая разновидность колонны, столба, а также, согласно сохранившимся греческим источникам различных авторов, оно понимается как каменные памятники, либо имеющие внешнее сходство с иглой, либо интерпретированные древними греками как таковые на основании, по всей видимости, распространенного на тот период мнения самих египтян о смысле и значении сооружений, отраженных в египетском языке.

В латинский язык слово *obeliscus* переходит из греческого, однако при этом Вульгата называет не-

кие установленные каменные памятники из Гелиополя *statuas* ‘статуи’ (возможно, в том числе и обелиски).

Что касается символического значения обелисков, то в современной историографии они рассматриваются как элементы солярного культа (см., например, [11, р. 208; 16, р. 561]), в первую очередь культа гелиопольского бога Атума-Ра и фиванского бога Амона-Ра в различных их ипостасях. Обелиски чаще всего устанавливались возле пилонов храмовых помещений парами. Исключение составляют Латеранский обелиск Тутмоса III, на котором имеется надпись о том, что царь первым устанавливает один обелиск, и обелиск Рамсеса IV из Каирского музея, содержащий надпись, согласно которой царь установил только один обелиск. Храм (Hwt-nTr) – дом бога. Соответственно, обелиски являлись элементами сакрального мира.

В египтологии широко распространено мнение о том, что культ обелисков происходит из древнейших верований египтян о первозданном холме *bnbn*, на котором, согласно гелиопольской космогонии, явился Атум из первородного океана (либо сам Атум был холмом, ожившим при попадании солнечного света Ра). Некоторые исследователи, в частности Г. Фрэнкфорт [17, р. 380] и У. Бадж [18, р. 22], отмечали фертильный характер солнечного холма *bnbn* (окаменевшее семя Атума после акта мастурбации) и считали обелиск фаллическим символом.

Исследователями XIX – начала XX в. были высказаны следующие предположения относительно назначения и символического значения древнеегипетских обелисков:

- обелиски XVIII и XIX династий являлись элементами солярного культа (культа Атума-Ра, Амона, Амона-Ра, Ра-Хорахти);

- форма обелиска синкретична: она сочетает в себе элементы погребального культа (культа родового предка) и солярного культа (культа Атума-Ра, культа камня *bnbn*);

- обелиски устанавливались царями в честь бога – предка царской династии (некоторые из них – в честь предыдущего царя, обоженного);

- обелиски сами по себе являлись элементом культа, им совершались подношения;

- обелиски, имевшие в большинстве своем золотые навершия, выражали идею освещения;

- обелиски обеспечивали вечную жизнь царю, их установившему [19, с. 27].

Исследования второй половины XX в. датского египтолога Э. Иверсена (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) и египетского археолога Л. Хабаши внесли существенные коррективы в общую концепцию назначения и символического значения обелисков.

Так, Э. Иверсену удалось соединить многочисленные отрывочные теории о сотворении мира в рамках гелиопольской космогонии, символическое значение отдельных элементов солярного культа, таких как солнечный холм *bnbn*, а также представления древних египтян о сущности человека, его жизни, смерти и бессмертии.

Иверсен рассмотрел развитие культа обелисков с периода IV–V династий (время зарождения солярного культа и представлений о сотворении мира солярным богом Атумом-Ра) до времен римского правления и заключил, что обелиски являлись прообразом вознесенного над землей холма *bnbn* – символа творения фертильного характера (что, как уже говорилось выше, отмечал еще У. Бадж). Иверсен выдвинул идею о том, что основной функцией обелисков было обеспечение бессмертия имени-души *rn* автора установки обелиска и его предка. Обелиски традиционно содержали имена царей, их установивших. В египетском понимании сущности человека имя-душа *rn* играло очень важную роль: оно являлось одной из ипостасей человека наравне с *ka* и другими душами. Таким образом, обелиск, увенчанный золотым пирамидионом, по Иверсену, нес функцию оживления имени царя, поскольку освещаемый солнцем пирамидион отражал солнечные лучи и наполнял солнечным светом пространство вокруг и как бы улавливал и передавал камню солнечное тепло, начертанное на обелиске, тем самым оживляя имя (душу) *rn* [20, p. 17].

Исследователь Л. Хабаши, написавший несколькими годами позже Э. Иверсена свою монографию, отмечал, что обелиски были ориентированы по сторонам света: один посвящен Амону (восходящему солнцу), другой – Атуму (заходящему солнцу), и это подтверждается как минимум на материале Луксорских обелисков Рамсеса II и игл Клеопатры Тутмоса III [1, p. 11]. Также Л. Хабаши предполагал, что суть установки обелисков заключалась в желании царей показать преемственность и тождественность новых столиц (Фивы, Пер-Рамсес) древнему Гелиополю [1, p. 6–7].

Анализ текстов надписей на обелисках (в том числе на языке оригинала в авторском переводе) позволяет выделить следующие позиции их назначения.

1. Обелиски несли функцию запечатления (увеличения) имени царя (царской титулатуры *nḥbt*), их установившего, иногда имени царя-предшественника, в других случаях – имени царя, надписывающего уже установленный обелиск (без гендерного разделения). Данный вывод основан на том, что из почти 70 сохранившихся до наших

дней обелисков лишь некоторые (предположительно периода римского правления) не имели надписей (obelisk Ватикана, обелиски на Пьяцца дель Эсквилино, Пьяцца дель Квиринале, обелиск в г. Арле (Франция)). Кроме того, как отмечал Л. Хабаши, были найдены обелиски, относящиеся к периоду правления V династии, которые имели небольшие размеры, были сделаны из известняка и располагались возле входов в гробницы представителей царского рода. Фронтальная часть обелисков чаще всего содержала имя хозяина гробницы [1, p. 45]. Надписи на обелиске из Гелиополя Сенусерта I также содержат исключительно царскую титулатуру. Согласно описанию О. Мариетта, обелиски Иниотефа VII Нубхеперра (XVII династия) из некрополя Дра Абу эль-Нага также имели надписи с царской титулатурой [21, p. 250]. В текстах надписей на исследуемых обелисках находим подтверждение тому, что они служили для запечатления царского имени (табл. 3). Причем, в отличие от более ранних или более поздних обелисков, надписи периода XVIII и XIX династий содержат исключительно имена царей (а не представителей царского рода). Еще одна важная деталь: цари могли надписывать не только свои личные обелиски, но и обелиски предков, что может означать только то, что важным было именно запечатление имени. При этом имена на обелиски добавлялись царями лишь в том случае, если они стояли, на упавшие памятники надписи не наносились (например, упавший обелиск Тутмоса III в Карнаке).

Известно, что прокламация имени имела для египтян огромное значение. Как отмечал американский египтолог Р. Дж. Лепрохон, «цари желали, чтобы их имена “остались” (*mn*) и были упрочены (*w3h*) или служили потомкам как благодарность богу от их имени. <...> Это была обязанность семьи – держать память об умершем родственнике живой, как гласила распространенная фраза: “Вызвать к жизни имя (*sʿnh rn*)”» [22, p. 5–6].

2. Одной из главных функций обелиска являлось освещение храмового пространства и, возможно, территории за храмом. Идея освещения (света) в качестве одного из составляющих элементов культа обелисков была высказана в историографии еще Ф.-Ж. Шаба в 1868 г.: «С одной стороны, они воплощали собой солнечные лучи. Полностью позолоченные, обелиски должны были, по сути, распространять яркие отблески, отражая горячее солнце неба Египта» [23, p. 3]. На обелиске VII (согласно утверждению Китчена) Рамсеса II из Таниса (изначально из Пер-Рамсеса) имеется надпись, которая сравнивает царя с Атумом, наделяя его функцией света: «Рамсес, царь возлюбленный, подобный Атуму, который освещает Обе Земли, когда появляется подобно Ра-Хорахти» (KRI, II, p. 245, H, obelisk VII, NF, 417:1).

Таблица 3

Указания в текстах надписей на обелисках на функцию запечатления имени царя

Table 3

The inscriptions indicating the function of describing the king's name

Царь	Название	Транслитерация	Перевод
Хатшепсут	Карнакский обелиск	<i>ir:n hmt.s rn n it.s smn hr mnw pn w3h hft</i> (Urk. IV. 358. A. 3. 4–9)	Ее Величество запечатлела имя отца ее, когда установила его (имя. – А. С.) на памятнике этом высоком
Тутмос III, Тутмос IV	Латеранский обелиск	<i>ir bnbnt.f m d^cmw hd n nfrw.f W3st htw hr rn n it.f nfr-ntr [Mn-hpr-R^c] ir:n.nsw-bit nb t3wy [Mn-hprw-R^c-mry-n-R^c] nw n-mrt rdit wn rn n it mn w3h m pr 'Imn-R^c</i> (Латеранский обелиск, Рим, южная сторона, правый столбец)	Создан имеющим на себе имя отца, живого бога, Менхеперра (Тутмоса III. – А. С.). Царь Верхнего и Нижнего Египта, господин Обеих Земель Менхеперура (Тутмос IV. – А. С.), тот, кого любит Ра, сделал это из любви, чтобы было имя отца его (Тутмоса III) установлено и упрочено в доме Амона-Ра
Рамсес II (установил), Сети I	Обелиск Фламинию	<i>s3 R^c [R^c-msj-sw-mrj-Imn] ir mnw.f mi sb3w Nwt... 'I hm.f snfr mnw pn n it.f n mrt rdit mn n rn.f m pr-R^c</i> (обелиск Фламинию, Рим, восточная сторона, центральный столбец)	Сын Ра, Рамсес II, тот, кто сделал его памятники (обелиски), подобно звездам в небе, вершины их соединяются в небесах... Это Его Величество, тот, кто завершил его памятники для своего отца (Сети. – А. С.), так что его имя (отца. – А. С.) может пребывать в доме Ра
Рамсес II	Луксорский обелиск	<i>nsw-bit [wsr-m^c3t-stp-R^c-n-R^c] mryt špsi 3h n it.f sdsr 'Imn-pr sw^cb W3st r^c rn.f r nhh m 'Irt-swt mn wch m ipt-swt n dt ir:n.f s3 R^c [R^c-mss-mi-Imn] mi R^c</i> (Луксорский обелиск, сторона 3, левый столбец)	Царь Верхнего и Нижнего Египта – Рамсес, тот, кого возлюбила знать. Тот, кто полезен отцу его тем, что повелевает освещать дом Амона, тем, что повелевает освещать Фивы возвеличиванием имени его в вечности в Карнаке прочном, помещая в Фивах навечно, – сделал он это, Сын Ра – любимый Амоном Рамсес, подобный Ра
Рамсес II	Парижский обелиск	<i>s3 R^c [R^c-mss-mi-Imn] wnn pt wnn mn-w.k wnn rn.k mn mi pt</i> (Парижский обелиск, южная сторона, правый столбец)	Сын Ра – любимый Амоном Рамсес. Будет небо, будет памятник твой, будет имя твоё прочно подобно небу

К тому же если наше предположение относительно этимологии слова *thn* верно и оно происходит от глагольной формы, семантически связанной с освещением, блеском, сиянием, то становится очевидным, для чего вершина обелиска покрывалась золотым сплавом. Надписи на обелисках ясно указывают на то, что сами создатели как обелисков, так и текстов надписей придавали обелискам функцию освещения (табл. 4).

3. Обелиски периода правления XVIII и XIX династий имели посвящение либо родовому предку царской династии, либо предыдущему царю по

мужской линии (табл. 5). Обелиск Тутмоса I имеет посвящение только родовому богу. Обелиски Хатшепсут имеют посвятельные надписи как родовому богу – Амону, так и предку по мужской линии – отцу царицы Тутмосу I. Весьма интересным является тот факт, что надписи на обелисках Тутмоса III (лондонская и нью-йоркская иглы Клеопатры, Латеранский обелиск, обелиск Стамбула) не содержат посвящения предшествующему царю – женщине. В надписях Тутмоса III встречается лишь посвящение Амону-Ра (на обелиске из Карнака), Атуму-Ра и Ра-Хораhti (на обелисках из Гелиополя).

Таблица 4

Указания на функцию освещения пространства в текстах обелисков

Table 4

The indication of illuminating the space in inscription

Царь	Название	Транслитерация	Перевод
Хатшепсут	Карнакский обелиск	<i>s^ch^c n.f thnwy wrwy r sb3 šps 'Imn wr šfyt b3k m d^cmw '3 wrt shd n t3wy mi 'Itn-R^c</i> (Urk. IV. 357. A. 1)	Установлены для него (Амона. – А. С.) два больших обелиска перед воротами великого Амона, которые сверху покрыты превосходным золотом, чтобы освещали они (обелиски. – А. С.) Обе Земли подобно солнцу

Окончание табл. 4
Ending table 4

Царь	Название	Транслитерация	Перевод
Хатшепсут	База северного обелиска из Карнака	<i>b^hi n stwt sn t3wy wbn itn-r^c imytw.ny mi h^c.f m 3ht nt pt</i> (Leps., Denkm., Abth. III. Bl. 24, 7.14–7.16)	Наводняют лучи их (obeliskov. – А. С.) Обе Земли, когда светит Атум-Ра между ними, подобно тому как появляется он, светясь, над горизонтом
Тутмос III, Тутмос IV	Латеранский обелиск	<i>s3 R^c [dhwty-h^c-ms-h^cw] s^ch^c.n.f sw m Ipt-swt ir bnbnt.f m d^cmw hd n nfrw.f W3st</i> (Рим, Латеранская площадь, южная сторона, правый столбец)	Сын Ра, Тутмос, увенчанный венцами, повелел он установить его (obelisk. – А. С.) в Карнаке, сделав пирамидион его золотым, чтобы озаряла красота его Фивы
Рамсес II (установил), Сети I	Обелиск Фламинио	<i>nsw-bit [mn-m^ct-R^c] Mh Ipt-swt m thnw hr wbn stwt pr-r^c</i> (obelisk Фламинио, Рим, западная сторона, центральный столбец)	Царь Верхнего и Нижнего Египта – Сети, тот, кто наполнил Иуну обелисками, чтобы освещали солнечные лучи дом Ра-Хорахти

Таблица 5

Посвящение обелисков

Table 5

Dedication of obelisks

Название обелиска, царь	Посвящение	Транслитерация	Перевод
Обелиск Тутмоса I (Карнак)	Родовому богу царской династии	<i>ir.n.f m mnw.f n it Imn-r^c</i> (Champ. T IV, Pl. CCCXIII)	Сделал он в качестве памятника его для отца его Амона-Ра
		<i>ir.n.f m mnw.f n it.f Imn nb nswt t3wy</i> (Champ. T IV, Pl. CCCXII)	Сделал он памятники его для отца его Амона, господина тронов Обеих Земель
Обелиск Хатшепсут (Карнак)	Родовому богу царской династии	<i>ir.n.s m mnw.s n it.s Imn nb nswt t3wy s^ch^c n.f thnwy wrwy r sb3 šps Imn wr šfyi b3k m d^cmw 3 wrt šhd n t3wy mi Itn-R^c</i> (Urk. IV. 357. A. 1)	Сделала она памятник ее для отца ее Амона, господина тронов Обеих Земель. Повелела она установить для него два больших обелиска перед воротами великого Амона, которые сверху покрыты превосходным золотом, чтобы освещали они (obeliski. – А. С.) Обе Земли подобно солнцу
		<i>ir.n.s m msw.s n it.s imn nb nswt t3wy hnt Ipt-swt ir.n.s m msw.s n it.s imn nb nswt t3wy hnt Ipt-swt</i> (Leps. Denkm., Abth. III. Bl. 24, 6.10–6.11)	Сделала она в качестве памятника ее для отца ее Амона, господина тронов Обеих Земель, жреца Карнака, сделаны для него два обелиска великих из красного гранита из Южного региона
	Царю-предшественнику	<i>ir.n hmt.s rn n it.s smn hr mnw pn w3h hft rdit n nsw-bit nb t3wy [3-hpr-k3-R^c] in hm n pn ntr hft s^ch^c thnwy wry in hmt.s m sp tpy dd pw in nb ntrw in it.t nsw-bit [3-hpr-k3-R^c] di tp rd smnt thnw iw hmt.t r whm mnw</i> (Urk. IV. 358. A. 3. 4–9)	Ее Величество запечатлела имя отца ее, когда установила его (имя) на памятнике этом высоком. Таким образом, ею был прославлен Царь Верхнего и Нижнего Египта, господин Обеих Земель, Тутмос I, величием этого бога, когда установлены были Ее Величеством два больших обелиска в первый раз. Сказано это господином богов, отцом твоим Тутмосом I: «Дано правило устанавливать обелиски, чтобы Твое Величество повторила памятник»
Обелиск Тутмоса III (Стамбул)	Родовому богу царской династии	<i>ir.n.f m mnw.f n it.f Imn-R^c nb nswt t3wy s^ch^c.n.f thnw 3w wrw m m3t bnbnt m d^cm</i> (Leps. Denkm., Abth. III. Bl. 60)	Установил он памятник свой для отца его Амона-Ра, господина тронов Обеих Земель. Установил он обелиски из красного гранита и сделал вершины их покрытыми золотом превосходного качества
Обелиск Тутмоса III (Нью-Йорк)	Родовому богу царской династии	<i>ir.n.f m mnw.f n it nb Twnw s^ch^c.n.f thnwy wrwy bnbnt m d^cmw m sp tpi hb-sd</i> (obelisk Нью-Йорка, центральный парк, южная сторона, центральный столбец)	Установил он памятники для отца его, господина Иуну (Атума-Ра. – А. С.). Установил он два обелиска великих, пирамидионы их в золоте, повелел установить он обелиски в первый хеб-сед...

Окончание табл. 5
Ending table 5

Название обелиска, царь	Посвящение	Транслитерация	Перевод
Обелиск Тутмоса III (Лондон)	Родовому богу царской династии	<i>ir.n.f m mnw.f n it.f R^c-hr-3hty s^ch^c.n.f thnwy wrwy bnbnt m d^cm(w) m sp-i 3 hb-sd n 3t n mrr.f it.f Itm</i> (обелиск Лондона, центральный парк, южная сторона, центральный столбец)	Сделал он (Тутмос III) памятник этот для своего отца Ра-Хораhti. Повелел установить он два обелиска, пирамидионы которых из электрума, на свой 3(4)-й хеб-сед, потому что велика любовь его (Тутмоса III) к отцу его Атуму
Латеранский обелиск, Тутмос III, Тутмос IV	Царю-предшественнику	<i>s3 R^c [dhwt-y-h^c-ms-h^cw] s^ch^c.n.f sw m Ipt-swt ir bnbnt.f m d^cmw hd n nfrw.f W3st htw hr rn n it.f nfr-ntr [Mn-hpr-R^c] ir.n.nsw-bit nb t3wy [Mn-hprw-R^c-mry-n-R^c] nw n-mrt rdit wn rn n it mn w3h m pr Imn-R^c ir.n.f s3 R^c [dhwt-y - ms-h^cw-h^c] di 3nh</i> (Рим, Латеранская площадь, южная сторона, правый столбец)	Сын Ра, Тутмос, увенчанный венцами, повелел он установить его (обелиск) в Карнаке, сделав пирамидион его золотым, чтобы озаряла красота его Фивы. Вырезан имеющим на себе имя отца, живого бога, Менхеперра (Тутмоса III. – А. С.). Царь Верхнего и Нижнего Египта, господин Обеих Земель Менхеперура (Тутмос IV. – А. С.), тот, кого любит Ра, сделал это из любви, чтобы было имя отца его (Тутмоса III. – А. С.) установлено и упрочено в доме Амона-Ра. Сын Ра, Тутмос, увенчанный венцами, сделал он это для него (Тутмоса III. – А. С.), чтобы была дана ему жизнь вечная
		<i>wd.n.it.i s^ch^c.n.f sw</i> (Рим, Латеранская площадь, южная сторона, левый столбец)	Приказал отец мой (Тутмос III. – А. С.) установить для него его (обелиск. – А. С.)
	Родовому богу царской династии	<i>s3 R^c [dhwt-y-ms-nfr-hpr] ir.n.f m mnw.f n it.f Imn-R^c nb nswt t3wy s^ch^c.i n.f thn w^ct m wb3 ntr-hwt rhw Ipt-swt m s3^c s^ch^c thn w^ct m W3st</i> (Рим, Латеранский обелиск, южная сторона, центральный столбец)	Сын Ра – Тутмос, прекрасный образом, сделал он в качестве памятника его для отца его Амона-Ра, господина тронов Обеих Земель, повелел он установить обелиск один в открытом дворе храма в Карнаке. Впервые был установлен обелиск один в Фивах
Обелиск Луксора, Рамсес II	Родовому богу царской династии	<i>s3 R^c nb h^cw [R^c-mss-mi-Imn] ity wr hb-sd mi tj^cnn nb t3wy irt mnw 3w m Ipt-swt n it.f Imn Imn</i> (Луксорский музей, северная сторона, левый столбец)	Сын Ра, господин восходов, – любимый Амоном Рамсес. Суверен великий двумя хеб-седами подобно Татенену, господин Обеих Земель, тот, кто сделал памятники великие в Ипет-сут для отца его Амона-Ра
		<i>nsw-bity smnh mnw m Ipt-swt n it.f Imn</i> (Луксорский музей, северная сторона, центральный столбец)	Царь Верхнего и Нижнего Египта, тот, кто установил памятники в Ипет-сут для отца его Амона
		<i>irt mnw m W^cst n ms sw n it.f Imn-R^c</i> (Луксорский музей, северная сторона, правый столбец)	Сделаны памятники в Фивах для рожденного царем и для отца его Амона-Ра
Обелиск Фламинио, Рамсес II	Царю-предшественнику	<i>s3 R^c (R^c-msj-sw-mrj-Imn] ir mnw.f mi sb3w Nwt... I hm.f snfr mnw pn n it.f n mrt rdit mn n rn.f m pr-R^c</i> (обелиск Фламинио, Рим, восточная сторона, центральный столбец)	Сын Ра, Рамсес II, тот, кто сделал его памятники (обелиски. – А. С.) подобно звездам в небе... Вот Его Величество, тот, кто завершил его памятники для своего отца (Сети. – А. С.), так что его имя (отца. – А. С.) может пребывать в доме Ра
Обелиск Рамсеса IV, Каирский музей	Родовому богу царской династии	<i>Ir.n.f m mnw.f n it.f R^c</i> (обелиск Рамсеса IV, Каирский музей)	Сделал он в качестве памятника его для отца его Ра

В египтологии существует мнение, согласно которому Тутмос III всячески старался избавиться от любого упоминания Хатшепсут, уничтожая

картуши с ее именами на памятниках архитектуры и заменяя ее имя на имена Тутмоса I и Тутмоса II, а также на собственное имя. Что же касает-

ся обелисков Хатшепсут, то на них сохранились имена царицы. Обелиски были обнесены стеной пилона, но не уничтожены, и имя Хатшепсут не сбили. Выдвинута даже гипотеза, в соответствии с которой сама царица установила пилон, скрыв свои обелиски [24]. Так или иначе, но Тутмос III не уничтожал царские имена Хатшепсут на обелисках. Кроме того, по обе стороны от центральных надписей на каждой стороне обелиска есть изображе-

ния Хатшепсут и Тутмоса III, которые посвящают себя богу Амону. Причем эти изображения как раз и начинаются в том месте, где обелиски выступали над крышей закрывающего их нижнюю часть пилона, что может означать только то, что Тутмос III не видел в этом ничего предосудительного. Более того, это подтверждает, что личное отношение Тутмоса III к Хатшепсут не носило характера враждебности.

Выводы

Таким образом, обелиски посвящались родовому предку царя (богу либо царю) по мужской линии, в храме которого они и устанавливались. Основными функциями обелисков, согласно текстам надписей на них, были:

- запечатление царского имени (одна из ипостасей царской души);
- освещение пространства солнечным светом, отраженным золотым навершием.

Все эти позиции так или иначе отражены в историографии вопроса, однако ни одна из них не получила более детального рассмотрения (за исключением концепции Э. Иверсена).

В целом обелиски представляют собой синкретичный элемент древнеегипетской религии: это памятники, посвященные родовому предку царской династии (солярному богу либо предыдущему обожествленному царю, сыну солярного бога), которые, изначально являясь элементом погребального культа и культа родового предка, с течением времени расширяют свои религиозные функции и становятся также элементом прижизненного культа царя, создаются для восстановления жизненных сил инициатора установки обелиска и для дарования ему вечной жизни (в определенной ее форме), так же как и его предку. Значит, речь идет об элементе родового культа царской династии.

Очевидно, с периода Древнего царства по период римского правления обелиски меняли свою форму, размеры, способы размещения и приобретали новые функции и символические значения. Во времена правления XVIII и XIX династий было возведено наибольшее количество обелисков. Традиция связывает это явление с экономическим расцветом египетского государства, который имел место при XVIII и при первых царях XIX династии, с наличием в достаточной степени ресурсов для возведения подобного рода памятников. Строились обелиски колоссальных размеров, украшались золотыми навершиями и размещались в храмах (а не в гробницах), посвященных солярным богам, в действующих столицах государства, как бы демонстрируя при этом величие царской власти.

Упадок строительства обелисков начинается при правлении XX династии (1190–1077 гг. до н. э.). До наших дней сохранился обелиск Рамсеса IV (1156–1150 гг. до н. э.), достаточно скромных размеров и непарный. Видимо, приход «народов моря», вторжение ливийцев, а также восстания на юге страны в Нубии подорвали экономическую мощь государства, и цари уже не имели возможности и средств для возведения подобного рода монументов.

Сокращения

Amm. – *Ammianus Marcellinus. Rerum Gestarum*; **Champ. ND** – *Champollion J.-F. Monuments de l’Egypte et de la Nubie*. Paris, 1845; **Descr.** – *Description de l’Egypte*. Köln, 1995–2002; **D. S.** – *Diodorus Siculus. Bibliotheca Historica*. **Hdt. Hist.** – *Herodote. Histoires*; **LÄ** – *Lexikon der Ägyptologie*. IV. Wiesbaden, 1982. S. 542–547; **Leps. Denkm.** – *Lepsius C. R. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien*. Berlin, 1849–1859; **Plin. Nat.** – *Pliny the Elder. Naturalis Historia*; **Urk.** – *Sethe K. Urkunden der 18. Dynastie*. Leipzig, 1906.

Библиографические ссылки

1. Habachi L. *The obelisks of Egypt: skyscrapers of the past*. Cairo: American University in Cairo Press; 1984. 203 p.
2. Gorringer HH. *Egyptian obelisks*. New York: HH. Gorringer; 1882. 316 p.
3. Erman A, Grapow H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Berlin: Unveränderter Nachdruck; 1971. 960 S.
4. Weisse JA. *The obelisk and Freemasonry according to the discoveries of Belzoni and Commander Gorringer: also, Egyptian symbols compared with those discovered in American mounds*. New York: J. W. Bouton; 1880. 244 p.
5. Zoega G. *De origine et usu obeliscorum*. Romae: Typis Lazzarini Typographi Cameralis; 1797. 732 p.

6. Strong's Hebrew Dictionary by James Strong [Internet]. 1999 [cited 2019 March 1]. Available from: <http://www.just-verses.com>.
7. Thesaurus Linguae Graecae [Internet]. 1999–2007 [cited 2019 April 1]. Available from: <http://community.dur.ac.uk/p.j.heslin/Software/Diogenes/index.php>.
8. Thesaurus Linguae Aegyptiae [Internet]. 2014 October 31 [cited 2019 March 20]. Available from: <http://aaew2.bbaw.de/tla/servlet/GetWcnRefs?f=0&l=0&of=0&ll=173240&db=0&lr=0&mo=1&wt=y&bc=Start>.
9. Lewis T, Short Ch, editors. *A Latin Dictionary. Founded on Andrews'*. Oxford: Clarendon Press; 1879. 876 p.
10. Kircher A. *Obeliscus Pamphilius. Interpretatio noua & hucusque intentata obelisci hieroglyphici*. Romae: Typis Ludouici Grignani; 1650. 673 p.
11. Nicholson P, Shaw I, editors. *The Dictionary of Ancient Egypt*. Oxford: The British Museum; 2002. 328 p. Co-published by the American University in Cairo Press.
12. Martin K. *Ein Garantsymbol des Lebens. Untersuchung zu Ursprung und Geschichte der altägyptischen Obelischen bis zum Ende des Neuen Reiches. Hildesheimer Ägyptologische Beiträge 3*. Hildesheim; Gerstenberg Verlag; 1977. XVII, 253 S.
13. Chabas F. *Études sur l'antiquité historique d'après les sources égyptiennes et les monuments réputés préhistoriques*. Paris: Maisonneuve; 1872. 585 p.
14. Champollion-Figeac M. (Jacques-Joseph). *L'obélisque de Louqsor transporté a Paris: notice historique, descriptive, et archéologique sur ce monument*. Paris: Chez Firmin Didot Freres, Libraires; 1833. 106 p.
15. Bible study tools [Internet]. 2018 [cited 2019 April 1]. Available from: <https://www.biblestudytools.com>.
16. Redford DB, editor. *The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*. Oxford: Oxford University Press; 2001. 624 p.
17. Frankfort H. *Kingship and the Gods*. Chicago: The University of Chicago Press; 1948. 444 p.
18. Budge WEA. *Cleopatra's needles and other Egyptian obelisks*. London: Religious Tract Society; 1926. 368 p.
19. Спартак АА. Древнеегипетские обелиски в историографии к. XIX – нач. XX вв. У: Фядосік ВА, рэдактар. *Лістападаўскія сустрэчы – XII. Матэрыялы Міжнароднай навуковай выкладчыцка-студэнцкай канферэнцыі ў гонар акадэміка М. М. Нікольскага і У. М. Перцава: да 140-годдзя з іх нараджэння; 16–17 лістапада 2017 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ; 2017. с. 20–29.
20. Iversen E. *Obelisks in exile. Volume 1. The obelisks of Rome*. Copenhagen: G. E. C. Gad Publisher; 1968. 168 p.
21. Auguste M. *The monuments of Upper Egypt*. Boston: H. Mansfield & J. W. Dearborn; 1877. 250 p.
22. Leprohon RJ. *The Great Name: Ancient Egyptian Royal Titulary*. Atlanta: Society of Biblical Lit; 2013. 280 p.
23. Chabas F. *Traduction complète des inscriptions hiéroglyphiques de l'obélisque de Louqsor, place de la Concorde à Paris*. Paris: Maisonneuve; 1868. 14 p.
24. The Digital Karnak Project. University of California at Los Angeles (UCLA) under the direction of Dr. Diane Favro and Dr. Willeke Wendrich [Internet]. 2008 [cited 2019 March 20]. Available from: <http://wayback.archive-it.org/7877/20170321154637/http://dlib.etc.ucla.edu/projects/Karnak/feature/ObelisksOfWadjetHall>.

References

1. Habachi L. *The obelisks of Egypt: skyscrapers of the past*. Cairo: American University in Cairo Press; 1984. 203 p.
2. Gorringer HH. *Egyptian obelisks*. New York: HH. Gorringer; 1882. 316 p.
3. Erman A, Grapow H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Berlin: Unveränderter Nachdruck, 1971. 960 S.
4. Weisse JA. *The obelisk and Freemasonry according to the discoveries of Belzoni and Commander Gorringer: also, Egyptian symbols compared with those discovered in American mounds*. New York: J. W. Bouton; 1880. 244 p.
5. Zoega G. *De origine et usu obeliscorum*. Romae: Typis Lazzarini Typographi Cameralis; 1797. 732 p.
6. Strong's Hebrew Dictionary by James Strong [Internet]. 1999 [cited 2019 March 1]. Available from: <http://www.just-verses.com>.
7. Thesaurus Linguae Graecae [Internet]. 1999–2007 [cited 2019 April 1]. Available from: <http://community.dur.ac.uk/p.j.heslin/Software/Diogenes/index.php>.
8. Thesaurus Linguae Aegyptiae [Internet]. 2014 October 31 [cited 2019 March 20]. Available from: <http://aaew2.bbaw.de/tla/servlet/GetWcnRefs?f=0&l=0&of=0&ll=173240&db=0&lr=0&mo=1&wt=y&bc=Start>.
9. Lewis T, Short Ch, editors. *A Latin Dictionary. Founded on Andrews'*. Oxford: Clarendon Press; 1879. 876 p.
10. Kircher A. *Obeliscus Pamphilius. Interpretatio noua & hucusque intentata obelisci hieroglyphici*. Romae: Typis Ludouici Grignani; 1650. 673 p.
11. Nicholson P, Shaw I, editors. *The Dictionary of Ancient Egypt*. Oxford: The British Museum; 2002. 328 p. Co-published by the American University in Cairo Press.
12. Martin K. *Ein Garantsymbol des Lebens. Untersuchung zu Ursprung und Geschichte der altägyptischen Obelischen bis zum Ende des Neuen Reiches. Hildesheimer Ägyptologische Beiträge 3*. Hildesheim; Gerstenberg Verlag; 1977. XVII, 253 S.
13. Chabas F. *Études sur l'antiquité historique d'après les sources égyptiennes et les monuments réputés préhistoriques*. Paris: Maisonneuve; 1872. 585 p.
14. Champollion-Figeac M. (Jacques-Joseph). *L'obélisque de Louqsor transporté a Paris: notice historique, descriptive, et archéologique sur ce monument*. Paris: Chez Firmin Didot Freres, Libraires; 1833. 106 p.
15. Bible study tools [Internet]. 2018 [cited 2019 April 1]. Available from: <https://www.biblestudytools.com>.
16. Redford DB, editor. *The Oxford Encyclopedia of Ancient Egypt*. Oxford: Oxford University Press; 2001. 624 p.
17. Frankfort H. *Kingship and the Gods*. Chicago: The University of Chicago Press; 1948. 444 p.
18. Budge WEA. *Cleopatra's needles and other Egyptian obelisks*. London: Religious tract society; 1926. 368 p.
19. Spartak AA. [Ancient Egyptian obelisks in the historiography of the 19th – early 20th century]. In: Fjadosik VA, editor. *Listapadawskija sustrzechy – XII. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj vykladchycka-studjenckaj kanferjencyi w gonar akadjemika*

M. M. Nikol'skaga i U. M. Percava: da 140-goddzja z ih naradzhennja; 16–17 listapada 2017 g.; Minsk, Belarus' [November Meetings – XII. Materials of the International Scientific Teaching and Student Conference in Honor of Academics M. M. Nikolsky and V. M. Pertsev]. Minsk: Publishing House of Belarusian State University; 2017. p. 20–29. Russian.

20. Iversen E. *Obelisks in exile. Volume 1. The obelisks of Rome*. Copenhagen: G. E. C. Gad Publisher; 1968. 168 p.

21. Auguste M. *The monuments of Upper Egypt*. Boston: H. Mansfield & J. W. Dearborn; 1877. 250 p.

22. Leprohon RJ. *The Great Name: Ancient Egyptian Royal Titulary*. Atlanta: Society of Biblical Lit; 2013. 280 p.

23. Chabas F. *Traduction complète des inscriptions hiéroglyphiques de l'obélisque de Louqsor, place de la Concorde à Paris*. Paris: Maisonneuve; 1868. 14 p.

24. The Digital Karnak Project. University of California at Los Angeles (UCLA) under the direction of Dr. Diane Favro and Dr. Willeke Wendrich [Internet]. 2008 [cited 2019 March 20]. Available from: <http://wayback.archive-it.org/7877/20170321154637/http://dlib.etc.ucla.edu/projects/Karnak/feature/ObelisksOfWadjetHall>.

Статья поступила в редколлегию 19.11.2018.
Received by editorial board 19.11.2018.

ЕЖЕМЕСЯЧНИК «PRACA KOBIEŃ» О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ, СВЯЗАННЫХ С МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ ЖЕНЩИН (МАРТ – ДЕКАБРЬ 1946 г.)

А. МЁДОВСКИ¹⁾

¹⁾Институт истории и политических наук Белостокского университета,
пл. Независимого студенческого объединения, 1, 15-420, г. Белосток, Польша

Исследование истории женщин, представленное в публикации, восполняет пробел, существующий в польской историографии. Оно расширяет знания не только о деятельности женских организаций, связанных с Международной демократической федерацией женщин (включая польскую Общественно-гражданскую лигу женщин), но и о роли женщин в политических, социальных и культурных изменениях, происходящих в Польше (и в мире) в первые годы после окончания Второй мировой войны. Важнейшая цель исследования – показать исторические условия деятельности Общественно-гражданской лиги женщин, а также аналогичных организаций в других странах Европы, Африки и Северной Америки. Основным источником, используемым в процессе исследования, является ежемесячник «Praca Kobiet» («Работа женщин»), дополнительным – периодическое издание «Nasza Praca» («Наша работа»). Применяется методология, типичная для исторических исследований на основе прессы: аналитико-эмпирический, дедуктивно-номологический, дедуктивно-гипотетический методы и классический метод контент-анализа. В результате проведенного исследования установлено, что информационные статьи о деятельности организаций, связанных с Международной демократической федерацией женщин, публикуемые на страницах ежемесячника «Praca Kobiet», на самом деле имели цель агитации и пропаганды. Польская феминистская пресса манипулировала фактами и таким образом влияла на формирование прокоммунистических и антизападных взглядов у женщин. Тема работы не исчерпана: дальнейшие исследования потребуют более широкого использования источников прессы не только из Польши, но и из других стран.

Ключевые слова: Общественно-гражданская лига женщин; женская организационная пресса; ежемесячник «Praca Kobiet» («Работа женщин»); женское движение в Польше; Международная демократическая федерация женщин.

Благодарность. Публикация является результатом осуществления проекта Национального центра науки под названием «Лига женщин на местах. Деятельность организации и условия ее функционирования на региональном и местном уровнях в действительности Польской Народной Республики (1945–1989)» («Liga Kobiet w terenie. Działalność organizacji i realia jej funkcjonowania na szczeblu regionalnym i lokalnym w rzeczywistości Polski Ludowej (1945–1989)», № 2017/25/B/HS3/02015).

Образец цитирования:

Мёдовски А. Ежемесячник «Praca Kobiet» о деятельности организаций, связанных с Международной демократической федерацией женщин (март – декабрь 1946 г.). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;2:71–83.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-71-83>.

For citation:

Miodowski A. The monthly magazine «Praca Kobiet» about the activities of organizations related to the Women's International Democratic Federation (March – December 1946). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;2:71–83. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-71-83>.

Автор:

Адам Мёдовски – доктор исторических наук, профессор.

Author:

Adam Miodowski, doctor of science (history), full professor.
adam.miodowski@uwb.edu.pl
<https://orcid.org.0000-0002-2623-955X>

ШТОМЕСЯЧНИК «PRACA KOBIEŃ» ПРА ДЗЕЙНАСЦЬ АРГАНІЗАЦЫЙ, ЗВ'ЯЗАНЫХ З МІЖНАРОДНАЙ ДЭМАКРАТЫЧНАЙ ФЕДЭРАЦЫЯЙ ЖАНЧЫН (САКАВІК – СНЕЖАНЬ 1946 г.)

А. МЁДАЎСКІ^{1*}

^{1*} Інстытут гісторыі і палітычных навук Беластоцкага ўніверсітэта,
пл. Незалежнага студэнцкага аб'яднання, 1, 15-420, г. Беласток, Польшча

Даследаванне гісторыі жанчын, прадстаўленае ў публікацыі, запаўняе прабел, які існуе ў польскай гістарыяграфіі. Яно пашырае веды не толькі пра дзейнасць жаночых арганізацый, звязаных з Міжнароднай дэмакратычнай федэрацыяй жанчын (у тым ліку Супольна-грамадзянскай лігай жанчын), але і пра ролю жанчын у палітычных, сацыяльных і культурных змяненнях, якія адбываліся ў Польшчы (і ў свеце) у першыя гады пасля заканчэння Другой сусветнай вайны. Галоўная мэта даследавання – паказаць гістарычныя ўмовы дзейнасці Супольна-грамадзянскай лігі жанчын, а таксама аналагічных арганізацый у іншых краінах Еўропы, Афрыкі і Паўночнай Амерыкі. Асноўнай крыніцай, якая выкарыстоўваецца ў даследаванні, з'яўляецца штомесячнік «Praca Kobiety» («Праца жанчын»), дадатковай – перыядычнае выданне «Nasza Praca» («Наша праца»). Ужываецца метадалогія, тыповая для гістарычных даследаванняў на аснове прэсы: аналітыка-эмпірычны, дэдуктыўна-намалагічны, дэдуктыўна-гіпатэтычны метады і класічны метады кантэнт-аналізу. У выніку праведзенага даследавання вызначана, што інфармацыйныя артыкулы пра дзейнасць арганізацый, звязаных з Міжнароднай дэмакратычнай федэрацыяй жанчын, якія публікаваліся на старонках штомесячніка «Praca Kobiety», мелі мэту агітацыі і прапаганды. Польская фемінісцкая прэса маніпулявала фактамі і такім чынам уплывала на фарміраванне пракамуністычных і антызаходніх поглядаў у жанчын. Тэма даследавання не вычарпана: далейшая яе распрацоўка патрабуе больш шырокага выкарыстання крыніц прэсы не толькі з Польшчы, але і з іншых краін.

Ключавыя словы: Супольна-грамадзянская ліга жанчын; жаночая арганізацыйная прэса; штомесячнік «Praca Kobiety» («Праца жанчын»); жаночы рух у Польшчы; Міжнародная дэмакратычная федэрацыя жанчын.

Падзяка. Публікацыя з'яўляецца вынікам ажыццяўлення праекта Нацыянальнага цэнтра навукі пад назвай «Ліга жанчын на месцах. Дзейнасць арганізацыі і ўмовы яе функцыянавання на рэгіянальным і мясцовым узроўнях у рэчаіснасці Польскай Народнай Рэспублікі (1945–1989)» («Liga Kobiety w terenie. Działalność organizacji i realia jej funkcjonowania na szczeblu regionalnym i lokalnym w rzeczywistości Polski Ludowej (1945–1989)», № 2017/25/B/HS3/02015).

THE MONTHLY MAGAZINE «PRACA KOBIEŃ» ABOUT THE ACTIVITIES OF ORGANIZATIONS RELATED TO THE WOMEN'S INTERNATIONAL DEMOCRATIC FEDERATION (MARCH – DECEMBER 1946)

A. MIODOWSKI^a

^a Institute of History and Political Science, University of Białystok,
1 Niezależnego Zrzeszenia Studentów, Białystok 15-420, Poland

The research on women's history presented in this publication supplements the gap existing in Polish historiography. The gap includes not only knowledge about the activities of women's organizations associated in the Women's International Democratic Federation (including the Polish Social-Civic League of Women). The same applies to the assessment of the role of women in political, social and cultural changes taking place in Poland (and in the world) in the first years after the end of World War II. The main purpose of this publication is to show the historical conditions of the activities of the Social-Civic League of Women, as well as similar organizations in other European, African and North American countries. The basic source used in the research process is the monthly «Praca Kobiety» (and additionally the periodical «Nasza Praca»). The work uses a methodology typical for studies based on press sources. Their list includes the following methods: analytical-empirical, deductive-nomological, deductive-hypothetical and classical method of content analysis. The effect of the undertaken research is to establish that the information articles on the activities of organizations associated in the Women's International Democratic Federation published on the pages of the «Praca Kobiety» monthly were in fact agitation and propaganda. The Polish feminist press manipulated facts and thus influenced the formation of pro-communist and anti-Western views of women. The topic is not exhausted and needs to be continued. Further research will require a wider use of press sources not only from Poland, but also from other countries.

Keywords: Social-Civic Women's League; women's organizational press; monthly magazine «Praca Kobiety» («Women's Work»); women's movement in Poland; Women's International Democratic Federation.

Acknowledgements. The publication is the result of the implementation of the National Science Center's project entitled «League of Women in terrain. The activities of the organization and the realities of its operation at the regional and local level in the reality of the People's Republic of Poland (1945–1989)» (No. 2017/25/B/HS3/02015).

Введение

Вопросу о том, как деятельность организаций, объединенных в Международную демократическую федерацию женщин, освещалась в публикациях ежемесячника «Praca Kobiet» («Работа женщин»), до сих пор не уделялось достаточно внимания. Причину такой ситуации следует искать в пренебрежительном отношении многих исследователей к прессе (особенно к женской периодической прессе, которая издавалась феминистскими организациями) как к историческому источнику. Возможность обратиться к выходившему в 1946 г. ежемесячнику Варшавского областного управления Общественно-гражданской лиги женщин (Społeczno-Obywatelska Liga Kobiet) (далее – Лига женщин) позволила прояснить, как редакция журнала «Praca Kobiet» представляла на своих страницах широкую картину левого женского движения в Европе и на других континентах. Стоит ознакомиться с этой пропагандистской линией, чтобы понять, в каких условиях действовали феминистки после Второй мировой войны.

Отсутствие научных работ, посвященных исследуемой тематике, принуждает опираться исключительно на материалы-источники. Кроме отдельных номеров ежемесячника «Praca Kobiet», в статье рассматриваются материалы из Государственного архива во Вроцлаве. Единственной монографией, на которую можно сослаться в рамках данного исследования, является работа Зофьи Сокул «Женские периодические издания в Польше в 1945–1995 гг.» [1].

В данной статье применяется **методология**, типичная для исторических исследований на основе периодических изданий: используются аналитико-эмпирический, дедуктивно-номологический, дедуктивно-гипотетический методы и классический метод контент-анализа.

Главное управление основанной в июле 1945 г. Лиги женщин лишь спустя полтора года подготовки начало выпускать собственное периодическое издание организационного характера – журнал

«Nasza Praca» («Наша работа»), выходивший в свет с февраля 1947 до конца 1989 г.¹ До этого момента руководство Лиги женщин использовало для общения со своими членами собственные культурно-общественные журналы, а также приложения к партийной прессе и их эквиваленты от издательско-просветительской артели «Czytelnik» [1, s. 70–82]. Даже несмотря на сложную обстановку в послевоенной Польше, это было своего рода сенсацией: центральное управление организации, включавшей в свой состав общепольские структуры, так долго не имело своего официального периодического издания. Подобная ситуация сложилась и на региональном уровне, где на протяжении многих месяцев ни одно из воеводских управлений Лиги женщин не издавало журналов организационного характера.

Переломный момент в этой ситуации наступил в марте 1946 г., когда Варшавское воеводское управление Лиги женщин выпустило первый номер бюллетеня «Praca Kobiet»². На его страницах преобладали отчеты, рабочие планы и другая информация, которая отображала деятельность территориальных кружков Лиги женщин в Варшавском воеводстве, а также в столице. Однако не оставалась без внимания и более широкая проблематика, касающаяся деятельности объединения на общепольском уровне, а также вопросы сотрудничества с организациями подобного рода в других европейских странах. Руководство редакции было передано Хелене Бархановской. С марта по декабрь 1946 г. коллектив, которым она руководила, подготовил 10 номеров журнала [1, s. 92]. Для женщин – редакторов журнала «Praca Kobiet», – как и для ставящих им задачи лидеров Лиги женщин, участие в этом издательском проекте стало своеобразным экспериментальным полигоном, подготавливающим и одних, и других к запуску общепольского периодического издания организационного характера, создание которого одобрило Главное управление Лиги женщин.

Результаты и их обсуждение

В редакционной заметке, помещенной на первой странице первого номера издания «Praca Kobiet», читательницам сообщалось: «Этот бюллетень должен служить вашей работе, стать спорьем и помощью в ваших начинаниях. Бюллетень сможет выполнить свою задачу, если будет в постоянном контакте со всеми отделениями и членами Лиги женщин. Мы придерживаемся

позиции, что каждое представительство важно – и в маленькой местности, и в большом городе. <...> В бюллетене будут содержаться переписка и отчеты, представляющие отделения. Ценные отчеты с одного района должны служить в качестве указателя для других районов. Также в бюллетень будут входить установки для отдельных рабочих отделов. <...> Мы издаем его в таком виде, потому что

¹«Nasza Praca» с 1949 г. стала органом Главного управления Лиги женщин, а окончательно с 1981 г. – Лиги польских женщин. Первый номер этого издания был подготовлен к печати на рубеже 1946–1947 гг., когда избирательная кампания в Законодательный сейм достигла своего апогея. Журнал не успел выйти до 19 января (появился в печати в феврале), и поэтому его страницы не были напрямую использованы для предвыборной политической борьбы.

²С пятого номера «Praca Kobiet» стала выходить в свет как ежемесячник.

таким образом хотим ускорить обмен мыслями между членами Лиги женщин»³ [2, s. 1].

На основе анализа содержания журнала можно утверждать, что уже с первого номера редакцию характеризовало стремление представить читательницам образцы общественно-политической активности не только их коллег из соседних гмин или воеводств, но и женщин, имеющих гражданство других стран (в том числе польских эмигранток). Отличной иллюстрацией этого является информация о гуманитарных инициативах активисток Союза польских женщин имени Марии Конопницкой во Франции (*Związek Kobiet Polskich imeni Marii Konopnickiej we Francji*) (далее – Союз польских женщин). Эта организация, действующая с апреля 1944 г., объединяла польских коммунисток-эмигранток. Уже во второй половине 1945 г. она установила тесное сотрудничество с Лигой женщин⁴.

Подробное информирование о начинаниях Союза польских женщин во Франции было попыткой показать не только широкие зарубежные связи Лиги женщин, но и расположенность народной власти в отношении контактов среди национальных женских объединений с аналогичными организациями, действовавшими на Западе. Польза для имиджа была ощутимой. К тому же она укреплялась благодаря положительной картине, из которой читательницы журнала «Praca Kobiet» могли узнать, что соотечественницы из Союза польских женщин «специальной опекой окружили детей, стариков, женщин и больных. Открывали школы для детей, организовывали театральные кружки, библиотеки, клубы, доставляли польские печатные издания, а также информировали депортированных⁵ о фактической ситуации в новой Польской Республике. Надежда появилась у сокрушенных несчастных душ соотечественников, которые вводились в заблуждение вражескими элементами демократии о фактической новой польской действительности. В настоящее время польские женщины во Франции готовятся к возвращению на родину. В большой степени благодаря опеке наших стойких соотечественниц депортированные подготовлены к тому, чтобы после возвращения на отчизну вме-

сте со всей общественностью стать в строй для восстановления нашей разрушенной страны» [6, s. 7].

Смысл этой информации был однозначным: послание должно было стать толчком для того, чтобы вступить в ряды объединения, которое боролось за права женщин, несло им помощь как в их стране, так и за ее пределами. Между строк автор отчета как бы говорил: «Посмотрите, с каким размахом мы действуем! Вне зависимости от того, где вы находитесь – в стране или за рубежом, – вы можете быть активнее в общественной жизни и реализовывать собственные стремления в организационных структурах Лиги женщин или же в родственных организациях, таких как Союз польских женщин». Для подчеркивания организационного тождества этих объединений под инициалами автора редакция разместила приписку: «Из Союза польских женщин имени Марии Конопницкой в настоящее – членам Лиги [женщин]» [6, s. 7].

Доказательством если не симбиоза, то наверняка очень близкого сотрудничества обеих организаций были общие гуманитарные инициативы. Так, 3 августа 1946 г. из Франции приехала делегация полек, которая привезла подарки для польских детей, в том числе лекарства, операционный стол, комплект хирургических инструментов, кварцевые лампы, много стерилизационного материала, летнюю одежду и вещи для новорожденных. Инициатором акции помощи был Союз польских женщин. Примечательно, что к акции сбора этих подарков, кроме Союза польских женщин, присоединились две католические организации, членами которых были польки во Франции: Матери Живого Розария и Объединение полек имени Королевы Ядвиги [7, s. 6]. Власти Польской Республики за полгода до выборов были заинтересованы в таких жестах и их рекламе. Это создавало видимость национального единства и действий многих полек и поляков в пользу общего блага как в стране, так и за ее пределами. Лига женщин и Союз польских женщин, осознавая такую мистификацию, приняли активное участие в сотрудничестве с «чуждыми идеологически» католическими женскими организациями⁶.

³Здесь и далее перевод наш. – А. М.

⁴Формально независимый Союз польских женщин фактически функционировал в качестве заграничного филиала Лиги женщин. После создания в январе 1946 г. французского отделения Польской рабочей партии объединение попадало под все большее влияние его женского отдела (подробнее см. [3, s. 301–319; 4, s. 251–279]). Аналогичная ситуация происходила на бельгийской сцене (см. [5, s. 322–333]).

⁵Число депортированных во Францию польских работников и работниц, отправленных на принудительные работы в Германию после окончания войны, оценивалось в 800 тыс.

⁶В декабрьском номере журнала «Praca Kobiet», т. е. сразу перед выборами, редакция с позволения цензуры поместила на второй странице официальные пожелания для своих читательниц под названием «В ночь на Рождество»: «Праздник Божьего Рождества относится к наиболее прекрасным христианским традициям. <...> В сочельник, когда зазвучит колядка “Среди ночной тишины”, воспоминания стремятся в прошлое. <...> В сосредоточенном состоянии плывут радостные мелодии богатого репертуара польской колядки. <...> Важна любовь – всечеловеческая и всеобъемлющая – такова сила ТРАДИЦИИ. <...> Ко всем читательницам... журнала редакция направляет горячие пожелания наилучших праздников» [8, s. 2]. Такие слова на страницах ежемесячника, который издавался коммунистически настроенными женщинами-редакторами, можно объяснить лишь давлением (не только разрешением) народной власти, которая любой ценой пыталась на пороге выборов «смягчить» в пропагандистском плане собственный образ в глазах женщин, идущих к урнам

Совершенно иные намерения (преимущественно речь шла о преодолении взаимного недоверия) скрывались за публикацией, посвященной полякам, которые на протяжении военных лет и первых месяцев после окончания войны были вынуждены пребывать на территории Советского Союза. Большинство из них попали в Сибирь и Казахстан в рамках четырех великих депортаций польского населения в 1940–1941 гг.⁷ Лина Климашевска⁸ в своей статье по понятным причинам была вынуждена умолчать об этом факте, поэтому использовала искусный эвфемизм, написав о «польских женщинах, которые были вырваны военным ураганом из Отчизны и домашних очагов» [12, s. 3]. Суть этой публикации сводилась, однако, к указанию на то, «какой парадоксально превосходной школой жизни для поляк оказалось пребывание в Стране Советов», какие позиции сформировались у них «благодаря возможности сотрудничества с активистками Комитета советских женщин»⁹ и, наконец, какие положительные образцы они смогут внести в польскую общественную жизнь после своего возвращения.

По мнению Лины Климашевски, автора статьи, «поляки, возвращаясь в страну, привозят с собой здоровый вклад в ее восстановление, потому что, будучи на чужбине, они уже размышляли о восстановлении страны. Свидетельством этого является миллионный дар поляк из СССР на реконструкцию Варшавы, который был собран из взносов тяжело заработанных денег и художественных мероприятий. Я знаю такие случаи, когда девушка-полька пожертвовала двести рублей на восстановление Варшавы, тогда как эти деньги дословно по рублю насобирали на покупку обуви, но все-таки поняла, что вопрос восстановления столицы намного важнее для Польши, нежели то, что у нее нет обуви. Я знаю случаи в Казахстане, в поселке Вишневка, где все поляки вышли на работу в праздничный день для того, чтобы заработок с целого дня пожертвовать на восстановление Варшавы. Своим самоотвер-

женным примером они вовлекли всю общественность в районе в эту акцию, и в результате был собран дар для столицы в размере нескольких тысяч рублей, дар совместного усилия поляк и советских женщин. Это свидетельствует о самопожертвовании и понимании того, в чем нуждается страна, со стороны поляк и о дружелюбном отношении советских граждан к Польше. И это не единственные случаи, я могла бы так перечислять без конца» [12, s. 4].

Согласно содержанию этой статьи поляки благодаря шестилетнему пребыванию в Сибири и Казахстане могли научиться общественной работе, избавиться от предубеждений и добиться дружбы со стороны советских женщин. На практике же преодоление взаимного недоверия путем продвижения позитивных советских образцов и примеров было заданием очень сложным и трудновыполнимым из-за опыта взаимоотношений, связанных с антикоммунистическим восстанием¹⁰. Слишком много было недосказанного. Редакторы отлично об этом знали, но из-за цензуры должны были молчать.

В результате из приведенного текста невозможно узнать ничего о страданиях и смерти многих тысяч поляк, белорусок, украинок и женщин других национальностей в стране, в которой правил Иосиф Сталин. Ничего не сказано и об общем чувстве страха не только за собственную жизнь, но и за выживших на войне отцов, мужей и сыновей. Об этих мрачных основах сформировавшегося в годы войны общества женщин не сообщалось на страницах периодического издания Лиги женщин. Необходимо помнить, что это происходило в 1946 г., когда между Бугом и Одрой уже были созданы основы тоталитарного государства. Следовательно, зная актуальную ситуацию, сложившуюся в Польской Республике, но не имея возможности обойти вниманием весь этот неприятный опыт, Лина Климашевска по необходимости использовала эвфемизмы либо умалчивала о многих фактах. Так она

для голосования. В конце 1946 г. оказалось, что власти в Варшаве были заинтересованы в голосах менее прогрессивных женщин, даже таких, которые представляли традиционные взгляды. Это все можно обобщить библейской фразой «Отдайте кесарю кесарево, а Богу – Божье». Такое название носила заметка из этого же номера журнала, которая в полной мере раскрывает конформизм лидеров Лиги женщин. В материале отмечалось: «В Ожарове 10.11.46 г. прошло освящение часовни, построенной благодаря пожертвованиям местного населения, в том числе Лиги женщин в Ожарове, которая пожертвовала на эту цель 4000 злотых и приняла участие в торжествах освящения со знаменами. <...> Лига женщин с глубоким чувством того, что церковь помогает нам в нашей работе...» [9, s. 28].

⁷На эту тему пишут С. Цесельски, В. Матерски, А. Пачковски [10].

⁸В 1949 г., после реорганизации структур ассоциации, Лина Климашевская вошла в президиум Главного совета Лиги женщин. Она представляла в нем Центральный комитет профсоюзов (см. [11, s. 305]).

⁹Речь идет об организации, созданной в сентябре 1941 г. под названием «Антифашистский комитет советских женщин», а с 1956 г. действующей как Комитет советских женщин. В 1990 г. организация была переформирована в Союз женщин Российской Советской Федеративной Социалистической Республики), а в настоящее время действует как Союз женщин России.

¹⁰Речь идет о вооруженных выступлениях на польских землях в 1944–1953 гг. против Красной армии, формирований НКВД и сил, подчиняющихся народной власти. Эту борьбу характеризовали все признаки антикоммунистического восстания, несмотря на то что они не имели централизованного характера. В момент официального окончания войны в Европе, в мае 1945 г., в антикоммунистическом восстании активно участвовали примерно 80 тыс. человек. На протяжении следующих лет через разные организации прошли от 120 до 150 тыс. человек, из которых смерть в бою постигла 8668 человек (при потерях коммунистической стороны, равных примерно 15 тыс. человек) (подробнее см. [13]).

поступила, когда писала, например, о стоящей перед репатриантками задачей освоения Возвращенных земель, но не упоминала условия Ялтинской конференции союзных держав, не позволявшие им вернуться в старые родные дома: «Польки в СССР понимают... что в стране им придется засучить рукава и взяться за каждую работу, лишь бы скорей залечить раны после войны и заняться освоением Возвращенных земель. Они готовы к тому, чтобы осесть на западных землях...» [12, s. 4]. Своеобразным табу для автора была линия Керзона, которая стала основанием для обозначения восточной границы Польской Республики.

Проверенным способом оценить страдания репатрианток, возвращающихся из Сибири и Казахстана, для авторов издания было обращение к примерам негативного опыта женщин из других стран, причем предпочтение отдавалось совсем недавним, актуальным примерам. О такой гуманитарной драме «Praca Kobiet» писала в седьмом номере, описывая ситуацию болгарских женщин: «Из борьбы болгарского народа с собственным фашизмом и гитлеровским захватчиком вышла победителем народная демократия. Несмотря на относительно небольшие разрушения во время войны, Болгария, которая является сельскохозяйственной страной, борется еще со многими экономическими проблемами, особенно в области снабжения: отсутствием жиров, мяса, рыбы, молока, сахара (последнего уже три месяца нельзя было получить на карточки – он полностью отсутствует). Лишь дневная порция хлеба была в последнее время повышена с 350 до 500 г» [14, s. 4–5]. О влиянии коллективизации сельского хозяйства [15] на эту гуманитарную катастрофу читательницы издания «Praca Kobiet» не узнали ничего¹¹.

Зато авторы писали об оригинальных формах привлечения болгарских женщин местными властями к борьбе с голодом. По инициативе объединяющего 300 тыс. членов Народного союза женщин в городах были созданы комитеты по уборке урожая. Женщины из этого союза были направлены в деревни, но вовсе не на работу по уборке урожая. Некоторые профсоюзные активистки «взяли с собой швейные машинки. В то время как [женщины

без машинок] присматривали за деревенскими детьми, чтобы их матери могли работать в поле, остальные шили для деревенских женщин и их семей одежду и белье» [14, s. 4]. Какое влияние имели эти формы помощи на рост урожая и борьбу с голодом, неизвестно, потому что автор статьи об этом не упомянул. Вместо этого была представлена информация о другой оригинальной инициативе болгарского Народного союза женщин, который, по мнению автора, достоин подражания со стороны членов Лиги женщин. Речь шла о так называемой борьбе с чумой бюрократии, которую профсоюзные активистки вели в Софии и нескольких других больших городах: «Члены вмешиваются в каждый обнаруженный случай бездушной бюрократии с помощью профсоюзов, действующих в этих учреждениях. И в Польше в этой области имеется поле для действия» [14, s. 5].

На страницах журнала «Praca Kobiet» публиковались сообщения о положении женщин не только в странах «народной демократии», но и в западных государствах. Например, естественным дополнением болгарского мотива была информация о порционном распределении продуктов питания во Франции, где общество, по утверждению автора, боролось с дороговизной и спекуляцией. И хотя напрямую этого никто не написал, соотношение обеих статей подводит к выводу о том, что в Болгарии плохо, но во Франции вовсе не лучше. В таком случае читательницы должны были понять, что разные суждения о западном благосостоянии вовсе не правдивы: «Жизнь во Франции тяжелая. Цены на черном рынке очень высокие. Например, сахар стоит 350 франков. <...> Для работника месячный паек сахара по распределению составляет лишь полкилограмма. Причиной дороговизны в стране являются тресты предпринимателей... которые извлекают огромную прибыль из нищеты работника. <...> Рабочие во Франции вообще не имеют такой опеки, как в Польше. У них нет организованного отдыха, нет льготных железнодорожных поездок на время отпуска»¹² [17, s. 25]. В другой статье подчеркивалось: «Ситуация настолько тяжелая, что работник иногда не может заработать на то, чтобы выкупить паек, цена которого значительно выше,

¹¹В десятом номере ежемесячника появилась информация на тему прогресса коллективизации в Болгарии, но в статье этот процесс не связывался с углубляющимися снабженческими трудностями. В упомянутой публикации читательницам сообщалось, что уже «в 1944 г. кооперация охватила все сферы экономической жизни в Болгарии. <...> 45 тыс. сельских хозяйств объединились в рабочие кооперативы» [16, s. 22].

¹²На практике многие из этих привилегий были достижимы в Польше лишь для избранных. Активистки Лиги женщин не раз предлагали работницам «отдых под грушей», а себе находили что-то получше. В 1948 г. «благодаря усилиям административно-экономического отдела при Главном управлении Лиги женщин в Варшаве были открыты на территории Возвращенных земель два дома отдыха: один – в Скарбинове на море, в Западно-Поморском воеводстве, а второй – в Глушице, в Нижней Силезии. Домами могут пользоваться сотрудницы Общественно-гражданской лиги женщин и их семьи. Работнице полагается двухнедельное пребывание на отдыхе с пониженной платой... а также бесплатный проезд в обе стороны...» [17, s. 25]. Эта многоговорящая избранность предложения по отдыху для действующих членов Лиги женщин на фоне предложений для масс должна была парадоксально побуждать женщин не только к вступлению в ряды организации, но и прежде всего к активной в ней деятельности. Однако на самом деле эффект был противоположным, потому что такое «выделение актива» способствовало немалым потерям образа Лиги женщин. Немногие видели ежедневную общественную активность ее лидеров, их так называемую третью ставку, но все заметили в таком подходе неравное отношение. В действительности в дома отдыха обычные работницы могли попасть лишь в качестве obsługi, а не отдыхающих.

чем в Польше. Ничего удивительного в том, что смертность среди детей дошла до 75 %. Положение женщин значительно тяжелее, чем в Польше. Здесь не применяется правило “равная плата за равную работу”, которую выполнило наше Правительство народного единства» [18, s. 9–10].

Особо поразительный смысл имели данные относительно уровня смертности детей во Франции в 1945–1946 гг. Коммунистическая пропагандистская машина в Польской Республике с наслаждением их использовала, кормя ими общество не только на страницах журнала «Prasa Kobiet». Чтобы получить более сильный эффект, эту информацию сопоставляли со статистикой, касающейся смертности среди польских детей, которая в этот же период колебалась на уровне 25 % и характеризовалась тенденцией к уменьшению [18, s. 10]. К тому же для контраста с «падшим Западом» пропаганда пыталась указать не только «собственные преимущества», но и подчеркнуть «образцовые достижения Страны Советов». Рассказом о смерти большинства новорожденных французских детей и страданиях живущих противопоставлялась информация о «развитой системе здравоохранения» восточного соседа, которая действовала не только в городах, но и в деревнях: «Конституция Советского Союза гарантирует всему населению врачебную помощь за счет государства. <...> Население из сельской местности обслуживает врач – заведующий сельской поликлиникой. Как правило, упомянутые поликлиники – это амбулатории-поликлиники, кроме того, почти половина из них располагают также стационаром на 15–25 и больше больничных коек. В большинстве случаев при сельских больницах имеются также аптеки. Больных, которые нуждаются в помощи врачей-специалистов, местные врачи направляют в районные центры в больницы со специальными отделениями, в поликлиники, в которых принимают врачи-специалисты, на врачебные консилиумы. Таким образом, сельское население имеет доступ к любой медицинской помощи, а также гарантированную консультацию в районном либо областном центре. <...> Медицинский персонал поликлиники предоставляет систематическую детскую консультацию, регулярно проводит медицинские обследования молодежи, заботится о воспитанниках детских домов, яслей и садов. <...> Большую роль в борьбе с детской смертностью играют детские ясли, которые позволяют матерям принимать участие в экономической и общественной жизни страны» [19, s. 10–11].

Приведенное описание создает просто идиллическую картину функционирования медицинской

опеки в Советском Союзе. Согласно пропагандистскому образу ее уровень даже в деревнях в 1946 г. был намного выше, чем во Франции. Заставляет задуматься лишь отсутствие информации об уровне смертности среди советских детей. Можно предположить, что если бы было чем хвалиться, то наверняка автор бы об этом написал. А возможно, появлялись поводы для стыда. Такая информация, не сочетающаяся с пропагандистской подачей, могла бы естественным образом разрушить всю идиллическую картину.

Для многих читательниц намного более достоверными казались сведения, характеризующие ситуацию на западе, а не на востоке Старого Света. Автор ежемесячника писал, например, об избирательных правах бельгиек. Из представленной информации можно было узнать, что женщины в Бельгии уже 25 лет пользуются активным и пассивным избирательным правом выбора в самоуправленческие органы. Интересным фактом было то, что избирательный закон в парламент гарантировал им пассивное избирательное право (в 1946 г. мандаты имели 3 женщины-посла и 5 женщин-сенаторов), но все еще не давал активных избирательных прав. Однако парламент работал над соответствующими изменениями [20, s. 4].

Интересная информация была опубликована на тему проходящих 20–24 августа 1946 г. заседаний III Конгресса женщин в Цюрихе, на котором швейцарки подвели итог своей организационной активности в годы войны и сформулировали программу действий на первые послевоенные годы [21, s. 4]. Одним из главных требований они считали признание их полных избирательных прав. Первый из этой серии референдум прошел в кантоне Базель-Штадт. Его результат был негативным. Редакция журнала «Prasa Kobiet» прокомментировала этот факт следующим образом: «Народы, окружающие Швейцарию, такой закон приняли уже давно, неужели Швейцария хочет остаться таким “естественным заповедником среди европейских народов”, как ее назвал цюрихский противник голосования женщин Курт Эрлих? У многих швейцарцев все еще живет, к сожалению, глубокое убеждение в том, что у женщин недостаточно ума и ими должны управлять “умные” мира сего. Это убеждение, к сожалению, присутствует и у некоторых женщин, которые позднее прививают его молодежи¹⁵. Несмотря на отрицательный результат голосования... швейцарцы, думающие по-европейски и по-человечески, убеждены: временная победа старосветских воззрений – это неизбежное предзнаменование их полного поражения. Об этом красноречиво гово-

¹⁵В этом контексте на страницах ежемесячника были представлены интересные результаты анкетирования, которое прошло среди читательниц одного из швейцарских женских журналов. На 2919 отправленных опрошенных прислали 1239 анкет, т. е. лишь 44 %. Ключевой вопрос звучал так: «Ты за постепенное введение права голоса для женщин, начиная от права голоса в общинах?» Утвердительных ответов было 407, отрицательных – 665, воздержались 167 участниц опроса. Этот результат был прокомментирован авторами анкеты следующим образом: среди швейцарок «большинство высказалось против прав женщин, как если бы они хотели сказать: “Я не хочу переживать за будущее моего ребенка, пусть его отец за это переживает”» [22, s. 7].

рит свод цифр актуальных и предыдущих выборов» [22, s. 6–7]. На протяжении четверти века в кантоне Базель-Штадт прошло три референдума. В 1920 г. за признание избирательного права женщин высказалось 35 % проголосовавших мужчин, в 1927 г. – лишь 29, а в 1946 г. – уже 38 %. Результат в последнем референдуме был настолько существенным, потому что на нем была зафиксирована наибольшая из всех трех явка [22, s. 6–7].

Достаточно подробно на страницах журнала были описаны происходившие в конце июня 1946 г. протесты англичанок, которые требовали от палаты общин Великобритании изменений в законодательстве, чтобы уравнивать заработную плату работающих женщин с зарплатой мужчин. Однако внесение этих изменений блокировали предприниматели, лоббирующие свои интересы у парламентариев. Они так поступали, несмотря на массовые увольнения женщин, которые получали маленькие зарплаты на заводах и фабриках. Из этой статьи можно также узнать, что против протестующих под парламентом женщин правительство направило конную полицию [23, s. 8–9].

Целью такого рода информации было формирование у читательниц убеждения в том, что вне зависимости от того, где женщины живут, им везде приходится бороться если не с голодом (как в Болгарии), то с эксплуатацией, связанной с заработком (как в Великобритании)¹⁴. Разница между ними основывалась на том, что в Восточной Европе власти были якобы открыты для диалога и осуществления постулатов женщин, а на западе континента они казались глухими к требованиям женщин и приказывали бить их полицейскими дубинками.

Характерно, что журнал «Praca Kobiet», информируя о диспропорциях в заработной плате мужчин и женщин в Великобритании, не поднял этот вопрос в отношении польской действительности. В Польше данная проблема была еще более острой. В этом случае речь шла не о деньгах, а о культурно-ментальных проблемах. Член правления в повете Лиги женщин в Клодзко по фамилии Гაცова, высказываясь на эту тему, привела собственный пример и упомянула случай, о котором узнала от своих подруг из клодзских структур объедине-

ния. Она отмечала, что «там, где есть хорошо оплачиваемая работа, власти повета не хотят видеть женщин»¹⁵. Например, пока в секретариате была низкая зарплата, то мне предлагали там ставку, но когда оказалось, что зарплата будет больше, на работу приняли мужчину» [24, s. 12]. Даже у таких специфических работодателей, какими были президиумы народных советов повета¹⁶, отмечались нарушения в трудовом праве в отношении трудоустроенных женщин. Такого рода практику применяла в том числе местная активистка Лиги женщин в Свиднице по фамилии Шафлярска, занимающая должность бухгалтера в местном президиуме. Ответственными за эту ситуацию она сделала секретаря и председателя учреждения. Оба игнорировали любые направляемые к ним сотрудниками и сотрудниками замечания и просьбы по этому вопросу¹⁷.

На интересный аспект разницы в заработной плате редакция ежемесячника обратила внимание, информируя об организованной осенью 1946 г. бельгийскими коммунистками Народной конференции женщин. Во время заседаний среди прочих поднимались вопросы, касающиеся разницы в заработной плате у младших и старших работниц, выполняющих одинаковую работу. Один из делегатов из Брюсселя по фамилии Миниарт, «представляя жизнь текстильщицы, заявил, что девушки до 20 лет получают за свою работу на текстильных фабриках лишь 4,8 франка за час, хотя выполняют такую же работу, как и старшие работницы, работа которых намного лучше оплачивается» [25, s. 11]. Примечательно, что аналогичная ситуация представлялась, например, на фабриках Лодзи, но об этом журнал «Praca Kobiet» почему-то не информировал своих читательниц. То, что было осуждаемой патологией на Западе, в Польше становилось нормой, по крайней мере если не принимаемой, то во всяком случае допускаемой (и умалчиваемой).

О совершенно иных проблемах говорилось в статье, посвященной положению гречанок, которые принимали активное участие в борьбе на стороне коммунистов в гражданской войне 1946–1949 гг.¹⁸ Обширная публикация на данную тему вышла в декабре 1946 г. Из нее следует, что, «когда для других

¹⁴Например, фабриканты в транспортной отрасли соглашались повысить зарплаты своим работницам, но лишь до уровня 4 шиллингов 4 пенсов, что было почти наполовину меньше ставки, на которую женщины рассчитывали, – 7 шиллингов 6 пенсов [23, s. 8].

¹⁵Этой проблеме посвящалось много материалов на страницах прессы, представителем которой являлось Главное управление Лиги женщин (см., например, интересный анализ Э. Нейовой [24, s. 12–16]).

¹⁶Президиумы народных советов повета являлись исполнительными и управляющими органами народных советов повета. В состав президиума входили председатель, заместитель, секретарь и члены. Они действовали на основании Закона Польской Республики от 20 марта 1950 г. «О территориальных органах единой государственной власти» (см.: Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Nr 14, poz. 130) и Закона Польской Республики от 25 января 1958 г. «О народных советах» (см.: Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Nr 5, poz. 16).

¹⁷Arch. Państwowe we Wrocławiu. Liga Kobiet – Zarząd Wojewódzki we Wrocławiu. Sygn. 8. K. 5.

¹⁸В октябре 1946 г. Коммунистическая партия Греции объявила о формировании партизанского соединения (греч. Δημοκρατικός Στρατός Ελλάδας – Демократическая армия Греции). Эти силы, поддерживаемые Югославией, Болгарией и Албанией (косвенно и Советским Союзом), выступили против консервативно-монархического правительства, поддерживаемого англичанами и американцами. Обе стороны прибегали к репрессиям, направленным также на женщин (подробнее об этом конфликте см. [26, p. 3–33]).

народов засветило солнце свободы, в Греции возобновилась драма оккупации 1940–1944 гг. <...> ...Неофашистский террор процветает под покровительством Англии. Преследуемые, заключаемые в тюрьмы, под пытками, высылаются в огромном количестве женщины, которых забирают от их семей и детей. С апреля по нынешний день по неокончательным данным было заключенных в тюрьму, сосланных, пропавших без вести 840 женщин, тогда как к этому периоду, по статистике, в числе задержанных было 429 женщин. Эти числа свидетельствуют о росте террора в последние месяцы. Убитых террористическими бандами и осужденных на смерть – 111 женщин. <...> Были ликвидированы профсоюзы. Полиция арестовала комитеты женских союзов под предлогом того, что они организуют нелегальные собрания. <...> ...Женщины принимали активное участие в демонстрациях, собраниях, организованных демократическими партиями. Также женщины подготавливаются к будущим самоуправленческим выборам, хотя право голосования здесь есть у женщин от 30-го года жизни, умеющих читать и писать, что при усиливающейся безграмотности в Греции очень ограничивает права женщин» [27, s. 13]. Характерно, что из представленной статьи читательницы не имели возможности узнать о том, что в Греции продолжалась регулярная гражданская война, а описанные репрессии касались активных ее участниц не только в отношении коммунисток. Многие женщины, которые симпатизировали монархии, страдали из-за преследований и погибали от рук коммунистов на территориях, занятых Демократической армией Греции¹⁹.

Кроме информации, которая касалась прогрессивных женщин в отдельных странах, на страницах ежемесячника публиковались статьи, характеризующие деятельность таких международных организационных структур, как Лига женщин. Читательницы могли узнать, например, кто руководит Международной демократической федерацией женщин²⁰, кто является ее сотрудниками, какие

программные задания они осуществляют совместными усилиями? В публикации, которая вышла в десятом номере журнала, сообщалось, что «организацией руководит Исполнительный комитет, председателем которого является Эжен Коттон, ученый, представительница Франции, не являющаяся членом какой-либо партии»²¹. <...> Госпожа Коттон относится к прогрессивной элите интеллигенции. <...> К этой же группе относились умершие Петр Кюри и Мария Склодовская-Кюри. К президиуму Исполнительного комитета принадлежит также Долорес Ибаррури, именуемая Пассионарией, – центральная фигура испанского республиканского движения. <...> Членом президиума является также Нина Попова, которая представляет Антифашистский комитет советских женщин. У федерации есть совет, который избирает исполнительный комитет и секретариат федерации. Во главе секретариата стоит госпожа Вейлант Кутюрье (*Vayllant Couturier*). <...> Секретариат работает постоянно с главным офисом в Париже. <...> В секретариате действуют следующие комиссии: 1) комиссия по экономическим, политическим и общественным правам женщин; 2) комиссия по вопросу опеки над ребенком; 3) комиссия по вопросам колониальных проблем и ситуации «цветных национальных меньшинств». Членами федерации являются национальные организации стран, которые пожелали присоединиться к Международной демократической федерации женщин. Эти организации назывались секциями»²². <...> Федерация в Европе основывается прежде всего на Франции и Советском Союзе» [29, s. 4]. В персональном плане в руководстве Международной демократической федерации женщин действительно преобладали француженки, но в плане принятия решений решающий голос был у женщин – представительниц СССР, а фактически – у ставящих для них задания офицеров с Лубянки²³.

Размах, с которым работала Международная демократическая федерация женщин, привел к тому, что за короткое время появились женские органи-

¹⁹В современном преобладающем политически левом представлении на тему греческой гражданской войны напрасно искать информацию о нескольких десятках тысяч гражданских жертв боевиков из Демократической армии Греции. Желющие ознакомиться с этими фактами вынуждены обратиться к более ранним публикациям. Их перечень представлен в [28, с. 257–264].

²⁰Эта структура была создана 1 декабря 1945 г. на Международном конгрессе женщин в Париже.

²¹Данная информация не была правдивой: Э. Коттон после 1933 г. под влиянием антифашистских беженцев из Германии вступила во Французскую коммунистическую партию, в 1944 г. основала и возглавила Союз французских женщин (*Union des Femmes Françaises*). После завершения военных действий в 1945 г. она поспособствовала основанию Мировой демократической федерации женщин, которой руководила вплоть до своей смерти в 1967 г. Также Э. Коттон была заместителем председателя Мирового совета в пользу мира на земле. Обе организации на Западе считались так называемыми агентствами влияния, связанными с Москвой. За свою деятельность Э. Коттон была награждена в 1950 г. Международной Сталинской премией «За укрепление мира между народами», входила в состав правления Общества франко-советской дружбы.

²²В состав Международной демократической федерации женщин входили женские организации из Франции, Италии, Бельгии, Швейцарии, Норвегии, Греции, Испании (эмиграционные), Югославии, Болгарии, Чехословакии, Польши, Советского Союза; из неевропейских стран – США, Китая, Монголии, Мадагаскара, а кроме этого, индуски, корейки (с севера), алжирские арабки, африканки [29, s. 4]. Всего организация объединяла в себе более 20 млн членов 43 национальностей, среди которых преобладали китайки (20 млн) [30, s. 5, 27].

²³Это понимали американские службы, которые создали своеобразное досье на тему Международной демократической федерации женщин и объединенных с ней национальных структур (см.: Women's International Democratic Federation (WIDF). A compilation of available basic reference data. Affiliates and parallel organizations, strength, officers, addresses, publications. Based

зации не только в большинстве европейских стран, но и на ее «задворках»²⁴. «Praca Kobiet» характеризовала историко-политический фон активности женщин на этих территориях, а также рассказывала на своих страницах о процессе появления этих организаций и сложностях, связанных с ним. Яркой иллюстрацией этого выступает информация на тему преследований прогрессивных женских организаций в Египте: «В июле текущего года была распущена Лига египетских студенток и женщин с высшим образованием, входящая в состав Международной демократической федерации женщин. Также была расформирована Лига работниц. <...> В связи с этим секретариат Международной демократической федерации женщин выслал протест египетскому правительству с требованием освобождения арестованных... а исполнительный комитет направил письма в эти организации, в которых выражал свое глубокое негодование по поводу действий египетского правительства и подчеркивал свою полную солидарность с членами демократических женских организаций в Египте. Исполнительный комитет считает необходимым отправить комиссию Международной демократической федерации женщин в Египет для исследования ситуации женщин и предоставления помощи в работе демократических женских организаций» [31, s. 27]. Внутренний хаос, которым был охвачен Египет практически до середины 1950-х гг., способствовал социалистической радикализации некоторых общественных кругов. Ее прогрессирование было ограничено не столько из-за репрессивного правления короля Фарука I, сколько из-за растущего в обществе влияния братьев-мусульман (Мусульманского братства). В таких обстоятельствах какие-либо начинания Международной демократической федерации женщин на Египетской земле и попытки поддержки коммунистических организаций были обречены на провал.

Наиболее экзотической страной, о которой писали авторы журнала «Praca Kobiet» в контексте равноправия и функционирования женских организаций, была Куба. Страна, которой правил президент Рамон Грау Сан-Мартин²⁵, была довольно стабильной в политическом плане и имела хорошо развивающуюся экономику: «Там неплохо живет нашим сестрам, потому что конституция Кубы гарантирует равную заработную плату, а также дает значительные льготы беременным женщинам. Их нельзя уволить с работы за три месяца до родов, в период беременности им не позволяет выпол-

нять никакую тяжелую работу. За шесть недель до и после родов женщина освобождается от работы и получает полное вознаграждение. В возрасте 20 лет каждая кубинка получает такие же гражданские права, как и мужчина. Женщина может попасть в парламент, а один из сенаторов – женщина – является министром» [32, s. 4]. Это описание имело однозначный позитивный смысл, без какого-либо идеологического контекста, типичного для публикаций более позднего периода, т. е. после того, как власть захватил Фидель Кастро.

Среди опубликованных на страницах журнала сообщений о положении женщин в других странах и деятельности объединяющих их ассоциаций (национальных и международных) рядом с упомянутыми выше сюжетами появились первые статьи, относящиеся к морально-этическим проблемам, связанным с абортами, в то время называемыми искусственными преждевременными родами. Сначала этот вопрос обсуждался не в контексте польской действительности, лишь указывались дилеммы, с которыми сталкивалось западное общество. На проходящем в июне 1946 г. съезде Демократического союза женщин Финляндии по этому вопросу было принято соответствующее постановление, в котором говорилось: «Женщины-демократы не считают вопрос об искусственных выкидышах программным. Однако, принимая во внимание тяжелое положение и актуальность этой проблемы для широких масс, нельзя оставить в стороне рассмотрение этого вопроса и обсуждение соответствующего законодательства. Искусственное прерывание беременности не должно быть средством, которое регулирует количество рождений, потому что оно является действием против наивысшего создания природы – человеческого существования. Следует подчеркнуть, что аборт – это принудительное средство защиты женщины и ребенка тогда, когда общество не может обеспечить им быт. На основании вышесказанного съезд Демократического союза женщин Финляндии считает, что, рассматривая закон об искусственном прерывании беременности, следует принимать во внимание, что разрешение на производство искусственного прерывания беременности (если только оно не вызвано состоянием здоровья беременной женщины) следует из того, что общество не может обеспечить мать и ребенка, т. е. что это временное явление и искусственное прерывание беременности должно быть запрещено, когда наступит улучшение общего материального положения женщин» [33, s. 11–12].

on data available as of 1 October 1956 [Electronic resource]. URL: <https://bit.ly/2SHOBbJ> (date of access: 25.01.2019) ; Five College Archives and Manuscript Collections. Women's International Democratic Federation records, 1945–1979. 4 boxes (2 linear ft.). Collection number: MS 594 [Electronic resource]. URL: <https://bit.ly/2WVX6z7> (date of access: 25.01.2019).

²⁴Используя понятие «задворки Европы», автор подразумевает страны и регионы, остающиеся в близком соседстве со Старым Светом и связанные с ним в историческом, экономическом либо культурном плане.

²⁵Рамон Грау Сан-Мартин – крупнейший политический соперник Фульхенсио Батиста, после которого в 1944 г. он вступил на должность президента. В 1947 г., за год до окончания каденции, он сумел значительно ограничить влияние коммунистов в стране.

Приведенная цитата иллюстрирует, какой путь прошло человечество (а феминистки в особенности) на протяжении последних 73 лет не только в плане морально-этических вопросов, но и в отношении самой формы подачи темы аборт и так называемых их общественных обоснований. В современном мире звучащая таким образом декларация была бы признана выражением «консервативного мракобесия», а еще в 1946 г. под этими словами подписались финские феминистки, являющиеся членами Демократического союза женщин.

В противовес большинству публикаций на тему активности женских движений за рубежом, которые оставались без комментариев, в таком случае редакция приняла решение, что не только выскажет собственное мнение, но и разместит в этом же номере рядом с репортажем из Финляндии перепечатку публикации из сентябрьского номера ежемесячника «W służbie zdrowia» («На службе здравоохранения»), автором которой являлся клинический врач со степенью доктора, подписавшийся инициалами Ц. Й. Г., под примечательным названием «Борьба с прерыванием беременности». Если отдавать себе отчет в том, что цитируемое ниже высказывание появилось в народном журнале, одобренном правительством, издаваемом прогрессивной Лигой женщин, и что это происходило в 1946 г., становится очевидной его исключительность как в плане вербальном, так и смысловом: «В течение последних 50 лет прерывание беременности врачами развивалось постепенно, но своей вершины достигло во время гитлеровской оккупации. После восстания и разрушения Варшавы в этом вопросе лидирует провинция, например, в Ченстохове эта процедура проводилась в больницах без каких-либо медицинских показаний. Лодзь, Краков тоже не были лучше. В настоящее время и в Варшаве прерывание беременности растет и никто не отваживается начать борьбу с этим явлением. Когда еще 10 лет тому назад для этого требовались заключения других врачей, то сегодня об этом никто не спрашивает, достаточно того, что пациентка выразит такое желание. Следует осознать, что почти нет искусственного прерывания беременности, которое бы не принесло вреда здоровью женщины сразу же или спустя какое-то время. Об этом сле-

дует говорить тем, кто вступает в брак. Большинство женских заболеваний появляется в результате перенесенных так называемых выскабливаний, сделанных даже наиболее выдающимися специалистами. <...> Практическое вступление в борьбу с прерыванием беременности основывалось бы на следующих действиях. Больше всего в этом вопросе может помочь Министерство здравоохранения, если издаст в связи с депопуляцией декрет, чтобы на протяжении, скажем, 10 лет приостановить все показания на прерывание беременности; издать предписание, чтобы ни одна лечебница или больница не проводили этой процедуры под угрозой закрытия такого медицинского учреждения. Акушерки, бабки и другие лица, которые делают аборт, должны попадать под специальный суд, состоящий из юристов и врачей-экспертов. Также следует основывать общества опеки над убогими матерями и их детьми. Целью таких объединений был бы прием в соответствующие акушерские приюты беременных женщин, у которых дома нет условий для родов и опеки над новорожденным» [34, s. 12]. Редактор журнала «Praca Kobiet» Ф. Луневска, которая подписалась под публикацией и цитировала в ней представленное выше высказывание, в завершение статьи отметила тот факт, что «эту проблему, действительно очень важную для женщин, на наш взгляд, невозможно так легко решить, как это предполагает доктор Ц. Й. Г. А может быть, наши читательницы сами хотели бы высказаться на эту тему?» [34, s. 12].

Было ли встречено это приглашение отзывом читательниц, выписывающих журнал? Об этом ничего не известно. Несколько недель спустя, т. е. в декабре 1946 г., вышел последний, десятый номер журнала. Опеку над его подготовкой от варшавского Воеводского правления приняло на себя Главное управление Лиги женщин [35, s. 2]. Официальное принятие контроля над редакцией журнала «Praca Kobiet» должно было стать шагом, который предшествовал выходу в свет при участии старого редакционного коллектива общепольского журнала под названием «Nasza Praca». Новый номер издания «Praca Kobiet», подготовленный редакцией в измененном составе, вышел в свет лишь в феврале 1947 г.

Выводы

Внутренний конфликт, который терзал Польскую Республику во второй половине 1940-х гг., наряду с организационными сложностями в возрождающемся после Второй мировой войны женском левом движении, задерживал развитие женской прессы. Выходящий в свет с марта по декабрь 1946 г. журнал «Praca Kobiet» был первым значительным шагом в сторону создания официального

периодического издания Лиги женщин. На страницах ежемесячника, издаваемого варшавским областным управлением этой организации, важное место занимала проблематика отношений польских феминисток с активистками организаций, которые входили в состав Международной демократической федерации женщин, а также информация об условиях их деятельности в отдельных странах.

Несмотря на прогрессирующий в Польской Республике сталинизм и действие цензуры, публикуемая на страницах журнала «Prasa Kobiet» информация хотя и имела прежде всего пропагандистский смысл, все равно позволяла получить информацию о послевоенной специфике развития женских движений левого политического направления по обе стороны «железного занавеса».

Библиографические ссылки

1. Sokół Z. *Prasa kobieca w Polsce w latach 1945–1995*. Rzeszów: WSP w Rzeszowie; 1998. 458 s.
2. Do czytelniczek. *Praca Kobiet*. 1946;1:1.
3. Nowakowska-Wierchoś A. «Praca polityczna» Polskiej Partii Robotniczej – oddział we Francji w środowisku polskich emigrantek w 1946 r. *Teki Archiwalne*. 2011;11:301–319.
4. Nowakowska-Wierchoś A. Społeczno-Obywatelska Liga Kobiet (1945–1949) i Związek Kobiet Polskich im. Marii Konopnickiej we Francji (1944–1950) – dokumenty programowe. *Komunizm: system – ludzie – dokumentacja*. 2013;2:251–279.
5. Nowakowska-Wierchoś A. Związek Kobiet im. Marii Konopnickiej w Belgii. W: Włodarczyk T, redaktor. *Vir Bonus. Księga dedykowana doktorowi Władysławowi Horstowi*. Warszawa: Archiwum Akt Nowych; 2015. s. 322–333.
6. I. R. Jak Polki we Francji opiekują się rodakami. *Praca Kobiet*. 1946;1:7.
7. Rodaczki z Francji gośćmi Ligi. *Praca Kobiet*. 1946;7:6.
8. W noc narodzenia. *Praca Kobiet*. 1946;10:2.
9. Szamowska D. Co cesarskie cesarzowi, co boskie Bogu. *Praca Kobiet*. 1946;10:28.
10. Ciesielski S, Materski W, Paczkowski A. *Represje sowieckie wobec Polaków i obywateli polskich*. Warszawa: Karta; 2000. 31 s.
11. Dajnowicz M. Działalność Społeczno-Obywatelskiej Ligi Kobiet w świetle «Naszej Pracy» (1947–1949). W: Dajnowicz M, Miodowski A, redaktory. *Polityka i politycy w prasie XX i XXI wieku*. Białystok: HUMANICA; 2016. s. 295–307.
12. Klimaszewska L. O życiu Polek w Związku radzieckim. *Praca Kobiet*. 1946;2:3–4.
13. Krajewski K, Łabuszewski T. «Żołnierze Wyklęci» Mazowsza i Podlasia 1944–1952. Warszawa: Brok; 2011. 60 s.
14. W Bułgarii. *Praca Kobiet*. 1946;7:4–5.
15. Груев М. Преорани слогове. Колективизация и социална промяна в Българския северозапад 40-те – 50-те години на XX век. София: Сиела; 2009. 364 с.
16. Spółdzielczość w Bułgarii. *Praca Kobiet*. 1946;10:22.
17. A. P. Domy wypoczynkowe Ligi Kobiet. *Nasza Praca*. 1948;7:25.
18. Akademia na cześć Polek z Francji. *Praca Kobiet*. 1946;7:9–10.
19. Opieka nad dzieckiem ludności wiejskiej w Związku Radzieckim. *Praca Kobiet*. 1946;7:10–11.
20. Jak głosują kobiety w Belgii? *Praca Kobiet*. 1946;7:4.
21. Łuniewska F. Kongres kobiecy w Szwajcarii. *Praca Kobiet*. 1946;7:4.
22. Łuniewska F. Kobiety szwajcarskie w walce o prawo głosu. *Praca Kobiet*. 1946;7:6–7.
23. Aszk. Kobiety w Anglii. *Praca Kobiet*. 1946;8:8–9.
24. Neyowa E. Zawodowe kształcenie kobiet. *Nasza Praca*. 1947;2:12–16.
25. Konferencja kobiet w Belgii. *Praca Kobiet*. 1946;9:11.
26. Iatrides JO. Revolution or Self-Defense? Communist Goals, Strategy, and Tactics in the Greek Civil War. *Journal of Cold War Studies*. 2005;7(3):3–33. DOI: 10.1162/1520397054377179.
27. Sytuacja w Grecji. *Praca Kobiet*. 1946;10:13.
28. Παπακωνσταντίνου Θ. *Ανατομία της επαναστάσεως: θεωρητική και ιστορική ανάλυσις της δυναμικής του κομμουνισμού: οι τρεις «γύροι» του ΚΚΕ*. Αθήνα: Αυτοεκδόσεις; 1952. 268 σ.
29. Organizacja pracy i władz Światowej Demokratycznej Federacji Kobiet. *Praca Kobiet*. 1946;10:4.
30. Ibarruri D. O działalności międzynarodowych organizacji kobiecych. *Praca Kobiet*. 1946;10:5–27.
31. W Egipcie. *Praca Kobiet*. 1946;10:27.
32. Łuniewska F. A co się dzieje na dalekiej Kubie. *Praca Kobiet*. 1946;7:4.
33. Zjazd Demokratycznego Związku Kobiet w Finlandii. *Praca Kobiet*. 1946;9:11–12.
34. Łuniewska F. Walka z przerywaniem ciąży. *Praca Kobiet*. 1946;9:12.
35. Od redakcji. *Praca Kobiet*. 1946;10:2.

References

1. Sokół Z. *Prasa kobieca w Polsce w latach 1945–1995*. Rzeszów: WSP w Rzeszowie; 1998. 458 s.
2. Do czytelniczek. *Praca Kobiet*. 1946;1:1.
3. Nowakowska-Wierchoś A. «Praca polityczna» Polskiej Partii Robotniczej – oddział we Francji w środowisku polskich emigrantek w 1946 r. *Teki Archiwalne*. 2011;11:301–319.
4. Nowakowska-Wierchoś A. Społeczno-Obywatelska Liga Kobiet (1945–1949) i Związek Kobiet Polskich im. Marii Konopnickiej we Francji (1944–1950) – dokumenty programowe. *Komunizm: system – ludzie – dokumentacja*. 2013;2:251–279.
5. Nowakowska-Wierchoś A. Związek Kobiet im. Marii Konopnickiej w Belgii. W: Włodarczyk T, redaktor. *Vir Bonus. Księga dedykowana doktorowi Władysławowi Horstowi*. Warszawa: Archiwum Akt Nowych; 2015. s. 322–333.
6. I. R. Jak Polki we Francji opiekują się rodakami. *Praca Kobiet*. 1946;1:7.
7. Rodaczki z Francji gośćmi Ligi. *Praca Kobiet*. 1946;7:6.
8. W noc narodzenia. *Praca Kobiet*. 1946;10:2.
9. Szamowska D. Co cesarskie cesarzowi, co boskie Bogu. *Praca Kobiet*. 1946;10:28.
10. Ciesielski S, Materski W, Paczkowski A. *Represje sowieckie wobec Polaków i obywateli polskich*. Warszawa: Karta; 2000. 31 s.

11. Dajnowicz M. Działalność Społeczno-Obywatelskiej Ligi Kobiet w świetle «Naszej Pracy» (1947–1949). W: Dajnowicz M, Miodowski A, redaktory. *Polityka i politycy w prasie XX i XXI wieku*. Białystok: HUMANICA; 2016. s. 295–307.
12. Klimaszewska L. O życiu Polek w Związku radzieckim. *Praca Kobiet*. 1946;2:3–4.
13. Krajewski K, Łabuszewski T. «Żołnierze Wyklęci» Mazowsza i Podlasia 1944–1952. Warszawa: Brok; 2011. 60 s.
14. W Bułgarii. *Praca Kobiet*. 1946;7:4–5.
15. Gruev M. *Preorani slogove. Kolektivizatsiya i sotsialna promyana v Bŭlgarskiya severozapad 40-te – 50-te godini na XX vek* [Hackneyed slogans. Collectivization and and social change in the Bulgarian northwest of the 40th are the 50th years of the 20th century]. Sofia: Siela; 2009. 364 p. Bulgarian.
16. Spółdzielczość w Bułgarii. *Praca Kobiet*. 1946;10:22.
17. A. P. Domy wypoczynkowe Ligi Kobiet. *Nasza Praca*. 1948;7:25.
18. Akademia na cześć Polek z Francji. *Praca Kobiet*. 1946;7:9–10.
19. Opieka nad dzieckiem ludności wiejskiej w Związku Radzieckim. *Praca Kobiet*. 1946;7:10–11.
20. Jak głosują kobiety w Belgii? *Praca Kobiet*. 1946;7:4.
21. Ł[uniewska] F. Kongres kobiecy w Szwajcarii. *Praca Kobiet*. 1946;7:4.
22. Łuniewska F. Kobiety szwajcarskie w walce o prawo głosu. *Praca Kobiet*. 1946;7:6–7.
23. Aszk. Kobiety w Anglii. *Praca Kobiet*. 1946;8:8–9.
24. Neyowa E. Zawodowe kształcenie kobiet. *Nasza Praca*. 1947;2:12–16.
25. Konferencja kobiet w Belgii. *Praca Kobiet*. 1946;9:11.
26. Iatrides JO. Revolution or Self-Defense? Communist Goals, Strategy, and Tactics in the Greek Civil War. *Journal of Cold War Studies*. 2005;7(3):3–33. DOI: 10.1162/1520397054377179.
27. Sytuacja w Grecji. *Praca Kobiet*. 1946;10:13.
28. Papakwnstantínoy Th. *Anatomía thc epanastásewv: thewrhtikḗ kai istorikḗ análýsic thc dynamikḗc toy kommoynismou: oi treic «gúroi» toy KKE* [Anatomy of the revolution: a theoretical and historical analysis of the dynamics of communism: the three «rounds» of the KKE]. Athens: Aytoekdóseic; 1952. 268 p. Greece.
29. Organizacja pracy i władz Światowej Demokratycznej Federacji Kobiet. *Praca Kobiet*. 1946;10:4.
30. Ibarruri D. O działalności międzynarodowych organizacji kobiecych. *Praca Kobiet*. 1946;10:5–27.
31. W Egipcie. *Praca Kobiet*. 1946;10:27.
32. Ł[uniewska] F. A co się dzieje na dalekiej Kubie. *Praca Kobiet*. 1946;7:4.
33. Zjazd Demokratycznego Związku Kobiet w Finlandii. *Praca Kobiet*. 1946;9:11–12.
34. Ł[uniewska] F. Walka z przerywaniem ciąży. *Praca Kobiet*. 1946;9:12.
35. Od redakcji. *Praca Kobiet*. 1946;10:2.

Статья поступила в редколлегию 01.04.2019.
Received by editorial board 01.04.2019.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВ

ГІСТОРЫЯ МАСТАЦТВАЎ

ART HISTORY

УДК 72.034

КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ, ПРОСТРАНСТВА, СЛАВЫ И ПАМЯТИ В ОБРАЗЕ *VOLTO DEL CAVALLO* В ФЕРРАРЕ

О. С. СМАГОЛЬ¹⁾

¹⁾Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

Исследуется специфика сложившегося в XV в. художественного образа *Volto del Cavallo* – ренессансного портала дворца д'Эсте в Ферраре, важном художественном центре североитальянской области Эмилия-Романья. Показан процесс формирования памятника. Анализ проводится в свете категорий времени (личного и исторического), пространства (дворцового пространства, пространства ренессансной Феррары, пространства меняющейся в рассматриваемое время ойкумены), славы правившего в городе рода д'Эсте и памяти о его сеньорах. В комплексе обозначенных категорий *Volto del Cavallo* рассматривается впервые. Сделан вывод, что каждая из названных категорий, трактуемая во взаимосвязи с образом этого дворцового портала, была в той или иной мере задействована для укрепления престижа, значимости, права преемственности и весомости власти д'Эсте.

Ключевые слова: Ренессанс; Феррара; архитектура; д'Эсте; *Volto del Cavallo*.

Образец цитирования:

Смаголь ОС. Категории времени, пространства, славы и памяти в образе *Volto del Cavallo* в Ферраре. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;2:84–95.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-84-95>.

For citation:

Smagol OS. *Volto del Cavallo* in Ferrara: problems of time, space, glory and memory. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;2:84–95. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-84-95>.

Автор:

Оксана Сергеевна Смаголь – аспирантка кафедры всеобщей истории искусства исторического факультета. Научный руководитель – кандидат искусствоведения, доцент Е. А. Ефимова.

Author:

Oxana S. Smagol, postgraduate student at the department of art history, faculty of history.
oksanasm@yahoo.com

КАТЕГОРИИ ЧАСУ, ПРАСТОРЫ, СЛАВЫ І ПАМ'ЯЦІ Ї ВОБРАЗЕ *VOLTO DEL CAVALLO* Ї ФЕРАРЫ

А. С. СМАГАЛЬ^{1*}

^{1*} *Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя М. В. Ламаносава, Ленінскія горы, 1, 119991, г. Масква, Расія*

Даследуецца спецыфіка мастацкага вобраза *Volto del Cavallo* – рэнесанснага партала XV ст. палаца д'Эстэ ў Ферары, важным мастацкім цэнтры паўночнаітальянскай вобласці Эмілія-Раманья. Паказаны працэс фарміравання помніка. Аналіз праводзіцца ў святле катэгорый часу (асабістага і гістарычнага), прасторы (палацавай прасторы, прасторы рэнесанснай Ферары, прасторы айкумены, якая мянялася ў той перыяд), славы правіцеляў Ферары з роду д'Эстэ і памяці пра яго сеньёраў. У комплексе абазначаных катэгорый *Volto del Cavallo* разглядаецца ўпершыню. Зроблена выснова пра тое, што кожная з названых катэгорый, якая трактуецца ва ўзаемасувязі з вобразам гэтага палацавага партала, была ў той ці іншай ступені задзейнічана для ўмацавання прэстыжу, значнасці, права пераемнасці і важкасці ўлады д'Эстэ.

Ключавыя словы: Рэнесанс; Ферара; архітэктура; д'Эстэ; *Volto del Cavallo*.

VOLTO DEL CAVALLO IN FERRARA: PROBLEMS OF TIME, SPACE, GLORY AND MEMORY

O. S. SMAGOL^a

^a *Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia*

The article touches upon characteristic features of a so-called *Volto del Cavallo*, a Renaissance portal on the rulers' d'Este palace facade in the 15th century Ferrara. It's analyzed in the process of its gradual formation and in the context of such problems as time (in terms of a private biography as well as historically), space (palatial space, that of Ferrara as a city, space of the Quattrocento Ecumene), glory and last but not least memory of Ferrara leaders. This range of *Volto del Cavallo* parallel interpretations tends to be new and brings one to a conclusion that each aspect in question, when looked at in connection with the discussed portal was engaged in glorification of the d'Este power.

Keywords: Renaissance; Ferrara; architecture; d'Este; *Volto del Cavallo*.

Введение

В светской архитектуре Италии эпохи Кватроченто со сложением и развитием типологии раннеренессансного палаццо, расширением его репрезентативных функций и постепенным приближением по художественным достоинствам к культовой архитектуре [1] дворцовые фасады обретали свою эстетическую ценность. При формировании разных художественных вариантов фасадных решений [2–5] именно портал, как одна из наиболее значимых форм, занимал особое место в композиционном, декоративном, символическом отношении. В исполнении его проема, обыкновенно более крупного, чем прочие, как правило, закладывалась идея прославления самого заказчика, его деяний, города, передавалась суть его общественных притязаний, слышались отзвуки настроений культурной жизни, выраженные разными средствами. Здесь сосредоточивалась ключевая геральдическая символика, призванная возвысить имя и образ владельца; здесь же, оформляя вход и тем обнаруживая родство с классической традицией античного триумфа, порой находила приложение

ордерная система и в значительной мере обретала воплощение главная монументальная декорация.

В центре внимания в данном случае оказывается проблема художественного образа так называемого *Volto del Cavallo* (в пер. с итал. – фасад, украшенный лошадью) – оформленного во второй половине XV в. главного входа в палаццо дель Корте (дворцовый комплекс XII, XIV–XVI вв. правящего в Ферраре рода д'Эсте) и отличавшегося от всех феррарских ренессансных порталов Кватроченто и статусом владельца, и постепенностью, дискретностью в истории формирования его необычной композиции, и особой вариативностью смысловых интерпретаций. Из первоначальной декорации полуциркульной арки дворцового входа, фланкированной по сторонам бронзовыми статуями правителей Феррары на каменных колоннах, сохранились только колонны, а венчающие их ныне фигуры являются современной реконструкцией скульптуры, утраченной в XVIII в. [6, р. 54–55], но известной по описаниям и изображениям XVII в. [7, р. 227].

Актуальность названной темы обусловлена уникальностью памятника и недостаточной освещенностью вопроса в российской историографии, а также изданием новых публикаций, проливающих свет на смежные проблемы, особенно на историю самого дворца. Палаццо дель Корте, представляющее взгляду ныне, как и его окружение, многократно перестраивалось [8]. Но истинное понимание памятника подразумевает восприятие его в контексте, максимально приближенном к изначальному. Это равным образом побуждает к анализу *Volto del Cavallo* с учетом сведений о прежнем облике дворца рода д'Эсте и в более широком культурно-историческом контексте эпохи.

Ключевое архитектурное достижение ренессансной Феррары состоит в новаторстве урбанистических решений и регулярной планировке ее северной части на рубеже XV–XVI вв., так называемом *Расширении Эрколе (Addizione Erculea)* [9–13], представление о котором необходимо и для интерпретации остальной архитектуры д'Эсте, в том числе *Volto del Cavallo*. Однако в данном случае стоит упомянуть публикации последних десятилетий, отражающие растущий интерес к отдельным проблемам палаццо д'Эсте: написанные на основании обширной историографической и документальной базы статьи М. Фолин, освещающие вопросы формирования дворцового комплекса [8; 14]; статью Самбин де Норчен, посвященную *Arco del Cavallo* [15], и материалы о других ренессансных памятниках Феррары, напрямую или косвенно затрагивающие отдельные аспекты архитектуры герцогского палаццо [6; 7; 16].

Однако, в отличие от упомянутых работ, основной целью данного исследования является трактовка художественного образа главного входа герцогского дворцового комплекса в широком контексте историко-культурной ситуации ренессансной Феррары, а также в свете категорий *времени* (личного и исторического), *пространства* (дворцового пространства, пространства ренессансной Феррары, пространства меняющейся в рассматриваемое вре-

мя ойкумены), утверждения *славы* рода д'Эсте и *памяти* о его правителях.

Такой ракурс определяет разнообразие задач исследования. Во-первых, к их числу относится *общая характеристика* феррарской ренессансной светской архитектуры и этапов сложения структуры и главных черт образа *Volto del Cavallo*, который в силу своих функций и особенностей будет именоваться именно порталом (хронологические аспекты; проблемы стилистических черт памятника и соотношения отдельных его частей в постепенности их воссоединения: на разных этапах реконструкции дворца и укрепления личной власти правителей; анализ возможной роли личного опыта Эрколе I д'Эсте до вступления во власть; взаимосвязь новой архитектурной формы с другими городскими порталами, ранними и последующими).

Второй задачей является трактовка памятника с позиций категорий *времени, памяти и славы* в свете ретроспективности феррарской рыцарской культуры с точки зрения воплощения вневременных идей *гражданской и военной доблести* в декоре феррарского портала и варьирования их смысловых оттенков в историческом времени Феррары и антропоморфном личном времени самого герцога Эрколе I д'Эсте; в контексте проблемы мемориальной конной статуи, особенно на колонне (или колоннах) на севере Италии (как в ретроспективе, так и в перспективе развития темы).

Третья задача – анализ *Volto del Cavallo* в контексте *античных реминисценций* как других частей главного фасада палаццо дель Корте (в меру вероятности их условной реконструкции), так и прилегающей ко входу внутренней части двора. Взаимосвязанной с этой темой и допустимой в силу предшествующей интерпретации оказывается попытка реконструировать опыт прочтения нового портала современниками в *пространстве и динамике* восприятия при разнонаправленном движении, его соотношение с пространством и внешним и внутренним декором.

Методология исследования

Спецификой задач обусловлена необходимость применения в их решении системного подхода, сочетающего типологический и историко-культурный методы (для воссоздания общего контекста

эпохи), метод исторической реконструкции и искусствоведческий метод с привлечением формально-стилистического, семантического иконографического анализа.

Результаты и их обсуждение

Расцвет ренессансного искусства на севере Италии происходил во второй половине XV в., и особенно в конце столетия. Непосредственно в Ферраре – выдающемся художественном центре северо-итальянской области Эмилия-Романья – это был период характерного для региональной ситуации

конца века укрепления единоличной сеньориальной власти, наблюдавшегося во время правления маркиза (с 1471 г. – герцога) Борсо д'Эсте (был правителем Феррары в 1450–1471 гг.) и герцога Эрколе I д'Эсте (1471–1505). Тем не менее предпосылки этого расцвета связаны с именем их пред-

шественника Леонелло д'Эсте (1441–1450) – ученика гуманиста Гуарино да Верона, прославившего свой двор пристрастием к литературе. Значение литературы и культуры книги – одна из важных особенностей феррарского придворного искусства, во многом определявшая художественный климат герцогства, для которого были свойственны ретроспективность, приверженность обычаям и традиции позднесредневековой рыцарской эпохи. Это не в последнюю очередь проистекало из фактора географического положения, тесных связей с альпийскими землями [6, р. 7–87; 7, р. 205–208]. Играло свою роль и взаимодействие с соседними Ломбардией и Венецией. Контакты эти непосредственно сказывались на архитектуре д'Эсте в эпоху Кватроченто, когда простые протяженные кирпичные фасады зданий стали украшаться в духе ломбардо-венецианской ренессансной стилистики росписями и акцентами каменного декора в опорах, окнах, порталах.

На протяжении десятилетий объектом устремлений правящего дома оставалось укрепление власти и стабильности в государстве ввиду постоянных заговоров и опасностей, угрожавших ему «более, чем какой-либо другой итальянской территории» [17, с. 52–53]. Вследствие этого и в соответствии с так называемой политикой великолепия д'Эсте, в рамках которой многочисленные усилия, в первую очередь в художественной жизни, направлялись на утверждение престижа и возвеличивание рода [6, р. 3–53], неоднократным реконструкциям подвергался дворец д'Эсте, все более обретавший в новом ренессансном облике антикизирующие черты, которые все же сочетались со средневековыми [3]. Дворцовый комплекс на севере торцом был обращен к старому замку д'Эсте (кастелло Эстенсе), на западе – к городу и церкви Сан-Доменико, на юге и юго-востоке выступал старейшим своим корпусом *Corte Vecchia* с башней Ригобелло XII в., а основным протяженным восточным фасадом выходил на площадь Дуомо.

Из трех условных этапов истории дворцового комплекса (создание в 1393–1441 гг., основные реконструкции в 1471–1474 и 1477–1505 гг.), в дальнейшем кардинально измененного, именно на эпоху Эрколе I д'Эсте пришлось завершение оформления главного дворцового входа – *Volto del Cavallo*, хотя начало его сложения относится к более раннему времени между первым и вторым этапами.

Изначально восточную часть комплекса дворцовых строений между старым корпусом *Corte Vecchia* южнее и так называемым восточным крылом севернее разделяла протянувшаяся с востока на запад, от piazzetta Дуомо к piazzetta Сан-Доменико, дорога, описанная в документах как *ampla strada, via larga*. Она представляла собой западную часть

Via dei Sabbioni (ныне – Виа Гарибальди) – одну из ключевых старых артерий города. Характерно, что, даже будучи часто задействована в дворцовых церемониях в XV в., *ampla strada* являлась в представлении горожан не внутренним дворцовым проходом, а дорогой общественной [6, р. 192]. Через нее было перекинуто перекрытие, и этот вход, ведущий в том числе во внутреннюю часть дворцовых строений, стал позднее известен как *Volto del Cavallo* – по названию размещенной рядом скульптуры всадника (*Arco del Cavallo*). История этого участка дороги показательна в данном контексте в своей постепенной утрате характеристик общественного пространства, сопровождавшей формирование дворцового портала.

Этот процесс проистекал из последовательных инициатив трех сыновей Никколо III д'Эсте: начался он в 1440-х гг. при Леонелло и был продолжен в 1450-х гг. при Борсо оформлением правой части *Volto del Cavallo*, а завершен в 1470-х гг. при Эрколе I украшением левой части.

Начало проекту было положено вскоре по вступлении во власть Леонелло д'Эсте, внебрачного сына Никколо III. Новый правитель предполагал установить справа от внешней стороны арки через *via dei Sabbioni* мемориальную скульптуру, увековечивающую память его отца и позднее именуемую по архитектурному основанию *Arco del Cavallo* [14, р. 257–277; 15; 16, р. 313]. Хотя первые сведения об этом датируются 1443 г., впоследствии, между 1443 и 1450 гг., в документах встречаются лишь редкие упоминания о предприятии [14, р. 260], что связывается в историографии с последующим укреплением статуса Леонелло д'Эсте и отпавшей для него необходимостью подчеркивать свое право на преемственность власти.

Вновь вопрос стал актуальным уже при Борсо, который также был внебрачным сыном Никколо III: к власти он пришел в 1450 г., а выплаты мастеру Антонио ди Кристофоро за бронзовую статую маркиза Никколо III датируются 1451 г. [14, р. 261]. В свою очередь, Никколо Барончелли (по утверждению Т. Таои, совместно с Доменико де Парис [6, р. 55]) заканчивает *Arco del Cavallo*, исполняет статую коня и (вероятно, не без участия Альберти [3, с. 34]) архитектурное основание скульптурной группы, поставленное перпендикулярно фасаду дворца справа от входа. Оно включало в себя белокаменный горизонтальный вытянутый постамент на однопролетной арке с развитым антаблементом, опирающийся с одной стороны на свободно стоящую мощную каннелированную композитную колонну с фестоном между волют, отмеченную именем мастера на шейке, а с другой, у самой стены, – на более скромную полуколонну без фестонов («...et questo ad perpetuam rei memoriam» ‘...и сие во увековечение памяти’ [6, р. 55]). Для Борсо

(уже с 1452 г. герцога Модены и Реджо) в свете надежд на получение титула герцога Феррары из рук императора Фридриха III были особенно важны имперские ассоциации, связанные с образом его отца в облике вознесенного на колонне *all'antica* всадника [14, p. 261]. Скульптура Никколо III была закончена и установлена в июне 1451 г., в 1471 г. Борсо получил желанное герцогство, унаследованное и Эрколе I д'Эсте – вторым герцогом Феррары и Модены.

С именем последнего связано завершение украшения *Volto del Cavallo*. Еще между 1452 и 1454 гг., при Борсо, у палаццо Раджоне южнее пьядца Дуомо воздвигается, возможно при участии Меода Каприно [16, p. 316], каменная колонна со статуей самого маркиза, восседавшего, в отличие от его отца, Никколо III, не на коне, а в церемониальном складном кресле *faldistorio* [7, p. 227; 18, p. 184]. Однако новый герцог Эрколе I решает перенести ее к палаццо дель Корте и установить слева от *Volto del Cavallo*, что и было исполнено 8 мая 1472 г. («...fu posto il duca Borso di bronzo, che è suso la colona marmorea...» ‘...был водружен герцог Борсо из бронзы, который на мраморной колонне...’ [6, p. 63]). Колонна со статуей Борсо, таким образом, воспринимает на себя функцию второй, симметричной архитектурно-скульптурной составляющей в декорации входа дворцового фасада наряду с конной статуей Никколо III справа от арки. При этом масштаб конной статуи и удвоенного ордера под ним вполне уравнивается гигантскими размерами колонны Борсо. Это предполагает минимум три образно-семантические интерпретации.

Во-первых, композиция дворцового портала складывалась в непосредственной связи с событиями личной биографии правителей. В итоге в ней были подчеркнуты взаимосвязь и преемственность власти представителей рода д'Эсте. В архитектурном же решении, скорее всего, нашла отражение и череда личных мотивов Эрколе I. Во-вторых, новый портал в своей форме открыл возможность его трактовки в контексте наследия Античности. Наконец, в-третьих, в истории пространственного бытования *Volto del Cavallo* был сделан первый шаг на пути к прямому включению его в архитектурный комплекс города.

Таким образом, повышение интереса к украшению главного дворцового входа в Ферраре во времени всегда совпадало с начальным периодом правления новых д'Эсте, а его затухание происходило по мере укрепления власти сеньора, невольно оставлявшего наследникам возможность развития идеи. Итогом этого пульсирующего творческого процесса и стали трансформация образной функции *Volto del Cavallo*, поступательное повышение его архитектурного веса и художественной значимости наряду с возвышением статуса правителей к концу XV в.

Непосредственно же для Эрколе I д'Эсте мотивы и истоки этого несложного жеста перемещения колонны, преобразовавшего вход палаццо дель Корте в истинно ренессансный портал, фланкированный ордером, были связаны с событиями его жизни. В личном контексте это обуславливалось украшением палаццо к бракосочетанию Эрколе I с Элеонорой Арагонской, о помолвке с которой было объявлено несколько позднее, в ноябре 1472 г. На более широкий политический смысл указывает тот факт, что Эрколе I обратился к главному фасаду *Corte Vecchia* сразу же после вступления во власть в августе 1471 г. и решения проблем по укреплению и безопасности своего дворца. Выделяются два равнозначных аспекта реконструкции палаццо д'Эсте первой половины 1470-х гг.: обеспечение *физической безопасности* нового герцога и укрепление его *престижа*, прославление Эрколе I, – и оформление *Volto del Cavallo* фактически представляет второй аспект. Из четырех основных предприятий этого периода с решением вопроса безопасности связана реконструкция имевшейся еще при Борсо крытой дороги (*via coperta, via segreta*), ведущей из частных герцогских апартаментов в старый замок д'Эсте. На укрепление престижа оказались направлены большинство прочих работ, сосредоточенных в восточной, фасадной, части здания, и обновление его структуры: сооружение нарядной мраморной лоджии с антикизирующими рельефами в южной части восточного фасада, реконструкция основных помещений комплекса и декор *Volto del Cavallo*.

Можно предположить, что истоки идеи торжественного входа в палаццо д'Эсте непосредственно связаны с неаполитанским периодом биографии Эрколе I, его пребыванием и обучением при дворе Альфонсо Арагонского в юности и молодости (с 1444 г., когда Эрколе I было 14 лет, до тридцатилетнего возраста) [6, p. 9]. Именно в 1450-х гг. в Кастель Нуово шли работы над «триумфальной аркой» крепостного входа [4, p. 130–131; 19]. В этом отношении обращают на себя внимание как история двух произведений, так и их облик.

С одной стороны, составляющие феррарского *Volto del Cavallo* изначально воспринимались более отстраненными от архитектурного объема (арка Никколо III в своей единичности, перпендикулярная стене, и колонна Борсо, поставленная в отдалении); равным образом и неаполитанская «триумфальная арка» Альфонсо I предполагалась изначально как самостоятельное сооружение, но к 1452 г. она уже выстраивалась включенной в комплекс замка [4, p. 131]. Молодому Эрколе I могла запомниться эта идея «присоединения», о которой он, скорее всего, знал. С другой же стороны, и в Неаполе, и в Ферраре в итоге белокаменные антикизирующие архитектурные формы оказались инкорпорированы в суровую композицию крепостной стены, став ее главным акцентом. И в обоих случаях возни-

кала идея триумфа: как в подобном античной арке общем решении входа, так и в деталях. Например, мотив вознесенной на колонны фигуры всадника в малом масштабе (имевший место еще в архитектуре малых форм Проторенессанса, в декоре табернакля Санта-Чечилия-ин-Трастевере у Арнольфо ди Камбио) украшал и проездную арку в Неаполе, где предвещающие триумфальную процессию Альфонса Арагонского трубачи выезжали перпендикулярно стене, навстречу входящему, и именно над *правой* парой колонн.

Новый облик обрамления *Volto del Cavallo* приблизил дворцовый портал в его торжественности и к идее античного триумфа, причем в разных архитектурных типологиях древности. Так, род ордерной декорации и венчающая монументальная скульптура напоминали о мотивах отдельно стоящих имперских триумфальных арок. Но включенность в стену, которая в этой части долго воспринималась как форма над общественной, городской дорогой, отсылала к распространенному на севере Италии античному типу триумфальных проездных ворот, таких как Арка императора Августа в Риме или нарядная на тот момент еще стоявшая *Porta Aurea* в Равенне. Акцент же не столько на личной славе Эрколе I, сколько на идее деяний его предшественников из рода д'Эсте смещает классические реминисценции с имперской традиции на ее истоки в республиканской эпохе, когда подобные памятные проездные конструкции могли еще увековечивать семейные военные успехи [20, p. 114].

Однако с точки зрения искусства Возрождения в строгом смысле *Volto del Cavallo*, как портал, не укладывается ни в одну из основных ренессансных схем этой формы в итальянской дворцовой архитектуре XV в. Части его достаточно разрозненны (соединены визуально не антаблементом или выраженным архивольтом, а старой аркой, на фоне которой они и читаются), симметрия их не абсолютна (левая колонна мощнее), элементы достаточно разнородны. Но и общая структура *Volto del Cavallo*, и отдельные детали при ближайшем взгляде вовлекаются в диалог с феррарской архитектурной средой разного времени, обнаруживая свою причастность в том числе к самым ярким ее ренессансным решениям. Что касается композиции, подобная идея колонного каменного портала со скульптурой получит ярчайшее воплощение на рубеже XV–XVI вв. в облике ордерного решения в палаццо Проспери-Сакрати (палаццо придворного врача Франческо да Кастелло (1493–1511)) на территории распланированного герцогским архитектором Бьяджо Россетти *Расширения Эрколе* [13, p. 167–173]. Примечательно, что пристенные колонны у входа поднимут на каждом изломе карниза антаблемента по путто, тогда как известное ныне и датированное XVII в. изображение ко-

лонны Борсо [7, p. 227] тоже доносит сведения об аналогичной скульптуре: там путто помещены по углам (как и воспроизведено в современной реконструкции). Портал Проспери-Сакрати – типичный в своем роде пример венецианской трактовки ломбардо-венецианского североитальянского портала – композиции, еще по мнению Я. Буркхардта являющей развитие средневековой романской темы [21, p. 56], в пределах Эмилии-Романьи известной по фасадам Дуомо в Фиденце, Модене, Ферраре [22]. Равно и портал *Volto del Cavallo* вторит паре колонн протира на западном фасаде этого собора, поднимающегося на противоположной стороне площади.

В то же время детали портала палаццо дель Корте находят отзвук в окружающем ансамбле: композитные капители с одним рядом аканта, в духе трактовки Микелоццо (двор виллы в Кареджи) и Росселино (палаццо Пикколомини в Пиенце) [16, p. 330], украшают и колокольню проекта Альберти [3, с. 34], и более поздний портал палаццо Скифанойя, где они перелаживаются на пилястру.

Что касается монументальной скульптуры *Volto del Cavallo*, то она прочитывается тройко: во *временном* контексте – как отсылка к славному прошлому, характерная для рыцарской традиции; в *пространственном* контексте – как созвучие характерным особенностям структуры и практического применения дворца д'Эсте; в контексте вневременных понятий *гражданской* и *воинской славы*, которым постепенно с течением времени становится сопричастен новый герцог.

Украшение и даже формирование архитектуры нового портала палаццо дель Корте посредством скульптурных изображений прежних сеньоров Феррары, постулирующее идею славного прошлого династии в культурной атмосфере города, культивировавшего средневековые рыцарские традиции, следует понимать как проявление *laudatio temporis acti* – прославления прошлого времени, явившегося одним из лейтмотивов рыцарской поэзии. Это проявление *laudatio*, будучи облачено силой пластического искусства в современные заказчику формы (с использованием статуи на колонне), осталось одним из своеобразных решений того периода.

Две разные статуи могут трактоваться и в обширном смысле (как олицетворение *светской* и *военной* сторон власти правителей Феррары вообще), и в более узком понимании (как отсылающие к *гражданской* и *военной* доблести д'Эсте).

Первый, наиболее широкий вариант прочтения семантической двойственности в *Volto del Cavallo* в ракурсе светского и военного аспектов власти обнаруживает созвучие с характерными именно для дворцового комплекса правителей Феррары особенностями его *пространственной* структуры и практического применения. Дворец д'Эсте долее

других в прочих землях Италии XV в. сочетал функции резиденции сеньора, военачальника и тирана с функциями здания, неизменно и самым очевидным образом использовавшегося в торговых целях своих владельцев, подчеркивая важность коммерческой составляющей их деятельности.

В пространственной композиции палаццо дель Корте всегда немалая роль отводилась помещению, связанным со светской, предпринимательской стороной жизни д'Эсте, преуспевавших в торговле зерном и скотом, производстве шерсти, шелка, мыла. Дворец на разных этапах своей истории, особенно в XV–XVI вв., либо был окружен лавками и складами, либо имел их в непосредственной близости [8, р. 190]. Эта приверженность старому обычаю, свойственная владельцам феррарского ансамбля и в XVI в., вызывала осуждение современников (например, Франческо Гвиччардини [8, р. 190]). С укреплением сеньориальной власти в Италии такая «бытовая» особенность резиденции уже могла представляться противоречившей новому статусу владельца. В этом плане примечателен факт закрытия арок угловой лоджии *piano terra* палаццо Медичи во Флоренции в 1517 г., украшенных окнами Микеланджело, как и соотношения проблемы устранения торговых лавок на нижних этажах флорентийских палаццо в XV в. с социальным положением хозяев [23, р. 269].

Другой, более узкий вариант понимания монументального декора *Volto del Cavallo* подразумевает его трактовку в категориях доблести. Статуя Борсо, определившая левую часть портала, уравнивала прежде поставленную справа статую Никколо III не только архитектурно, но и образно: конная скульптура могла прочитываться современниками как аллегорическое представление *военной* доблести дома д'Эсте, тогда как Борсо в кресле в облике судьи являл собою воплощение доблести *гражданской*. При этом можно предположить непереносимое варьирование семантических оттенков в восприятии такой скульптурной декорации портала уже вскоре после его появления. Это относится к обеим частям скульптурного декора, образу и судьи, и всадника.

Если непосредственно после вступления во власть герцога Эрколе I д'Эсте и возникновения угрозы новому правителю Феррары со стороны его племянника Никколо ди Леонелло (заговор 1476 г.) бронзовая фигура Борсо как судьи в дворцовом портале скорее *легитимизировала* права молодого герцога Эрколе I в новой непростой ситуации, то после своевременного устранения соперника в 1476 г. образ предшественника Эрколе I – Борсо – уже прочитывался как отражение обобщенной идеи *справедливого правителя*, вершащего суд и карающего виновных.

Равно и конная статуя Никколо III после 1476 г. обрела новый смысл и привнесла оттенок *героизма*

в образ нового владельца дворца, вскоре еще более явственный в противостоянии Феррары и Венеции в начале 1480-х гг. Фигура Эрколе I д'Эсте в силу событий его биографии становилась постепенно сопричастной деяниям предшественников и теснее с ними связывалась.

Со своей стороны, представление именно конной скульптуры маркиза на колонне оказывалось с точки зрения ренессансной литературной традиции абсолютно современным, хотя при этом включило новый портал в круг памятников мемориальной североитальянской скульптуры как более раннего, так и последующего времени. Так, в характерном для эпохи сопоставлении категорий природы и искусства именно образ коня соотносился с архитектурным понятием гармонии, а красота объединялась с пользой, являя, по Альберти, пример гармоничного членения, *partizione*, которое следует придать и архитектурному сооружению. В третьей главе седьмой книги своего архитектурного трактата Альберти писал: «Италия по присущей ей бережливости сначала решила, что в здании все должно быть не иначе, чем в живом существе. <...> Ибо, например, в лошади она видела, что это животное наиболее пригодно для тех именно целей, за которые хвалят форму его членов, и оттого считала, что прелесть форм никогда не бывает... отчуждена от требуемой пользы» [24, с. 180]. В своих рассуждениях Альберти развивает высказывавшиеся еще Джордано Руффо мысли об образе коня как «архитектуре во плоти» [25, р. 75–99]. И в этом плане украшение и дополнение архитектуры феррарского портала конной статуей (а скульптура в архитектуре, по Альберти, второстепенна) весьма соответствовали идеям времени.

В ретроспективе же эта статуя вставала в ряд ранних скульптур эпохи Треченто, веронских Скалигеров (в частности, Кагранде I делла Скала (1329)) или миланского Бернабо Висконти (работы Бонино да Кампионе (ок. 1360)). Тема ордерного основания, в свою очередь, связала феррарскую композицию с последующими конными статуями вплоть до венецианского монумента Бартоломео Коллеони работы Андреа дель Вероккьо (1480–1488), постамент которого в исполнении Леопарди окружили мощные упругие фусты, или нереализованной статуи самого Эрколе I д'Эсте на пьедестале Нова на ордерном постаменте (1498) [7, р. 228].

Причастный к исполнению *Arco del Cavallo* Барончелли посещал с поручениями и Верону, и Венецию, куда был послан для приобретения материалов и целых частей конструкции (*per comprare una colona* [14, р. 261]). Но спектр образов, определивших род статуи маркиза Никколо III, и круг их происхождения, вероятно, еще шире, и они находят точки соприкосновения с византийским миром: М. Фолин упоминает возможное значение

литературного описания императорской конной статуи в Константинополе, оставленного Прокопием Кесарийским в его труде «О постройках» (кн. I, 2.1) [8, р. 274], который мог быть известен мастерам. К тому же и в 1438–1445 гг., когда проходил Ферраро-Флорентийский собор, и в середине XV в. Феррара привлекала большое количество греков.

Можно заключить, что разнообразие трактовок монументальной скульптуры *Volto del Cavallo* в сознании современников не только освещало образ Никколо III д'Эсте вечной посмертной славой, но и поднимало престиж власти его преемников на новый уровень.

Со временем *Volto del Cavallo* оказывался во все более тесной связи с архитектурой и дворца, и города, что должно было по-разному прочитываться и особенно ощущаться при восприятии в динамике: при движении как с севера (от улицы Джовекка), так и с юга (от башни Ригобелло) и востока (от собора Дуомо ди Сан-Джорджо).

Хотя М. Фолин убедительно доказал, что нет веских оснований рассматривать *Arco del Cavallo* как интерпретацию темы античной триумфальной арки (в силу размера, расположения, отсутствия прямых отсылок к военной тематике в облачении наездника [14]), нельзя не отметить, что именно эта триумфальная форма могла учитываться Эрколе I уже при перемещении колонны Борсо в 1472 г. При приближении к *Volto del Cavallo* с севера взгляду открывался бронзовый силуэт Борсо в обрамлении арочного проема, что, с одной стороны, монументализировало образ первого герцога Феррары, а с другой – по мере обустройства *Расширения Эрколе* после 1492 г. этот мотив включался в тему фланкированных ордером, прорезанных арочными силуэтами торцовых фасадов палаццо на пьяцца Нова (мотив, впоследствии развитый на севере у Палладио, в палаццо Кьерикати). Однако вступающий под такую «триумфальную арку», например, частного дворца Рондинелли (Ронкегалли-Станкари) в Ферраре [26] все равно физически оказывался в пространстве этой архитектуры – на порядок ниже Борсо у дворца д'Эсте.

Но скульптуры сеньоров во вновь оформленном портале не были единственным украшением герцогского дворцового фасада: за ним вскоре последовало пластическое обогащение левой, южной, его части ярусной мраморной лоджией с тремя балконами – *tre bellissimi poggioli* [8, р. 195–196]. Она начиналась южнее, у башни Ригобелло, и тянулась вплоть до колонны Борсо. В каждом ярусе *poggioli* несли по 10 мраморных колонн (за исключением последней лоджии, состоявшей из 12 колонн) и опирались внизу на 10 мощных опор *di simil marmo* (того же мрамора) с растительными узорами и мраморными профильными бюстами римских императоров, описанными в документах как

выполненные по подобию изображений императоров на медалях (*tratti dale medaglie dei XII Imperatori*) и, возможно, связанные с творчеством Дезидерио де Сеттиньяно и «Жизнеописаниями...» Светония [8, р. 195–196].

В контексте рассуждений о восприятии декорации дворцового входа показателен момент соотношения скульптурной составляющей преобразованного *Volto del Cavallo* и соседней, примыкавшей к нему части фасада – упоминавшейся выше лоджии с балконами.

Скорее всего, рельефным бюстам римских императоров, ныне рассеянным по разным музеям (два из них остались в Ферраре, в Каза Ромеи, один – в Ровиго, еще один – в Париже, в Лувре), неслучайно было отведено место в нижней части лоджии. Они должны были открываться взглядам граждан и, соседствуя со скульптурными изображениями славных представителей рода д'Эсте, Никколо III и Борсо, пробуждать ассоциации образов последних с древними.

Более того, в композиции дворцового фасада портреты императоров, украшавшие первый ярус лоджии, вероятнее всего, располагались значительно ниже вознесенных на колонны скульптур, что подтверждается изображением этой теперь утраченной декорации в левой части гравюры с видом центра Феррары 1499 г. (*Biblioteca Estense, It. 429. Alpha. H. 5.3*) [6, р. 50–51]. Детали на ней просматриваются с трудом, однако при всей условности примерное соотношение частей герцогского дворца обнаруживает совсем небольшие размеры лоджии, даже при помещении ее на переднем плане.

Следовательно, в целом при приближении с юга вся композиция фасада производила эффект преобладания мощи и величия современных властителей Феррары, не только поднявшихся в своем доблестном правлении до уровня древних, но и *превзошедших* их в величии своей славы.

При всей значимости разных ракурсов преобладающей, что характерно для Кватроченто, оставалась прямая фасадная точка зрения, задействованная в феррарском случае на входе и выходе из *Volto del Cavallo*.

В контексте прямого взгляда и городской площади именно с обретением монументального скульптурного убранства новый портал вступил в художественный диалог с фасадной декорацией противоположащего феррарского Дуомо. Это взаимодействие и поныне актуализируется целой чередой факторов: изначальным совпадением осей портала Дуомо и *Volto del Cavallo*; сопоставимостью абсолютных масштабов этих входов и наличием в обоих случаях ордерного оформления; романским украшением тимпана портала Дуомо ди Сан-Джорджо рельефом с изображением всадника святого Георгия (1135), а дворца – конной статуей Никколо III, предваряю-

щими свое особое пространство, божественное культовое и принадлежащее сеньору светское соответственно.

В последнем случае образ феррарского светского правителя у портала не только вступает в переключку с героем церковной истории, но физически почти возносится до его уровня на колоннах. И это расположение акцентирует изменившееся к XV в. со времен мастера XII в. Никколо, автора соборного рельефа, отношение к человеку, не исключившее тем не менее и божественное. С переживанием такого «восходящего вектора» у *Volto del Cavallo* происходит расширение спектра смыслов: зритель, оставая за спиной, в стенах дворца, тему власти Эрколе I, переводя взгляд на его славных предшественников, по мере движения обращается к святому покровителю города и, наконец, к Всевышнему.

В этой образной переключке нельзя не отметить и стилистический эволюционный аспект. Хотя оригинальная конная скульптура Никколо III не сохранилась, доподлинно известно о ее постановке у стены дворца на арке. Стилистически украшение входа палаццо дель Корте круглой статуей XV в. противостоит романскому рельефу XII в. с изображением всадника Георгия – в той мере, в какой одному из предвестников пластики итальянского Проторенессанса, дающему пример начального шага в обособлении скульптуры от стены, может противостоять уже почти завоевавшая пространственную независимость скульптура второй половины Кватроченто, пусть еще визуальна и архитектурно со стеной связанная, но помещенная уже перпендикулярно ей.

Наконец, если учесть, что ось проема при центральной точке зрения *Volto del Cavallo* совпадает с расположенным напротив центральным порталом Дуомо, то, как и в скульптурном декоре, в теме восприятия главного входа палаццо дель Корте в динамике и пространстве возникают неаполитанские реминисценции: прямолинейность движения задействует центральную ось культового здания, как это было в Кастель Нуово, где триумфальной арке портала противостоит королевская часовня во дворе [19, р. 324].

Противоположное движение и вход через *Volto del Cavallo*, вопреки ожиданиям, скорее всего, не столько сужало или принижало круг образов и их прочтения, сколько переводило внимание в иную плоскость.

Дворец не раз перестраивался, и с очередным исчезновением интерьеров 1480-х гг. и нереализованностью ряда проектов оказалась утрачена возможность приблизиться к восприятию современников, но можно попытаться его реконструировать. Так, на входе вознесенные у портала статуи констатировали преемственность герцогской вла-

сти Эрколе. Однако вслед за преодолением границ этого входа взору гостя представлялось иное зрелище: нарядная, украшенная скульптурой лестница обширного двора. Согласно письменным источникам, в 1473 г., по сути сразу после перенесения ко входу статуи Борсо, для лестницы были отлиты и вызолочены две статуи Геркулеса [6, р. 194], общее впечатление от которых, как заметил Т. Таои, должно было напоминать скульптурную композицию внешнего портала, сверкающую позолоченными бронзовыми формами, вознесенными также на колонны. Насколько известно, была вызолочена и статуя Никколо III [14]. Эти парные скульптуры Геркулеса у лестницы не только напоминали о правителе Феррары Эрколе I, но и, скорее всего, вызвали гораздо более широкий спектр ассоциаций пространственного и временного характера.

С одной стороны, что касается первого, пространственного, географического аспекта, то Феррара, отличавшаяся в середине и конце XV в. особенно космополитическим характером [14, р. 266] и находившаяся в сложных, но тесных контактах с Венецией [6, р. 13, 124, 148, 157, 285, 378], приветствовавшая и греков, и египтян, и многих других иностранцев, скорее всего, наполнилась сведениями о новых географических экспедициях. Своеобразие периода конца XV в. как эпохи, когда Европа «простирала, усиливая, свою экспансию за пределы собственной территории» [27, с. 286], косвенно, но находило отражение и в архитектуре Феррары. Стремление преодолеть традиционные западные и восточные пределы доступного человеку мироздания концентрировало внимание на «западных» путях мореходства, пусть и в целях выхода на Восток. И в таком контексте могло быть оправданно и актуально аллегорическое напоминание в скульптуре о легендарных западных пределах ойкумены, Геркулесовых столпах. И пространственные ассоциации дополняли личностные (тему герцога Эрколе).

С другой стороны, помещение у дворцового входа и вблизи него скульптур мифологических и исторических персонажей усиливало временной аспект в прочтении этой архитектуры. Перед глазами входящего появлялись образы прежних сеньоров, и у лестницы возникала скульптура, вызывавшая ассоциации с правящим герцогом, что в своей совокупности привносило в переживание архитектуры портала и примыкающих к нему частей дворца обостренное ощущение средневекового временного континуума, которое можно определить, прибегая к категориям А. Гуревича, как «время, осознаваемое антропоморфно», как смену человеческих поколений, «родовое время», в котором современный герой – герцог – представляется лишь «звеном в цепи» [28, с. 63]; наконец, как время, очевидно соотношенное в портале и лестнице палаццо

дель Корте с идеей героизма (героизированный облик Никколо III, святой Георгий, Геркулес). Еще традиционное мироощущение здесь находит формальное воплощение в новых своеобразных ренессансных формах.

В свете темы географических пределов и значимых для Феррары контактов важно также развитие интонации *Volto del Cavallo* в новом противоположащем ему входе.

Герцогский дворец д'Эсте после реконструкции 1470-х гг. обрел второй, «внутренний» портал на оси *Volto del Cavallo*. Появление первой арки дворца над дорогой, противоположащей *Volto* и ведущей к Сан-Доменико, относится еще к 1443 г. [8, р. 197], но ее вряд ли можно было расценивать как портал, как и сам *Volto del Cavallo* до реконструкции 1472 г. Однако работы начала 1470-х гг. затронули и эту архитектурную форму, и на месте арки появился полноценный портал, о формах которого ныне сложно судить достоверно, но который точно располагался во дворе напротив главного входа с пьядца Дуомо. С его появлением стал более ограничен доступ в новый перестроенный двор герцогского комплекса, уже к тому времени обнесенный поясом мерлонов [8, р. 199]. Укрепление тирании сопровождалось сложением наиболее замкнутой структуры дворца д'Эсте.

Удвоение темы, скандирование ее на одной оси, подчеркнувшее репрезентативность палаццо дель Корте, вводит весь комплекс в сферу венецианских

реминисценций, Порта делла Карта (1439–1442) и Арко Фоскари (1450) в палаццо Дукале в Венеции. Отличие состояло лишь в том, что за пределами дворцового комплекса в Ферраре череда его торжественных входов уже изначально нашла поддержку в портале самого Дуомо, а в Венеции обрела ее позднее, ближе к середине следующего столетия, с сооружением единственной из трех задуманных Лоджетты Сансовино (с 1538 г.), поддерживавшей ритм проемов входа дворца Дожей [29, р. 85–86].

Скорее всего, череда проемов, в которую оказался включен и *Volto del Cavallo*, была лишь одним из оригинальных решений, из которых складывалась во второй половине XV в. большая феррарская архитектурная интерпретация темы венецианского палаццо Дукале в облике палаццо дель Корте. И проблема порталов, и сопоставимость масштабов, проистекающая из соображений представительности власти, а не из оборонительных идей, и протяженность нижних лоджий в Ферраре, продолженных правее, севернее *Arco del Cavallo*, трудами Бьяджо Россетти в 1491–1493 гг. [9, р. 125–127], наряду с утраченным геометрическим декором верхней части фасада, – все это свидетельствует о творческом отображении в архитектуре палаццо д'Эсте и особой роли отношений герцогства с соседней Венецией (сложных, противоречивых, но длительных и разносторонних), и значимости венецианской стилистики для Феррары, заслуживающей отдельного рассмотрения.

Заключение

При всей своей неординарности *Volto del Cavallo*, по своим характеристикам выступающий близким североитальянскому ломбардо-венецианскому типу итальянского ренессансного портала, воспринял традиционные его функции, пусть в соответствии со своеобразием феррарской культурно-исторической атмосферы. Нехарактерная для такой монументальной формы архитектуры поступательность выстраивания отразила в нем спорадически обострявшуюся потребность утверждения прав феррарских сеньоров на преемственность власти. Своеобразие венчающей и опосредованно связанной с порталом монументальной скульптуры послужило одним из средств для включения образа правящего герцога и его личной истории, времени и биографии в историю рода, герцогства, «государ-

ственного мифа» и даже всего доступного западному человеку мироздания, причем в переплетении семантических ассоциаций образ феррарского сеньора в прямом смысле оказывался, в духе своей эпохи, на пересечении традиций античной, языческой и христианской. Массивная, уравновешенная композиция *Volto del Cavallo* стала к концу века восприниматься не только как органическая часть пространства старой Феррары, но и во взаимодействии с Феррарой новой, с *Расширением Эрколе*, воссоединяя тем самым архитектуру герцогского дворца с городом, содействуя включению последнего в художественный диалог с отдаленными землями, а славу тирана простирая далеко за пределы Феррары. Все это послужило прославлению памяти д'Эсте XV в. вплоть до сего дня.

Библиографические ссылки

1. Frommel CL. Living all'antica. Palaces and villas from Brunelleschi to Bramante. In: Millon HA, editor. *Italian Renaissance architecture from Brunelleschi to Michelangelo*. London: Thames and Hudson; 1994. p. 183–204.
2. Beltramo S, Cantatore F, Folini M, editors. *A Renaissance Architecture of Power. Princely Palaces in the Italian Quattrocento*. Leiden: Brill; 2016. 466 p.
3. Frommel CL. *The Architecture of the Italian Renaissance*. London: Thames and Hudson; 2007. 384 p.
4. Heydenreich LH. *Architecture in Italy. 1400–1500*. Hong Kong: Yale University Press; 1996. 196 p.

5. Millon HI, editor. *Italian Renaissance architecture*. London: Thames and Hudson; 1996. 456 p.
6. Tuohy A. *Herculean Ferrara. Ercole d'Este and the Invention of a Ducal Capital*. Cambridge: Cambridge University Press; 2016. XXXII, 534 p.
7. Colantuolo A. Estense patronage and the construction of the ferrarese Renaissance. 1395–1595. In: Rosenberg ChM, editor. *The court cities of Northern Italy*. Cambridge: Cambridge University Press; 2010. p. 196–243.
8. Folin M. The renewal of Ferrara's Court Palace under Ercole I d'Este. In: Beltramo S, Cantatore F, Folin M, editors. *A Renaissance Architecture of Power. Princely Palaces in the Italian Quattrocento*. Leiden: Brill; 2016. p. 194–195.
9. Zevi B. *Saper vedere la città. Ferrara di Biagio Rossetti. La prima città moderna d'Europa*. Milano: Giunti Editore; 2018. 336 p.
10. Padovani G. L'edilizia artistica ferrarese nella sua evoluzione storica. In: *Bazzoni R, Ravenna P, a cura di. Ferrara. Spazi, Orizzonti. 1958. Convegno sull'edilizia artistica ferrarese*. Vicenza: Neri Pozza Editore; 1979. p. 26–27.
11. Bassi C, Peron M, Savioli G, a cura di. *Ercole d'Este. Strada degli Angeli e dei Piozzoni. Anticipazioni di ricerche e studi compendiate per un convegno e un libro sui primi 500 anni dell'Addizione*. Ferrara: Liberty House; 1991. 72 p.
12. Bassi C, Peron M, Savioli G, a cura di. *Ferrara. 1492–1992. La strada degli Angeli e il suo Quadrivio (utopia, disegno e storia urbana)*. Ferrara: Gabriele Corbo Editore; 1992. 312 p.
13. Cavicchi M. L'architettura e l'urbanistica a Ferrara nel XV secolo. In: Lollini F, Pigozzi M, a cura di. *Emilia Romagna Rinascimentale*. Milan: Jaca Book; 2007. p. 161–173.
14. Folin M. La committenza estense, l'Alberti e il palazzo di Corte di Ferrara. In: Calzona A, Connors J, Fiore FP, Vasoli C, a cura di. *Leon Battista Alberti. Architetture e committenti*. Firenze: Olschi; 2009. p. 257–304.
15. Sambin de Norcen MT. «Attolli super ceteros mortales»: l'arco del Cavallo a Ferrara. In: Calzona A, Connors J, Fiore FP, Vasoli C, a cura di. *Leon Battista Alberti. Architetture e committenti*. Firenze: Olschi; 2009. p. 349–391.
16. Ceccarelli F. La Fabbrica del campanile della Cattedrale. In: Calzona A, Connors J, Fiore FP, Vasoli C, a cura di. *Leon Battista Alberti. Architetture e committenti*. Firenze: Olschi; 2009. p. 305–347.
17. Буркхардт Я. *Культура Италии в эпоху Возрождения*. Бриллиант С, переводчик. Смоленск: Русич; 2002. 441 с.
18. Thornton P. *The Italian Renaissance Interior. 1400–1600*. London: Weidenfeld and Nicolson; 1991. 408 p.
19. Devitiis B. Alfonso I of Naples and the Art of building: Castel Nuovo in a European context. In: Beltramo S, Cantatore F, Folin M, editors. *A Renaissance Architecture of Power. Princely Palaces in the Italian Quattrocento*. Leiden: Brill; 2016. p. 320–353.
20. Ward-Perkins JB. *Architettura Romana. Traduzione dal testo originale inglese a cura di Anna Bacigalupo*. Milano: Electa; 1979. 208 p.
21. Burckhardt J. *The Architecture of the Italian Renaissance*. Chicago: University of Chicago Press; 1985. 283 p.
22. Bozzoni C. L'architettura romanica padana, l'Europa gotica e la cattedrale di Ferrara. In: Dalla Negra R, Ippoliti A, a cura di. *La città di Ferrara: architettura e restauro. Giornata di studi. Atti della giornata di studi 26 settembre 2012*. Roma: Ginevra Bentivoglio; 2014. p. 13–24.
23. Ferretti E. The Medici palace, Cosimo the Elder, and Michelozzo: a historiographical survey. In: Beltramo S, Cantatore F, Folin M, editors. *A Renaissance Architecture of Power. Princely Palaces in the Italian Quattrocento*. Leiden: Brill; 2016. p. 263–289.
24. Альберти ЛБ. *Десять книг о зодчестве. Том 1*. Зубов ВП, переводчик. Москва: Издательство Всесоюзной академии архитектуры; 1935. XXIX, 392 с.
25. Brandt KW-G. The relation of sculpture and architecture in the Renaissance. In: Millon HI, editor. *Italian Renaissance architecture*. London: Thames and Hudson; 1996. p. 75–99.
26. Ambrogio K. Palazzo Rondinelli: note sul contributo di Ercole de'Roberti in architettura. In: Dalla Negra R, Ippoliti A, a cura di. *La città di Ferrara: architettura e restauro. Giornata di studi. Atti della giornata di studi 26 settembre 2012*. Roma: Ginevra Bentivoglio; 2014. p. 119–129.
27. Ле Гофф Ж. *Рождение Европы*. Санкт-Петербург: Александрия; 2014. 398 с.
28. Гуревич А. *Индивид и социум на средневековом Западе*. Санкт-Петербург: Александрия; 2009. 496 с.
29. Lotz W. *Architecture in Italy. 1500–1600*. Howard D, editor. New Heaven: Yale University Press; 1995. 205 p.

References

1. Frommel CL. Living all'antica. Palaces and villas from Brunelleschi to Bramante. In: Millon HA, editor. *Italian Renaissance architecture from Brunelleschi to Michelangelo*. London: Thames and Hudson; 1994. p. 183–204.
2. Beltramo S, Cantatore F, Folin M, editors. *A Renaissance Architecture of Power. Princely Palaces in the Italian Quattrocento*. Leiden: Brill; 2016. 466 p.
3. Frommel CL. *The Architecture of the Italian Renaissance*. London: Thames and Hudson; 2007. 384 p.
4. Heydenreich LH. *Architecture in Italy. 1400–1500*. Hong Kong: Yale University Press; 1996. 196 p.
5. Millon HI, editor. *Italian Renaissance architecture*. London: Thames and Hudson; 1996. 456 p.
6. Tuohy A. *Herculean Ferrara. Ercole d'Este and the Invention of a Ducal Capital*. Cambridge: Cambridge University Press; 2016. XXXII, 534 p.
7. Colantuolo A. Estense patronage and the construction of the ferrarese Renaissance. 1395–1595. In: Rosenberg ChM, editor. *The court cities of Northern Italy*. Cambridge: Cambridge University Press; 2010. p. 196–243.
8. Folin M. The renewal of Ferrara's Court Palace under Ercole I d'Este. In: Beltramo S, Cantatore F, Folin M, editors. *A Renaissance Architecture of Power. Princely Palaces in the Italian Quattrocento*. Leiden: Brill; 2016. p. 194–195.
9. Zevi B. *Saper vedere la città. Ferrara di Biagio Rossetti. La prima città moderna d'Europa*. Milano: Giunti Editore; 2018. 336 p.
10. Padovani G. L'edilizia artistica ferrarese nella sua evoluzione storica. In: *Bazzoni R, Ravenna P, a cura di. Ferrara. Spazi, Orizzonti. 1958. Convegno sull'edilizia artistica ferrarese*. Vicenza: Neri Pozza Editore; 1979. p. 26–27.
11. Bassi C, Peron M, Savioli G, a cura di. *Ercole d'Este. Strada degli Angeli e dei Piozzoni. Anticipazioni di ricerche e studi compendiate per un convegno e un libro sui primi 500 anni dell'Addizione*. Ferrara: Liberty House; 1991. 72 p.

12. Bassi C, Peron M, Savioli G, a cura di. *Ferrara. 1492–1992. La strada degli Angeli e il suo Quadrivio (utopia, disegno e storia urbana)*. Ferrara: Gabriele Corbo Editore; 1992. 312 p.
13. Cavicchi M. L'architettura e l'urbanistica a Ferrara nel XV secolo. In: Lollini F, Pigozzi M, a cura di. *Emilia Romagna Rinascimentale*. Milan: Jaca Book; 2007. p. 161–173.
14. Folin M. La committenza estense, l'Alberti e il palazzo di Corte di Ferrara. In: Calzona A, Connors J, Fiore FP, Vasoli C, a cura di. *Leon Battista Alberti. Architetture e commitenti*. Firenze: Olschi; 2009. p. 257–304.
15. Sambin de Norcen MT. «Attolli super ceteros mortales»: l'arco del Cavallo a Ferrara. In: Calzona A, Connors J, Fiore FP, Vasoli C, a cura di. *Leon Battista Alberti. Architetture e commitenti*. Firenze: Olschi; 2009. p. 349–391.
16. Ceccarelli F. La Fabbrica del campanile della Cattedrale. In: Calzona A, Connors J, Fiore FP, Vasoli C, a cura di. *Leon Battista Alberti. Architetture e commitenti*. Firenze: Olschi; 2009. p. 305–347.
17. Burckhardt J. *Kul'tura Italii v epokhu Vozrozhdeniya* [The civilization of the Renaissance in Italy]. Brilliant S, translator. Smolensk: Rusich; 2002. 441 p. Russian.
18. Thornton P. *The Italian Renaissance Interior. 1400–1600*. London: Weidenfeld and Nicolson; 1991. 408 p.
19. Devitiis B. Alfonso I of Naples and the Art of building: Castel Nuovo in a European context. In: Beltramo S, Cantatore F, Folin M, editors. *A Renaissance Architecture of Power. Princely Palaces in the Italian Quattrocento*. Leiden: Brill; 2016. p. 320–353.
20. Ward-Perkins JB. *Architettura Romana. Traduzione dal testo originale inglese a cura di Anna Bacigalupo*. Milano: Electa; 1979. 208 p.
21. Burckhardt J. *The Architecture of the Italian Renaissance*. Chicago: University of Chicago Press; 1985. 283 p.
22. Bozzoni C. L'architettura romanica padana, l'Europa gotica e la cattedrale di Ferrara. In: Dalla Negra R, Ippoliti A, a cura di. *La città di Ferrara: architettura e restauro. Giornata di studi. Atti della giornata di studi 26 settembre 2012*. Roma: Ginevra Bentivoglio; 2014. p. 13–24.
23. Ferretti E. The Medici palace, Cosimo the Elder, and Michelozzo: a historiographical survey. In: Beltramo S, Cantatore F, Folin M, editors. *A Renaissance Architecture of Power. Princely Palaces in the Italian Quattrocento*. Leiden: Brill; 2016. p. 263–289.
24. Alberti LB. *Desyat' knig o zodchestve. Tom 1* [Ten books on architecture. Volume 1]. Zubov VP, translator. Moscow: Izdatel'stvo Vsesouznoi akademii arkhitektury; 1935. XXIX, 392 p. Russian.
25. Brandt KW-G. The relation of sculpture and architecture in the Renaissance. In: Millon HI, editor. *Italian Renaissance architecture*. London: Thames and Hudson; 1996. p. 75–99.
26. Ambrogio K. Palazzo Rondinelli: note sul contributo di Ercole de'Roberti in architettura. In: Dalla Negra R, Ippoliti A, a cura di. *La città di Ferrara: architettura e restauro. Giornata di studi. Atti della giornata di studi 26 settembre 2012*. Roma: Ginevra Bentivoglio; 2014. p. 119–129.
27. Le Goff J. *Rozhdenie Evropy* [The birth of Europe]. Saint Petersburg: Alexandria; 2014. 398 p. Russian.
28. Gurevich A. *Individ i sotsium na srednevekovom Zapade* [Individual and Society in the Medieval West]. Saint Petersburg: Alexandria; 2009. 496 p. Russian.
29. Lotz W. *Architecture in Italy. 1500–1600*. Howard D, editor. New Heaven: Yale University Press; 1995. 205 p.

Статья поступила в редколлегию 17.01.2019.
Received by editorial board 17.01.2019.

УДК 7.034.4

БРЕВИАРИЙ ЭРКОЛЕ I Д'ЭСТЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ФЕРРАРСКОЙ МИНИАТЮРЕ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI в.

Д. А. ЧУРКИНА¹⁾

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

Исследуется один из ключевых памятников феррарской школы книжной миниатюры Раннего Возрождения – breviary Эрколе I д'Эсте (1502–1505). Констатируется, что создание этой рукописи пришлось на время активного развития книгопечатания, что подчеркивает ее особый статус и значение для заказчика – герцога Феррары Эрколе I д'Эсте, а также свидетельствует об устойчивости художественной традиции при феррарском дворе. Показано, что в первые годы XVI в. осуществлялся переход от образного языка Раннего Возрождения к принципиально иным традициям искусства Высокого Ренессанса, что в первую очередь выражалось в усилении роли классических мотивов. Бrevиарий Эрколе I д'Эсте выступает наглядным примером развития классической традиции в феррарской книжной миниатюре. В статье рукопись представлена в контексте придворной культуры ренессансной Феррары, проводится стилистический и иконографический анализ декоративного оформления манускрипта. Сделан вывод о том, что создание breviary отразило личность Эрколе I д'Эсте, способствовавшего развитию в Ферраре гуманистической культуры. В то же время герцог отличался личной религиозностью, которая была возведена в ранг важной добродетели правителя. Указано, что значительную роль в декорировании breviary Эрколе I д'Эсте сыграл Маттео да Милано – представитель ломбардской школы книжной миниатюры. Именно ему принадлежат наиболее классицизирующие элементы декора рукописи. Кроме него, в оформлении манускрипта участвовали и другие художники, чьи миниатюры больше связаны с феррарской традицией XV в. Утверждается, что в искусстве Феррары классическая традиция, как правило, была одним из проявлений политики великолетия. Высказано предположение о том, что изобилие классических мотивов в breviary Эрколе I д'Эсте могло быть целью заказчика, пожелавшего таким образом прославить себя в глазах современников и потомков.

Ключевые слова: итальянское Возрождение; искусство Феррары; книжная миниатюра; Эрколе I д'Эсте; классическая традиция.

БРЭВІАРІЙ ЭРКОЛЕ I Д'ЭСТЭ І КЛАСІЧНАЯ ТРАДЫЦЫЯ ў ФЭРАРСКАЙ МІНІАЦЮРЫ КАНЦА XV – ПАЧАТКУ XVI ст.

Д. А. ЧУРКІНА^{1*}

^{1*}Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава,
Ленінскія горы, 1, 119991, г. Масква, Расія

Даследуецца адзін з ключавых помнікаў ферарскай школы кніжнай мініяцюры Ранняга Адраджэння – брэвіарый Эрколе I д'Эстэ (1502–1505). Канстатуецца, што стварэнне гэтага рукапісу прыпадае на час актыўнага развіцця кнігадрукавання, што падкрэслівае яго асаблівы статус і значэнне для заказчыка – герцага Ферары Эрколе I д'Эстэ,

Образец цитирования:

Чуркина ДА. Бrevиарий Эрколе I д'Эсте и классическая традиция в феррарской миниатюре конца XV – начала XVI в. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2019;2:96–104.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-96-104>.

For citation:

Churkina DA. The breviary of Ercole I d'Este and the classical tradition in Ferrara illumination of the end 15th – the beginning 16th century. Journal of the Belarusian State University. History. 2019;2:96–104. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-96-104>.

Автор:

Дарья Александровна Чуркина – аспирантка кафедры всеобщей истории искусства исторического факультета. Научный руководитель – доктор искусствоведения, профессор И. И. Тучков.

Author:

Daria A. Churkina, postgraduate student at the department of general art history, faculty of history.
daria-4991@mail.ru

а таксама сведчыць пра ўстойлівасць мастацкай традыцыі пры ферарскім двары. Паказана, што ў першыя гады XVI ст. ажыццяўляўся пераход ад вобразнай мовы Ранняга Адраджэння да прынцыпова іншых традыцый мастацтва Высокага Рэнесансу, што ў першую чаргу выяўлялася ва ўзмацненні ролі класічных матываў. Брэвіяры Эрколе I д'Эстэ выступае наглядным прыкладам развіцця класічнай традыцыі ў ферарскай кніжнай мініяцюры. У артыкуле рукапіс прадстаўлены ў кантэксце прыдворнай культуры рэнесанснай Ферары, праводзіцца стылістычны і іконаграфічны аналіз дэкаратыўнага афармлення манускрыпта. Зроблена выснова аб тым, што стварэнне брэвіярыя адлюстравала асобу Эрколе I д'Эстэ, які садзейнічаў развіццю ў Ферары гуманістычнай культуры. У той жа час герцаг адрозніваўся асабістай рэлігійнасцю, якая была ўзведзена ў ранг важнай дабрадзеянай якасці правіцеля. Паказана, што значную ролю ў дэкарыраванні брэвіярыя Эрколе I д'Эстэ сыграў Матэа да Мілана – прадстаўнік ламбардскай школы кніжнай мініяцюры. Менавіта яму належаць найбольш класіцызаваныя элементы дэкору рукапісу. Акрамя яго, у афармленні манускрыпта ўдзельнічалі і іншыя мастакі, чые мініяцюры больш звязаны з ферарскай традыцыяй XV ст. Сцвярджаецца, што ў мастацтве Ферары класічная традыцыя, як правіла, была адной з праяў палітыкі хараства. Выказана меркаванне пра тое, што багацце класічных матываў у брэвіяры Эрколе I д'Эстэ магло быць мэтай заказчыка, які пажадаў такім чынам праславіць сябе ў вачах сучаснікаў і нашчадкаў.

Ключавыя словы: італьянскае Адраджэнне; мастацтва Ферары; кніжная мініяцюра; Эрколе I д'Эстэ; класічная традыцыя.

THE BREVIARY OF ERCOLE I D'ESTE AND THE CLASSICAL TRADITION IN FERRARA ILLUMINATION OF THE END 15th – THE BEGINNING 16th CENTURY

D. A. CHURKINA^a

^aLomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

The article presents one of the masterpieces of Renaissance Ferrara illumination – the Breviary of Ercole I d'Este (1502–1505). This manuscript was created during the active development of printing, and this fact underlines its special status and importance for the customer, and also demonstrates the stability of artistic traditions at the Ferrara court. At the same period – the first years of the 16th century – the artistic language of the Early Renaissance was changed for completely different traditions of the High Renaissance art. First of all, it was expressed in the leading role of classical motifs. The Breviary of Ercole I demonstrates the development of the classical tradition in Ferrara illumination. The article presents the manuscript in the context of the court culture of Renaissance Ferrara, providing the stylistic and iconographic analysis of the manuscript decor. The creation of the Breviary of Ercole I reflected the identity of his customer, Duke Ercole I d'Este, who contributed to the development of the humanistic culture in Ferrara. At the same time, Ercole I was a very religious man, and his personal religiosity became an important virtue of a ruler. Matteo da Milano, a representative of the Lombard school of book illumination, characterized by the classical ornamental decoration, created the most impressive elements of the manuscript decor. Besides him, there were other artists to decorate the Breviary, but their miniatures are more connected with the 15th century local tradition. In the art of Ferrara, the classical tradition took part of the «politics of magnificence». The abundance of classical motifs in this manuscript, thus, could be the goal of the customer who wished to glorify himself in this special way.

Keywords: Italian Renaissance; art of Ferrara; book illumination; Ercole I d'Este; classical tradition.

Введение

В эпоху Раннего Возрождения классическая традиция, постепенно утверждавшаяся в искусстве Италии, еще находилась в поиске путей и способов выражения. В каждом из центров итальянского Ренессанса она обретала собственный вариант воплощения, обусловленный местными художественными и культурными традициями. Античные мотивы проникали во все виды изобразительного искусства – от монументальной живописи до книжной миниатюры. Особенно ярко и динамично книжная миниатюра развивалась при дворе феррарских герцогов д'Эсте, где для представителей правящей ди-

настии создавались великолепные манускрипты. Одним из них стал бревииарий (*Breviarium Romanum*) герцога Эрколе I д'Эсте 1502–1505 гг., хранящийся в Библиотеке Эстенсе в г. Модене (бывшая библиотека герцогов д'Эсте) (*Alfa. V. G. 11 = Ms. Lat. 424*). Эта иллюминированная рукопись, созданная в эпоху активного развития книгопечатания, стала одним из последних шедевров не только феррарской, но и итальянской книжной миниатюры. Время ее появления – первые годы XVI в., когда художественные традиции Раннего Возрождения уже уступали дорогу новому, более сложному и в то же время

унифицированному образному языку Высокого Ренессанса. Бревиарий Эрколе I д'Эсте стал одним из ключевых памятников, представляющих бытование классической традиции в феррарской школе книжной миниатюры.

Искусство Феррары эпохи Возрождения в российском искусствознании до сих пор изучалось, как правило, на примере памятников архитектуры, станковой и монументальной живописи. Феррарская миниатюра, напротив, до сих пор не

была предметом отдельного исследования. В связи с этим основными задачами данной работы представляются изучение бревиария Эрколе I д'Эсте в контексте придворной культуры ренессансной Феррары, а также анализ декоративного оформления рукописи и его связи с классической традицией. Однако, чтобы полностью понять самобытность этого манускрипта, необходимо представить исторический и художественный контексты эпохи, в которой стало возможно его появление.

Теоретические основы исследования

Изучение классической традиции, бытовавшей в иллюминированных рукописях, предполагает как стилистический, так и иконографический анализ памятника с привлечением большого объема сравнительного материала. Бревиарий Эрколе I д'Эсте хорошо известен специалистам в области искусства Феррары и североитальянского Раннего Возрождения в целом. Он подробно описывается в исследовании представителя венской школы искусствоведения Г. Ю. Германа, опубликованном в 1900 г. в престижном журнале «Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlungen des allerhöchsten Kaiserhauses» [1; 2]. Однако в широкий научный оборот рукопись была введена относительно недавно, лишь во второй половине XX в. Среди значимых научных трудов, в которых бревиарий Эрколе I д'Эсте рассматривается в контексте феррарской миниатюры XV – начала XVI в., необходимо выделить каталог

иллюминированных рукописей Феррары, хранящихся в Библиотеке Эстенсе [3], и каталог выставки «Миниатюра в Ферраре. От времени Козимо Туры до наследия Эрколе де Роберти» [4], составленный при участии ведущих специалистов в данной области Дж. М. Кановы и Ф. Тониоло. Этот выставочный каталог может считаться коллективной монографией, посвященной феррарской школе миниатюры периода ее расцвета (середина – вторая половина XV в.), где каждый из представленных памятников снабжен подробным научным комментарием.

В 2011 г. свет увидело факсимильное издание бревиария Эрколе I д'Эсте [5], сопровождаемое подробнейшим научным комментарием группы исследователей во главе с Эрнесто Милано. Ввиду ряда сложностей, сопряженных с доступом к памятникам книжной миниатюры, данное издание способствует новому этапу изучения бревиария.

Результаты и их обсуждение

В 1471 г. правителем Феррарского герцогства стал Эрколе I д'Эсте (1471–1505). Он был первым законнорожденным сыном маркиза Феррары Никколо III д'Эсте (правил в 1393–1441 гг.), однако занять престол ему удалось лишь в возрасте почти 40 лет, после нескольких десятилетий поочередного правления его сводных старших братьев Леонелло (1441–1450) и Борсо (1450–1471). Тем не менее Эрколе I сохранял и развивал традиции феррарского двора, заложенные его отцом и братьями. Вслед за ними он активно способствовал развитию гуманистической культуры в Ферраре, покровительствовал искусствам. Несмотря на опустошительные войны, пришедшиеся на его продолжительное правление, на рубеже веков Эрколе I вместе с придворным архитектором Бьяджо Россетти сумел реализовать масштабнейший градостроительный проект, вошедший в историю как «Расширение Эрколе» (*Addizione Ercolea*). В результате территория Феррары увеличилась вдвое: к северу от средневекового города раскинулись огромные пространства, организованные согласно принципам регулярной планировки. Были перестроены и расширены многие городские и загородные дворцы.

Именно деятельность Эрколе I д'Эсте позволила Я. Буркхардту впоследствии назвать Феррару первым современным европейским городом [6, с. 38].

Несмотря на то что все правившие сыновья маркиза Никколо III внесли значительный вклад в развитие Феррары как центра Ренессанса, особенности личности каждого из них определяли вектор развития придворной культуры. Леонелло, жадно стремившегося прикоснуться к классической Античности посредством изучения латинских авторов и коллекционирования древностей, сменил Борсо, который предпочитал ученым занятиям в студиоло традиционные придворные развлечения и охоту в угодьях многочисленных загородных поместий. Однако стремление Борсо к роскоши переплеталось в нем с глубокой набожностью и религиозностью. Эрколе I в некоторой степени сочетал в себе склонности старших братьев. Превосходный знаток военного дела, он получил и прекрасное гуманистическое образование. Продолжая традицию, заложенную еще отцом, он постоянно расширял придворную библиотеку, целенаправленно занимаясь подбором произведений. Кроме того, он способствовал переводу текстов античных авторов

на народный язык – *volgare*. Наивысшим проявлением интереса к классической культуре при дворе д'Эсте в период правления Эрколе I были театральные постановки произведений античных авторов на *volgare*, первой из которых стала в 1486 г. комедия Плавта «Менехмы».

В то же время Эрколе I отличался особой религиозностью, находившей отражение в его внутренней политике. Так, при нем были основаны 14 новых монастырей и церквей, а более 10 существовавших ранее отреставрировали и расширили. Герцог регулярно совершал паломничества, часто посещал придворную капеллу, делал щедрые пожертвования монастырям и раздавал милостыню неимущим. Его набожность и страсть к театру встречались в причудливом симбиозе: так, ежегодно на праздник Эпифании герцог одевался нищим и просил в пользу неимущих милостыню на улицах, а в Страстную неделю омывал ноги беднякам, число которых с каждым годом увеличивалось [5, р. 23]. Возможно, различные трудности, сопровождавшие правление Эрколе I, – войны, экономические кризисы – с годами способствовали усилению личной религиозности герцога. С другой стороны, подобное поведение было признаком добродетели Эрколе I как истинного христианского правителя. В последние десятилетия вслед за своей супругой Элеонорой Арагонской, скончавшейся в 1493 г., он все больше окружал себя книгами религиозного содержания [7, р. 19].

С 1471 г. в Ферраре, как и в Венеции и Риме, стало распространяться книгопечатание. Однако культура рукописной книги при феррарском дворе сохранялась: придворная библиотека продолжала пополняться рукописями, и чтение оставалось одним из важных придворных занятий. Рукописная иллюминированная книга становилась необходимым атрибутом великолепия (лат. *Magnificentia*) – одной из важных добродетелей герцога согласно идеологии феррарского двора. Во многом этим объясняется существовавшая среди правителей традиция заказывать богато иллюстрированные рукописи религиозного назначения, преимущественно для частного пользования, – Библии, брeвиарии и часословы. Часто подобные книги использовались не столько по прямому назначению, сколько для демонстрации богатства и вкуса владельца. Так, на создание знаменитой Библии Борсо д'Эсте (1455–1461), по праву считающейся самым роскошным манускриптом Ренессанса (Библиотека Эстенсе, Модена. *Lat. 422–423 = Ms. V.G. 12–13*), была потрачена небывалая сумма – почти 5 тыс. лир.

Традиция создания роскошных рукописей для представителей династии сохранялась вплоть до первых десятилетий XVI в., т. е. на протяжении всего правления Эрколе I. Еще в 1460-х гг., в правление Борсо, для Эрколе I изготовили миссал в па-

мять о получении им титула губернатора Модены и Реджо (Милан, Библиотека Тривульциана. *Triv. 2165*). Однако лишь спустя более чем 30 лет, в 1502–1505 гг., была создана главная богослужебная книга герцога – брeвиарий, содержащий различные литургические тексты (*Breviarium secundum consuetudinem Romanae Curiae*). Рукопись размером 370×265 мм и объемом 491 лист в документах упоминалась как *breviario grande*, т. е. большой брeвиарий [2, р. 168]. Хотя формально книга предназначалась для личного использования герцогом, ее размеры и богатство декора говорят о том, что заказчик и исполнители манускрипта продолжали традиции политики великолепия, заложенные Борсо. Скорее всего, брeвиарий предназначался для придворной капеллы, входившей в комплекс герцогского дворца. Хотя капелла использовалась в первую очередь для приватной молитвы герцога и членов его семьи, в подобных богослужениях могли принимать участие и придворные. Это было признаком элитарности культуры феррарского двора, где искусство в значительной степени выступало средством формирования престижа правящей династии.

Созданному в начале XVI в. брeвиарию Эрколе I д'Эсте предстояла драматичная судьба: в составе придворной библиотеки в конце столетия он оказался в Модене, куда двор д'Эсте был вынужден переехать после перехода Феррары под власть Папского государства в 1598 г. Рукопись находилась в герцогской библиотеке Модены вплоть до 1859 г., когда население герцогства в ходе плебисцита высказалось за присоединение к Итальянскому королевству во главе с королем Виктором Эммануилом II. Герцог Франческо V Австрийский д'Эсте был вынужден покинуть Модену, взяв с собой казну, значительную часть дворцового имущества и часть библиотеки, включая самые знаменитые манускрипты – Библию Борсо, брeвиарий Эрколе I д'Эсте и часослов Альфонсо I. Остаток жизни наследник рода д'Эсте провел между династической резиденцией в Венето и Веной. После смерти герцога в 1875 г. рукопись вместе с остальным имуществом стала частью наследства эрцгерцога Франца Фердинанда, унаследовавшего титул герцогов Австрийских д'Эсте. После убийства эрцгерцога в 1914 г. его имущество перешло к последнему императору Австро-Венгрии Карлу I. С распадом империи в 1918 г. Карл I покинул Австрию вместе с частью имущества, среди которого был и брeвиарий Эрколе I д'Эсте. Лишь в 1929 г. манускрипт был обнаружен на антикварном рынке итальянским библиофилом Т. де Маринисом, по чьей инициативе книга была возвращена в библиотеку Модены спустя 10 лет [3, р. 182]. Во время пребывания в Вене рукопись лишилась четырех полностью иллюминированных страниц, которые были переданы

в Хорватскую академию искусств как дар епископа Йосипа Юрая Штроссмайера, бывшего капелланом при венском дворе. В настоящее время они по-прежнему находятся в г. Загребе, в Галерее старых мастеров Штроссмайера (*Inv. SGG.335–338*).

Основной массив выполненного готическим шрифтом текста разделен на две колонки, лишен иллюстраций и украшен маргинальными изящными филигранными фризами с включением цветочных побегов. Рукопись содержит 44 полностраничные миниатюры с широкими фризами и фигуративными композициями, 12 страниц украшены миниатюрами только наполовину. Также рукопись насчитывает 64 виньетки, 47 крупных и 245 мелких

историзированных инициалов, а также 31 инициал, выполненный цветом.

По традиции breviарий открывается календарем (с. 1r–6v). Его тексты заключены в рамки с изысканными виньетками из стилизованных побегов красных, синих и зеленых цветов, характерных для феррарской миниатюры еще с середины XV в. Начало каждой страницы сопровождается небольшой квадратной виньеткой с традиционными изображениями сельских и придворных занятий, соответствующих каждому месяцу. На боковом поле каждой страницы помещен круглый медальон с изображением знака зодиака на синем фоне (рис. 1).

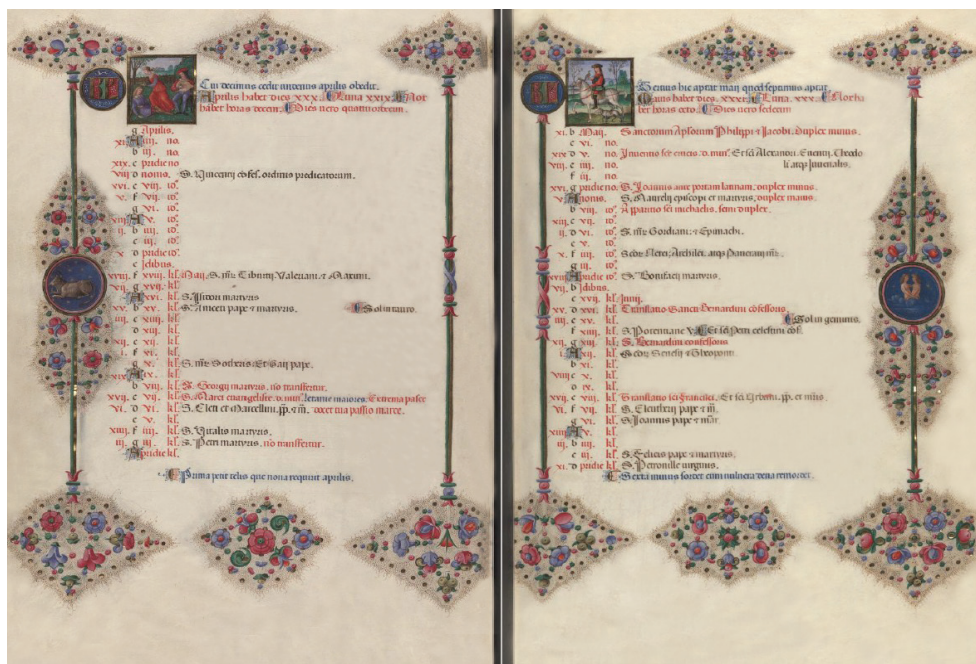

Рис. 1. Бrevиарий Эрколе I д'Эсте. С. 2v–3r. Модена, Библиотека Эстенсе (*Biblioteca Estense*)
Fig. 1. The Breviary of Ercole I d'Este. P. 2v–3r. Modena, Estense Library (*Biblioteca Estense*)

Особым изобилием и изяществом декорации отмечены вступления основных разделов breviария – *Temporale* (лат. *Proprium de Tempore*), содержащий тексты отдельных песнопений к подвижным праздникам; *Salterio* (Псалтырь), *Santorale* (лат. *Proprium Sanctorum*), содержащий тексты месс, посвященных памяти отдельных святых; *Comune Sanctorum* (тексты песнопений для праздников, не имеющих специальных молитв). Они сопровождались полностраничными миниатюрами, листы с которыми в настоящее время находятся в г. Загребе. Четверем разделам breviария соответствовали следующие композиции: апостол Павел пробуждает спящих (иллюстрация слов апостола Павла из тринадцатого Послания к Римлянам: «Так поступайте, зная время, что наступил уже час пробудиться нам от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали» (Рим. 13:11);

царь Давид-псалмопевец¹; призвание апостолов Петра и Андрея; Собор всех святых.

Первый лист основного текста (с. 7r) с крупным историзированным инициалом в виде полуфигурного изображения апостола Павла, держащего меч и книгу, украшен широкими фризами, где на красном, синем и черном фоне помещены разнообразные орнаменты: вертикальные поля занимают гротески с вазонами, маскаронами и зооморфными фигурами, на горизонтальных полях изображены цветочные побеги. В верхней части страницы помещен медальон с фигурой Мадонны, справа – медальон с пророком в тюрбане. Кроме этого, в нижней части страницы изображены два медальона с композициями из жития апостола Павла: проповедь и казнь святого. Между ними, в центре страницы, где традиционно изображался герб заказчика, орнамент принимает характер

¹См.: URL: <https://www.facsimilefinder.com/facsimiles/breviary=of=ercole=d=este=facsimile>.

ювелирного украшения в обрамлении гирлянд из жемчужин и камей с портретами Альфонсо I, которое помещено поверх портрета Эрколе I д'Эсте [2, р. 172] (рис. 2).

Рис. 2. Бrevиарий Эрколе I д'Эсте. С. 7r. Модена, Библиотека Эстенсе (Biblioteca Estense)

Fig. 2. The Breviary of Ercole I d'Este. P. 7r. Modena, Estense Library (Biblioteca Estense)

Однако страниц, декорированных подобным образом, в рукописи немного. Большинство украшенных широкими фризами страниц имеют более архаичную структуру оформления, хотя в них также присутствуют антикизированные элементы, такие как гротески, побеги аканта, геммы и трофеи. На полях часто встречаются медальоны с изображениями династических эмблем – кольца с алмазом, ассоциировавшегося с Эрколе I, а также геральдических эмблем Альфонсо I – горящей гранаты, связки стрел и трехбашенного замка (с. 33r–34v). Их появление может свидетельствовать о том, что рукопись была закончена после смерти Эрколе I д'Эсте. В то же время это могло быть отражением традиционной практики замены эмблем в рукописях при смене правителя.

Бrevиарий Эрколе I считается одним из итоговых памятников феррарской школы книжной миниатюры, вобравшим в себя ее многолетние достижения. Феррарская ренессансная миниатюра, отсчет существования которой можно вести с 1450-х гг., всегда отличалась особой изысканностью композиций, изощренностью и самобытностью орнамента, колористической насыщенностью. Однако на протяжении десятилетий специфика феррарской школы менялась, и связано это было как с эволюцией художественного языка в целом, так и со сменой поколений мастеров. С 1470-х гг. влияние

ведущего феррарского живописца Козимо Туры на книжную миниатюру постепенно сменяется влиянием нового придворного художника – Эрколе де Роберти, сочетавшего в своем творчестве характерную для феррарской живописи экспрессию и самобытную, свободную манеру письма. Миниатюристы, работавшие в Ферраре при Борсо, – Таддео Кривелли, Франко деи Русси, Гульельмо Джиральди – в 1470-х гг. покинули феррарский двор в пользу новых заказчиков в Болонье, Мантуе и Венеции. На смену им приходили новые мастера – Мартино да Модена, Якопо Филиппо д'Арджента, чье творчество не могло не испытывать влияния магистральных тенденций, характерных для всего итальянского искусства рубежа XV–XVI вв.

Особенно явно «обновление» в феррарском искусстве стало проявляться после войны с Венецией 1482–1484 гг. Постепенно реминисценции готического стиля уступали место различным элементам антикизирующей традиции, которые сперва еще формально претворялись в старых схемах, но затем неизбежно формировали новую изобразительную систему. Этому способствовали и активные контакты с художественными и культурными традициями других регионов, всегда имевшие место при феррарском дворе. По-прежнему сохранялись прочные связи с заальпийскими регионами, особенно с Нидерландами и искусством *Ars nova*.

В 1490-х гг. усилились политические и культурные контакты Феррарского герцогства с Миланом благодаря двойному брачному союзу между династиями д'Эсте и Сфорца, заключенному в 1491 г. Наследник феррарского престола Альфонсо д'Эсте, сын Эрколе I, взял в жены Анну Марию Сфорца, дочь Галеаццо Марии Сфорца, тогда как Лодовико Сфорца, известный как Лодовико Моро, женился на сестре Альфонсо Беатриче д'Эсте. Скорее всего, именно Анна Сфорца привезла с собой в Феррару ставший знаменитым астрологический манускрипт *De Sphaera* (Модена, Библиотека Эстенсе. Lat. 209=Ms. Alfa. X. 2. 14). Помимо Беатриче, с Миланом был связан еще один сын Эрколе I – Ипполито I, принявший сан архиепископа Милана. Возможно, он способствовал появлению в Ферраре местных художников, среди которых был и миниатюрист Маттео да Милано, покинувший Милан в 1499 г. после падения власти Лодовико Моро [4, р. 296]. Творческая деятельность Маттео да Милано охватывает несколько десятилетий: с 1490-х по 1520-е гг. После периода, проведенного при феррарском дворе д'Эсте в начале 1500-х гг., он работал на разных заказчиков, среди которых были герцоги Урбинские – представители династий Медичи, Орсини, делла Ровере.

Работая при феррарском дворе, Маттео да Милано участвовал в создании бrevиария Эрколе I, миссала кардинала Ипполито (Инсбрук, универси-

тетская библиотека. *Cod. 43*) и часослова Альфонсо I (1505–1510, Лиссабон, Музей Калуста Гульбенкяна. *Inv. L.A. 149*; 14 листов хранятся в г. Загребе, в Галерее старых мастеров Штротсмайера. *Inv. 339–352*). Его узнаваемая манера отличается активным использованием в орнаментации мотивов гротесков и антикизированных канделябров. Другие часто встречающиеся элементы – жемчужины, геммы, драгоценные камни, а также натуралистичные изображения цветов и животных, их использование является признаком тесного знакомства мастера с фламандской миниатюрой. Сравнение отдельных листов бревиария Эрколе I д’Эсте с миниатюрами инкунабулы панегирика в честь Франческо Сфорца – Сфорциады (миниатюрист – Джован Пьетро Бираго) 1490 г. (Лондон, Британская библиотека. *Grenville 7251*) демонстрирует сходство орнаментальных композиций бревиария, выполненных Маттео да Милано, с ломбардской книжной миниатюрой². Именно Маттео да Милано принадлежат роскошные полностраничные миниатюры, которые были вырезаны из бревиария Эрколе I д’Эсте и в настоящее время хранятся в г. Загребе [4, р. 295]. Четыре крупные фигуративные композиции находятся в одном русле с произведениями художественной среды Милана конца XV в., использовавшими достижения Браманте, Леонардо и Бергоньоне в области пространственной и светотеневой моделировки. Предположительно, Маттео да Милано был знаком с работами Лоренцо Коста и Франческо Франча, которые, несмотря на связь с феррарским искусством XV в., являлись представителями новой, объемно-пространственной живописи. Возможно, мастер посещал Болонью и был знаком с Амико Аспертини, усвоившим классическую традицию росписей Золотого дома Нерона [4, р. 296]. Изображение холмистых пейзажей с элементами северной архитектуры свидетельствует о знании художником гравюр Дюрера [8]. Однако данное исследование не предусматривает анализ бревиария Эрколе I д’Эсте в контексте североευропейского искусства или ломбардской миниатюры, которая уже к 1490-м гг. освоила классическую традицию и сформировала ее собственный вариант. Важно показать связь миниатюр бревиария Эрколе I д’Эсте не с ломбардской или фламандской, а с феррарской традицией и представить рукопись именно как памятник местной школы.

Каждый из упомянутых выше манускриптов начала XVI в. создавался группой мастеров – художниками-миниатюристами и каллиграфом. В случае бревиария Эрколе I д’Эсте на основе стилистического анализа изображений исследователи выделяют трех мастеров, выполнявших миниатюры, орнаменты и инициалы. Помимо Маттео да Милано (мастер А), чье имя часто встречается в доку-

ментах, относящихся к *breviario grande*, указывается имя Томмазо да Модена (так называемого мастера В). В отличие от миниатюр Маттео да Милано его миниатюры гораздо сильнее связаны с феррарской традицией, и в стилистическом отношении они близки к миниатюрам хоралов кафедрального собора Феррары, выполненным в 1490-х гг. под руководством Якопо Филиппо д’Арджента и Мартино да Модена. В количественном отношении миниатюры мастера В преобладают в бревиарии. Третий художник (мастер С) связывается исследователями с болонской школой: возможно, это болонский миниатюрист Джованни Баттиста Каваллетто либо некий Антонио Мария да Казанова, чье имя также упоминается в документах относительно *breviario grande* [4, р. 296].

Несмотря на разнообразие декоративных мотивов бревиария Эрколе I д’Эсте, рукопись поражает контрастом между строгим, унифицированным оформлением основного массива текста посредством изящных филигранных фриз, а также изобилием и вариативностью иллюстративного материала. Подобные фризы, оформляющие многие страницы бревиария, были отличительной чертой феррарской миниатюры еще позднеготического периода. Наиболее показательный в этом отношении памятник – бревиарий Леонелло д’Эсте, созданный в 1441–1448 гг. К сожалению, рукопись не дошла до нас целиком и известны лишь отдельные листы, хранящиеся в разных собраниях. На одном из них мы находим и антикизированные портреты (Кембридж, библиотека Хоутона. *Ms. Tur. 301*) [2, р. 17]. Известно, что Леонелло коллекционировал монеты и медали, которые могли послужить источником подобных изображений. Таким образом, отдельные мотивы антикизированного декора проникали в феррарскую миниатюру еще в первой половине XV в., в эпоху господства интернациональной готики.

К началу XVI в. антикизированные профили были уже весьма распространенным типом декорации не только в книжной миниатюре, но и в монументальной живописи и скульптуре. В 1472 г. Эрколе I д’Эсте велел украсить рельефами с античными профилями колодец на площади. Нельзя не вспомнить и знаменитый манускрипт 1474–1479 гг. «Генеалогия правителей д’Эсте», содержащий 169 медальонов со стилизованными портретами всех членов династии (Модена, Библиотека Эстенсе. *Alfa L. 5.16 = Ms. Ital. 720*; Рим, Национальная центральная библиотека. *Fondo Vittorio Emanuele*, № 293). Хотя эта иконография происходит скорее от серии медалей Антонио Пизанелло, нежели от античных прототипов, в данном контексте важно, что портретный медальон стал самостоятельным мотивом. Как и любая другая отсылка к Античности,

²Simonetta G. Historia delle cose facte dallo invictissimo duca Francesco Sforza. Milano : Antonio Zarotto, 1490.

подобная стилизация служила идеологическому прославлению рода д'Эсте.

Антикизированные орнаменты в виде канделябров и гротесков были широко распространены в феррарской скульптуре конца XV – начала XVI в. Подобным образом украшались порталы и карнизы таких феррарских дворцов, как палаццо деи Диаманти, палаццо Скифанойя, палаццо Роверелла. Стилизованные канделябры и гротески встречались также в монументальной и станковой живописи XV в. (палаццо Скифанойя, палаццо Дукале «Святой Иероним» работы Вичино да Феррара, Феррара, Национальная пинакотекка соответственно). Однако почти нигде в феррарском искусстве этого времени мы не находим антикварного отношения к античным элементам, как это было, например, в миниатюре области Венето, где художники имели доступ к античным памятникам и могли их копировать.

Классическая традиция присутствовала и в оформлении упомянутого выше миссала Эрколе I д'Эсте. Миниатюры этой рукописи были выполнены Мартино да Модена около 1470 г. Как и в breviarii, тексты миссала обрамлены широкими рамочными

фризами с обильной орнаментацией, в которую включены большие и малые медальоны. На боковом поле страниц 191r и 245v помещены медальоны с изображением борьбы Геракла с Немейским львом, которое фактически исполняло функцию портрета или геральдической эмблемы Эрколе I, считавшего Геракла своим покровителем. Обращение к античной теме можно рассматривать как обращение к теме Рима, реального (символ легализации власти д'Эсте) и мифологического (согласно придворной мифологии, из Рима происходили предки династии). В 1471 г. старший брат Эрколе I д'Эсте Борсо, направляясь в Рим в целях получения папской инвеституры, взял с собой Библию, воплощавшую величие и могущество феррарского двора. Библия Борсо стала для Эрколе I неким образцом, и в свое правление он повелел создать манускрипт, который превзошел бы ее богатством и роскошью. Появление в начале XVI в. breviaria герцога, обильно декорированного в классицизирующей стилистике, могло служить прославлению Эрколе I как идеального правителя, достойного титула герцога Феррары, и потомка мифологических героев.

Заключение

Несмотря на то что в XV в. Феррара действительно была одним из крупнейших центров гуманизма, при дворе оставались сильны традиции позднесредневековой куртуазной культуры, заимствованные преимущественно из Франции и Бургундии. Это оказывало влияние на формирование и развитие классической традиции при феррарском дворе. Хотя искусство Феррары XV в. часто пользовалось позднесредневековым художественным языком, важно, что развитие классической культуры поощрялось синьорами Феррары, понимавшими ее важность для укрепления престижа династии.

Изобилие классических мотивов в breviarii Эрколе I д'Эсте необходимо рассматривать не как потерю самобытности феррарской миниатюры, а как развитие элементов классической традиции,

которые присутствовали в феррарском искусстве уже в середине XV в. Как и в феррарской живописи XV в., в миниатюре художники хорошо умели стилизовать свои работы по образцу предыдущих десятилетий. Неслучайно страницы breviaria Эрколе I д'Эсте, лишенные иллюстраций, оформлены в том же стиле, что и страницы breviaria Леонелло, выполненного в 1440-х гг.

Безусловно, использование античных тем и мотивов, в частности в иллюминированных рукописях, было одним из проявлений политики величия. Античная стилизация стала универсальным средством прославления правителя. Breviarii Эрколе I д'Эсте служит подтверждением одной из важнейших характеристик феррарского Ренессанса, где средневековые традиции мирно уживались с гуманистической культурой.

Библиографические ссылки

1. Hermann HJ. Zur Geschichte der Miniaturmalerei am Hofe der Este in Ferrara. *Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlungen des allerhöchsten Kaiserhauses*. 1900;21:117–271.
2. Hermann HJ. *La miniatura estense*. Toniolo F, editor. Modena: Franco Cosimo Panini; 1994. 297 p.
3. Fava D, Salmi M. *I manoscritti miniati della Biblioteca Estense di Modena. Volume 1*. Firenze: Electa; 1950. 293 p.
4. Toniolo F, editor. *La miniatura a Ferrara. Dal tempo di Cosmè Tura all'eredità di Ercole de' Roberti*. Modena: Franco Cosimo Panini; 1998. 351 p.
5. Milano E, editor. *Breviario di Ercole I d'Este*. Castel Guelfo: Imago; 2011. 346 p.
6. Буркхардт Я. *Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования*. Москва: Юристъ; 1996. 591 с.
7. Bertoni G. *La biblioteca estense e la coltura ferrarese ai tempi del duca Ercole I (1471–1505)*. Torino: Ermanno Loescher; 1903. 307 p.
8. Rosenberg ChM. The influence of Northern graphics on painting in Renaissance Ferrara: Matteo da Milano. *Musei Ferraresi. Bollettino annuale*. 1985;15:61–74.

References

1. Hermann HJ. Zur Geschichte der Miniaturmalerei am Hofe der Este in Ferrara. *Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlungen des allerhöchsten Kaiserhauses*. 1900;21:117–271.
2. Hermann HJ. *La miniatura estense*. Toniolo F, editor. Modena: Franco Cosimo Panini; 1994. 297 p.
3. Fava D, Salmi M. *I manoscritti miniati della Biblioteca Estense di Modena. Volume 1*. Firenze: Electa; 1950. 293 p.
4. Toniolo F, editor. *La miniatura a Ferrara. Dal tempo di Cosmè Tura all'eredità di Ercole de' Roberti*. Modena: Franco Cosimo Panini; 1998. 351 p.
5. Milano E, editor. *Breviario di Ercole I d'Este*. Castel Guelfo: Imago; 2011. 346 p.
6. Burckhardt J. *Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii. Opyt issledovaniya* [The civilization of the Renaissance in Italy]. Moscow: Yurist; 1996. 591 p. Russian.
7. Bertoni G. *La biblioteca estense e la coltura ferrarese ai tempi del duca Ercole I (1471–1505)*. Torino: Ermanno Loescher; 1903. 307 p.
8. Rosenberg ChM. The influence of Northern graphics on painting in Renaissance Ferrara: Matteo da Milano. *Musei Ferraresi. Bollettino annuale*. 1985;15:61–74.

Статья поступила в редколлегию 29.01.2019.
Received by editorial board 29.01.2019.

ЗАМЕТКИ О МИКЕЛАНДЖЕЛО

П. А. АЛЕШИН¹⁾

¹⁾Музеи Московского Кремля, Кремль, 103132, г. Москва, Россия

Статья представляет собой ряд небольших эссе о Микеланджело, в которых затрагиваются различные вопросы, касающиеся его творчества, – взаимосвязь поэзии и скульптуры, проблема незаконченности (*non finito*) поздних скульптурных работ (особое внимание уделяется «Пьете Ронданини») и др. В одном из эссе на основе анализа ряда стихотворений мастера выдвигается идея о его уникальном восприятии собственных статуй как живых существ. В текст включены переводы стихотворений Микеланджело, выполненные автором.

Ключевые слова: итальянское Возрождение; Микеланджело; неоплатонизм; поэзия; скульптура.

НАТАТКІ ПРА МІКЕЛАНДЖЭЛА

П. А. АЛЁШЫН^{1*}

^{1*}Музеі Маскоўскага Крэмля, Крэмль, 103132, г. Масква, Расія

Артыкул уяўляе сабой шэраг невялікіх эсэ пра Микеланджэла, у якіх закранаюцца розныя пытанні, датычныя яго творчасці, – узаемасувязь паэзіі і скульптуры, праблема незавершанасці (*non finito*) позніх скульптурных прац (асаблівая ўвага надаецца «П’еце Ранданіні») і інш. У адным з эсэ на падставе аналізу шэрагу вершаў майстра фармулюецца ідэя пра ўнікальнае ўспрыманне Микеланджэла ўласных статуй як жывых істот. У тэксце ўключаны пераклады вершаў Микеланджэла, большасць з якіх выкананы аўтарам артыкула.

Ключавыя словы: італьянскае Адраджэнне; Микеланджэла; неаплатанізм; паэзія; скульптура.

NOTES ABOUT MICHELANGELO

P. A. ALESHIN^a

^aMoscow Kremlin Museums, Kremlin, Moscow 103132, Russia

The article consists of a series of studies concerning the art of Michelangelo, the link between his poetry and sculpture, the problem of the *non finito* in his late sculptural oeuvres (focusing on Pietà Rondanini), ect. Besides, one of the essays based on the analysis of a number of poems by the Master expounds a theory of his unique perception of his own statues as living creatures. Almost all of the quoted poems by Michelangelo are given in the article’s author’s translation.

Keywords: Italian Renaissance; Michelangelo; Neoplatonism; poetry; sculpture.

Образец цитирования:

Алешин ПА. Заметки о Микеланджело. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2019;2: 105–113.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-105-113>.

For citation:

Aleshin PA. Notes about Michelangelo. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;2:105–113. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-105-113>.

Автор:

Павел Алексеевич Алешин – кандидат искусствоведения; редактор музея научно-редакционного отдела.

Author:

Pavel A. Aleshin, PhD (art history); editor at the editorial department.
paleshin@bk.ru

Микеланджело

Слышу, Господи, каждый камень,
слышу, как каждый о чем-то молчит.
Вижу, Господи, каждый камень,
вижу, как каждый образ хранит.

Слышишь, Господи, высекаю руками,
слышишь, ваяю во славу твою?
Видишь, Господи, высекаю руками,
видишь, смиряю гордыню свою?

Слышишь, Господи, это пламя,
одинокое пламя в груди моей?
Видишь, Господи, это пламя,
одинокое пламя любви моей?

I. Предисловие

Микеланджело необъятен.

Начиная свою речь о Микеланджело, Бенедетто Варки отмечал: «Ведь то, о чем я буду говорить, сказать по правде, я мог бы доступно и легко объяснить лишь этими двумя словами: Микеланджело Буонарроти. Так как кто из вас, о благороднейшие и ученейшие слушатели, лишь услышав одно из этих слов, не понял бы тотчас же и полностью все то, что не сказать ни сотней, ни тысячей, ни миллионом речей за миллионы – не скажу месяцев, но лет, и даже веков – с величайшей трудностью; что не объяснить полностью, но можно лишь несовершенным образом рассказать?»¹ [1, р. 6].

Действительно, о Микеланджело написано уже столько томов как научной, так и художественной литературы, что из них можно собрать целую библиотеку. Но он все равно остается непостижимым. Все равно магически, как заклинание, звучат эти два слова: Микеланджело Буонарроти.

Из всего, что я читал о Микеланджело, наибольшее впечатление на меня произвел маленький рассказ Рильке из цикла «О любимом Боге». Рассказ называется «О человеке, слушающем камни».

Конечно, есть замечательные искусствоведческие тексты и большие художественные биографии, но рассказ Рильке уникален. Один гений пишет о другом гении и схватывает самую суть. Микеланджело необъятен, и именно об этой его необъятности пишет Рильке.

Объять необъятное невозможно (вернее, возможно только гению, что и сделал Рильке), поэтому я, как и многие другие, пишущие о Микеланджело, хочу поделиться некоторыми своими наблюдениями о нем, его искусстве и поэзии, изучать которые я начал на третьем курсе университета благодаря выдающемуся знатоку ренессансного искусства Ивану Ивановичу Тучкову, ставшему затем моим научным руководителем.

II. «Пьета Ронданини» и поздние сонеты

Однажды в МГУ имени М. В. Ломоносова я прочитал доклад о поэзии Микеланджело и ее связи с его творчеством в сфере пластических искусств. Поэзия на протяжении всей жизни была для Микеланджело способом саморефлексии. Он занимался и скульптурой, и живописью, и архитектурой, но осознавал и называл себя только скульптором: *Michelagnuolo scultore* – так он подписывал свои письма. Но, несмотря на такое самовосприятие, поэзия была для Микеланджело столь же важна, как и пластические искусства, потому что она давала иные возможности для самовыражения. Именно поэзии мастер поверял личные переживания, сокровенные мысли, сомнения, надежды.

Микеланджело не хотел публиковать свои произведения, представляя перед общественностью в качестве поэта: его стихи были его личным делом, делился он ими лишь с самыми близкими друзьями.

Во время обсуждения доклада мое внимание обратили на то, чего прежде я не замечал, – на один из ракурсов самой последней скульптурной группы Микеланджело «Пьета Ронданини» (Милан, Каstellо Сфорцеско, 1552–1564), совершенно неожиданный и необычный. Это поразило меня.

Иконография Пьеты (оплакивания), как известно, – это изображение Богоматери, держащей тело мертвого Христа. В «Пьете Ронданини» Микелан-

¹Перевод мой. – П. А.

джело отходит от ренессансных принципов построения скульптурной группы, в чем-то возвращается к готическим принципам, воспринятым, однако, совершенно оригинально, по-своему.

Первоначально Микеланджело планировал создать скульптурную группу «Положение во гроб», в которой тело Христа поддерживали бы с двух сторон Богоматерь и Иоанн, но впоследствии избрал иной сюжет – оплакивание, – сократив количество фигур до двух (как это было в его ранней Пьете из собора Святого Петра в Риме). Начав работу над скульптурной группой «Положение во гроб» в 1552 г., Микеланджело вернулся к ней в 1555 г., но изменил композицию: стоящая в полный рост Мадонна держит тело Христа. Микеланджело стал выпрямлять фигуру Христа, стремясь сделать ее единой с фигурой Богоматери, максимально подчеркивая вертикаль. Эти изменения оставили следы на камне: голова Христа переделана из правого плеча Богоматери, первоначальные левое плечо и левая часть торса стали материалом для его новой левой руки и левой руки Девы Марии.

Таким образом, по композиционному типу эта Пьета близка к позднеготическим изображениям, она вытянута по вертикали, обладает единым силуэтом. Эта замкнутая, скупой обработанная группа представляет собой нерасчлененную массу, одинокую в окружающем ее пространстве, как бы не желающую открываться ему. Богоматерь, прижимающая к себе тело мертвого сына, словно не в силах оставить его, полна безмолвной скорби, но это не тихая скорбь ранней римской Пьеты, а страстное, могучее, мучительное чувство, скрытое в безмолвном объятии.

В одном из ракурсов (а скульптура эта предполагает круговой обход и несколько точек зрения) получается, что не Богоматерь держит Христа, а Христос держит Богоматерь, что он как будто несет ее на спине. И это невероятно! Гениально и просто. И как это соотносится с тем, что Микеланджело писал в своих поздних сонетах! Как точно это выражает христианскую идею спасения через жертву Христа! Изображен мертвый Христос, снятый с креста, но это он поддерживает Богоматерь!

Все поздние сонеты Микеланджело являются попыткой создать личную молитву, для которой он постоянно ищет идеальное словесное выражение, чем и объясняется незаконченность многих сонетов; он оформлял одну мысль, оставлял ее, начинал другую, возвращался к предыдущей, и так все время. Можно сказать, что эти поздние сонеты, как законченные, так и незаконченные, вместе представляют собой единое целое, один непрекращающийся разговор мастера с Богом.

И в них тот же мотив, тот же ракурс, что и в «Пьете Ронданини»: распятый Христос, умерший за людей, является единственной опорой в жизни старого мастера, именно Христос поддерживает Микеланджело.

Ты с первых лет моих и день за днем,
Господь, – вожатый мой, моя твердыня,
ждет потому душа моя и ныне
двойную помощь в бедствии двойном².

Душа моя мучениям иную
причину не находит: неизвестный
то грех, хотя не скрыт он от небесной
любви, что облегчает боль любую.
Господь, услышь, да блага не миную,
что даровал Ты кровью в муке крестной
всем нам, рожденным после повсеместно:
пусть снова милость обрету Твою я.

Все помыслы мои, что заблуждений
полны, к единой мысли лишь должны
быть на исходе жизни сведены,
что в вечный мир ведет, где сгинут тени.
Но что могу я, Боже, без свершений
Твоих? Что – коль не явишься мне Ты?

Я думаю, нет, знаю я наверно,
что дух грехом, сокрытым от меня,
терзаем, и что в сердце нет огня,
и что слаба надежда и безверна.
Но кто с Тобой, тому ли суеверно,
Любовь, бояться потерять тебя?

Мои молитвы будут благозвучий
полны, когда на то Ты дашь мне силы:
ведь и земля, когда не оросили
ее, плод не родит сама могучий.
Ты только – семя всех благополучий,
когда и где бы ни плодоносили;
и тем, Твоих путей кто не вкусили
святых, Твой свет не разглядеть сквозь тучи.

От многого, что вижу на земле я,
в глазах – печаль и от всего в смятенной
душе – тоска. Когда б не дар бесценный
Твой, что бы с жизнью делал я своею?
О помощи просить Тебя я смею –
не только о прощении смиренно,

²Здесь и далее, если не указано иное, переводы стихов мои. – П. А.

хотя во тьме густой я ночью, денно:
к тому, кому открылся, будь щедрее.

Ничем, Господь, во мне не обуздаешь
любовь и чувства: пусть опасны, тщетны, –

нет, только тем одним, что беспросветно,
от мира чем друзей освобождаешь.
Ты души одеваешь, раздеваешь
и кровью очищаешь, как несметны
бы ни были грехи их, как запретны
порывы...

III. Абсолютное *non finito*

Таким же бесконечным разговором с Богом стали поздние скульптуры Микеланджело: помимо «Пьеты Ронданини», о которой речь шла выше, это еще и Пьета 1547–1555 гг. из Музея Опера-дель-Дуомо во Флоренции. Считается, что в последние два десятилетия своей жизни Микеланджело мало занимался скульптурой. Если говорить о количестве, то речь идет только о двух произведениях. Но если посмотреть, сколько времени он посвящал скульптуре... Скульптура была так же важна для Микеланджело, как и раньше. Доказательством служат слова Вазари: «Для времяпрепровождения Микеланджело работал почти ежедневно над тем Оплакиванием из четырех фигур...» [2, с. 1111]. После того как мастер разбил незавершенную группу, ему «необходимо было найти еще какой-нибудь кусок мрамора, чтобы ежедневно проводить время, занимаясь ваянием» [2, с. 1111]. Также Вазари писал о Микеланджело: «Спал же он весьма мало, очень часто вставал среди ночи, так как не мог заснуть, и брался за резец...» [2, с. 1125].

В последние годы мастер занимался скульптурой не по заказу, а для себя, как и поэзией и рисунком: эти виды искусства были для него способом самовыражения и самопознания. Пьета 1547–1555 гг. предназначалась Микеланджело для собственной гробницы, т. е. работа над ней была размышлением о смерти, о принятии ее, и недаром в образе Никодима (или Иосифа Аримафейского³), поддерживающего мертвого Христа, угадываются черты самого Микеланджело. Старый, но могучий, задумчивый, погруженный в себя, с уставшим, смиренным лицом, Никодим поддерживает одной рукой мертвого Христа, символизирующего идею божественной жертвы, в которой Микеланджело обрел надежду и опору, другой – скорбящую, склонившуюся Богоматерь. Мощное тело Спасителя, принявшего муки на кресте и искупившего этим грехи человечества, своей тяжестью давит на всю группу, оно как бы надломлено после последнего напряжения сил: голова склонилась набок, подгибаются ноги, безжизненно свисают могучие руки.

Эта скульптурная группа не была закончена, и в 1555 г. Микеланджело разбил ее. Вазари объясняет это изъянами мраморной глыбы и тем,

что Микеланджело «судил о себе так строго, что не удовлетворялся никогда тем, что делал...» [2, с. 1111]. Макс Дворжак развил мысль Вазари, попытался объяснить, чем был недоволен мастер, и выявил несколько противоречий. Первое – это несогласованность фигуры Магдалины с остальными тремя фигурами, образующими единую, цельную массу. Второе различие заключается в трактовке фигур Христа, Никодима и Девы Марии. Фигура Христа проработана очень тщательно, моделировка форм ясная, мрамор отполирован, в то время как две другие фигуры монолитны и мало проработаны, они словно возникают из каменной массы. Это верно, но нужно учитывать, что фигуру Магдалины доделывал и обрабатывал не Микеланджело, а его друг и помощник флорентийский скульптор Тиберио Кальканьи, и неизвестно, как выглядела бы скульптура, если бы сам автор продолжил работать над ней. Лицо Христа трактовано так же скупой, как и лицо Никодима, еще менее проработано лицо Богоматери. Но невозможно сказать, намеревался ли Микеланджело оставить это несоответствие обработки форм. Вазари сообщает, что знакомый Микеланджело Франческо Бандини очень хотел иметь у себя дома что-нибудь сделанное скульптором и мастер решил подарить ему разбитую группу, разрешив Кальканьи закончить работу по его моделям: «Тиберио сложил ее вместе и восстановил, не знаю уже сколько кусков, но из-за смерти Бандини, Микеланджело и Тиберио она так и осталась незаконченной» [2, с. 1111]. Таким образом, есть вероятность, что Кальканьи мог закончить фигуры Никодима и Богоматери в той же манере, что и фигуру Магдалины.

Если первая причина того, что Микеланджело разбил скульптурную группу, естественна и понятна (изъяны материала), то вторая не объясняет, почему мастер, если он был так недоволен своей работой, разрешил восстановить и закончить ее. Чтобы понять это, нужно обратить внимание на некоторые обстоятельства. Над второй поздней Пьетой Микеланджело начал работать в 1552 г., т. е. за три года до того, как разбил предыдущую. Начало новой скульптурной группы со схожей иконографией

³Согласно утверждению Вазари, изображен именно Никодим, однако часто этот образ интерпретируется исследователями как фигура Иосифа Аримафейского, поскольку Никодим, как участник погребения Христа, упоминается только в Евангелии от Иоанна (Ин. 19:39), Иосиф же называется всеми четырьмя евангелистами (Мф. 27:57; Мк. 15:43; Лк. 23:50; Ин. 19:38).

означает, что изменились понимание выбранной темы, размышления, связанные с ней. И не потому, что Микеланджело был недоволен результатом, но потому, что его стало интересовать что-то другое в этом сюжете, он начал работать над другой группой, и именно поэтому спокойно позволил другому скульптору закончить предыдущую.

«Пьета Ронданини» – совершенное воплощение трагедии одиночества, чувства, которое сопровождало Микеланджело в последние годы его жизни. При этом она также олицетворяет примирение великого художника с мыслью о смерти, обретенный через жертву Христа покой. Неизвестно, намеревался ли Микеланджело детально обрабатывать статую (на это указывает тщательная обработка ног Христа), или же он планировал выявить разные фактуры в одной группе, но точно известно, что мастер до самой смерти вносил в нее изменения. Это было своеобразное бесконечное размышление в камне.

IV. Микеланджело и политика

Говоря о Микеланджело, мы говорим об искусстве – о скульптуре, живописи, архитектуре, рисунке, поэзии... Говорим о великих произведениях искусства, о космических по своим масштабам замыслах. О христианстве и язычестве. О Ренессансе в целом.

Но Возрождение (и особенно Позднее Возрождение) – не только прекрасная эпоха искусства и поэзии, но и весьма суровая в плане политическом и социальном, жестокая эпоха.

Микеланджело был, если воспользоваться современной терминологией, политически активным человеком с четкой гражданской позицией, настоящим патриотом своей родины – Флоренции. Он всегда горячо переживал за ее судьбу, участвовал в защите республиканского города, когда войска принца Оранского по приказу Карла V (по договоренности с папой Климентом VII) осаждали ее: мастер был назначен инспектором городских стен и отвечал за городские укрепления. После поражения республиканской власти в городе вновь воцарилась власть Медичи, а в 1532 г. было образовано Флорентийское герцогство. В 1534 г. Микеланджело, не приняв новый политический режим, навсегда покинул Флоренцию.

Однако, говоря о великом мастере и политике, я все равно буду вести речь об искусстве, иначе Микеланджело не был бы Микеланджело, не правда ли?

Лишь несколько произведений мастера можно назвать гражданскими. Самые известные среди них – статуя Давида и несохранившийся картон «Битва при Кашине» для фрески в Зале совета Палаццо Веккьо. Давид – образ настоящего героя, защитника отечества, который должен был вдохновлять флорентийцев. Картон «Битва при Кашине», изображавший эпизод из истории Флоренции,

Такое понимание процесса ваяния у Микеланджело позволяет по-новому взглянуть на проблему незаконченности (*non finito*) поздней скульптуры. Нужно разделять в творчестве Микеланджело незаконченность некоторых произведений, вызванную внешними факторами (как это было, например, в случае с проектом гробницы Юлия II или с проектом церкви Сан-Джованни-деи-Фиорентини), сознательную «незаконченность» в зрелых произведениях, являющуюся художественным приемом (например, в статуях из капеллы Медичи, в которых Микеланджело сочетает различные степени обработки материала, специально оставляя некоторые части поверхности незавершенными), и «незаконченность» поздних скульптурных групп. Если принять идею о том, что процесс ваяния для мастера равнозначен процессу мышления, то становится ясной сама невозможность окончания работы: эти поздние скульптуры просто не предполагали завершения.

тоже имел глубокий политический смысл, хотя гражданственная составляющая не единственная и даже не главная в этих произведениях. Микеланджело всегда глубок и многогранен.

Но мне хочется рассказать о двух других произведениях, поскольку названные выше всем хорошо известны, – об одной скульптуре и об одном стихотворении.

Бюст Брута был выполнен Микеланджело по заказу его друга Донато Джаннотти. Причиной заказа послужило убийство флорентийского тирана Алессандро Медичи 6 января 1537 г. его родственником Лоренцо де Медичи. После этого убийства флорентийские эмигранты надеялись, что в их родном городе будет восстановлена республика. Но место Алессандро Медичи занял Козимо Медичи, который еще больше укрепил монархические порядки во Флоренции. Бюст Брута стал последним произведением Микеланджело на гражданскую тему и последним, основанным на традициях Античности: прототипом, вероятно, послужили скульптурные портреты римского императора Каракаллы. Используя их как пример, Микеланджело преобразует саму идею портрета: мастер отказывается от индивидуального в нем. Склонный к обобщению, Микеланджело создает образ могучего героя, способного противостоять судьбе, совершать подвиги. Это не портрет конкретного человека, а обобщенный образ, олицетворяющий определенную идею. Соответственно, произведение должно было как бы продолжить традицию более ранних произведений мастера, таких как несохранившаяся статуя Геркулеса и статуя Давида. Но Брут отличается от них.

Во-первых, это бюст, т. е. все внимание сосредоточено на лице, которое должно выявлять ха-

ракторное. Мастер дает грубую трактовку волос, создает относительно простой рисунок складок одежды, но тщательно прорабатывает лицо, акцентируя на нем внимание. Во-вторых, образ Брута сложнее, противоречивее по своей характеристике, чем, например, образ Давида – олицетворения гражданской доблести, героя, смело идущего в бой, сознающего свою правоту. Брут также готов совершить подвиг, он полон решимости и осуществит задуманное, но в его взгляде чувствуется, что он не знает, каковы будут последствия его поступка. Резко повернутая голова, грубоватые черты лица, подчеркнутые скулы, выявленный рельеф лица, напряжение мускулов шеи – все это говорит о решимости, мощи героя. И только тяжелый взгляд отведенных в сторону глаз свидетельствует о том, что Брут не знает, к чему приведут его действия.

Противоречивость созданного Микеланджело образа Брута отражает споры относительно правомерности политического убийства, которые велись в близком скульптору кругу флорентийских эмигрантов в Риме. Они обсуждали, правильно ли сделал Данте в своей «Божественной комедии», поместив Брута и Кассия в ад, где они мучаются самой страшной мукой вместе с Иудой. Донато Джаннотти, историк и мыслитель, написал в 1546 г. «Диалоги о числе дней, проведенных Данте в поисках Ада и Чистилища», где одним из действующих лиц является Микеланджело, превосходно знавший произведения поэта. Нельзя сказать, что Донато излагает непосредственно мысли мастера, но, вероятно, они близки тому, что думал Микеланджело. Во втором диалоге Донато и Микеланджело рассуждают о том, почему Данте поместил убийц Цезаря в ад. Донато считает, что поэт заблуждался, поскольку эти герои спасли отечество от тирана. Микеланджело же возражает ему: соглашаясь с тем, что убить тирана

не грех, поскольку тиран не человек, а «дикий зверь в обличье человека», он тем не менее говорит: «Великое самомнение – решиться на убийство главы любого общественного строя, будь он справедливым или несправедливым, не зная наверняка, что хорошего получится от его смерти, и не имея ни малейшей возможности надеяться на лучшее. Тем более что меня всегда огорчали и беспокоили иные люди, воображающие, что невозможно принести добро иначе, как начав со зла, то есть со смертей» [3, с. 161]. Мудрые слова. Мне кажется, они помогают лучше понять созданный Микеланджело образ Брута.

В связи с этим произведением мне вспомнился один мадригал Микеланджело 1545–1546 гг., представляющий собой политическую аллегория. Удивительно, какую тонкую лирику можно создать, исходя из гражданских чувств. Мадригал изображает диалог влюбленного и прекрасной донны. Влюбленный – сам Микеланджело, прекрасная донна – Флоренция, а тот, кто завладел ей, – герцог Козимо I Медичи:

– Была для многих создана ты, донна,
для тысяч любящих, и то негоже,
что (в небе спят, похоже)
один тобой владеет незаконно.
Но будь же благосклонна!
И солнце глаз ты обрати к несчастным,
лишенным благодатного сиянья!

– Не плачьте: тот, кто, силой наделенный,
мною завладел, грехом своим злосчастным
не насладится, – страх в его сознание.
Несчастней – кто, добившись обладанья,
боится потерять то, чем владеет.
Счастливей тот, надежду кто имеет.

V. Живые статуи Микеланджело

Одно из известнейших стихотворений Микеланджело – четверостишие, написанное им от лица его статуи Ночи:

Я сну тому, что я – из камня, рада.
Когда вокруг лишь стыд и грех, страданья,
не видеть и не слышать – мне желанней.
Но тише, эх, будить меня не надо.

Написанное в ответ на хвалебное стихотворение поэта Джованни Строщи, четверостишие Микеланджело – не просто дань поэтической традиции, идущей еще от Античности, когда литературное произведение создается от имени произведения искусства. Сама идея, что произведение (в данном случае – статуя) словно живое существо, характерна для Микеланджело: сохранился его незаконченный сонет, написанный от лица незавершенной статуи, можно сказать, от лица глыбы мрамора:

Была я частью мощных гор когда-то.
Оттуда силою меня изъяли,
и вот я против воли здесь, в печали,
лишь камнем небольшим теперь объята.
Как засияло в мире солнца злато...

По мысли мастера, мрамор живой, он изначально заключает в себе некий образ, который скульптор может освободить. Об этом Микеланджело писал в первой строфе сонета, посвященного Виттории Колонне:

И высочайший гений не прибавит
Единой мысли к тем, что мрамор сам
Таит в избытке, – и лишь это нам
Рука, послушная рассудку, явит [3, с. 62].
(Пер. А. М. Эфроса.)

Так что неслучайно на стихотворение Строщи Микеланджело позволил «ответить» своей Ночи.

И она уже не первый раз говорила в поэзии Микеланджело. От времени работы скульптора над ансамблем капеллы Медичи сохранилось стихотворение в прозе (возможно, это была запись идеи для написания сонета в дальнейшем), в котором говорят День и Ночь:

День с Ночью, размышляя, молвят так:
Наш быстрый бег привел к кончине герцога
Джулиано,
И справедливо, что он ныне мстит нам;
А месть его такая:

За то, что мы его лишили жизни,
Мертвец лишил нас света и, смеживши очи,
Сомкнул их нам, чтоб не блистали впредь над
[землей].
Что ж сделал бы он с нами, будь он жив? [3, с. 45].
(Пер. А. М. Эфроса.)

К этому же времени относится еще одно стихотворение великого флорентийца:

Все в этом мире умирает.
Нас поджидает смерть с рожденья.
Ведь время жалости не знает.
Пройдут и боль, и наслажденья.
Слова же наши и волненья,
и наших предков достижения –
ничто: и с тенью, с дымом схожи.
Людьми, как вы, мы были тоже,
и счастье знали, и печали.
Теперь земным мы прахом стали.
И всех вас то же ожидает.
Все в этом мире умирает.
Глаза сияли наши светом,
теперь – пугают пустотою.
Так, времени покой неведом,
Оно уносит все с собою.

И у меня возникла мысль: а не мог ли Микеланджело написать это стихотворение о все пожирающем времени от лица герцогов Лоренцо и Джулиано?

VI. Микеланджело о любви

Любовь в мировоззрении Микеланджело – основополагающее, многогранное понятие, не сводимое к одному определению, но строящееся на синтезе идей неоплатонистических и христианских. Так или иначе, почти вся лирика мастера затрагивает тему любви, однако любви в разных ее ипостасях: это и неоплатонистические *любовь земная* и *любовь небесная*, и любовь в христианском понимании.

Большая часть стихотворений раннего и зрелого периодов поэтического творчества великого скульптора представляют собой любовную лирику, идейной основой которой является философия неоплатонизма. Искусствовед Эрвин Панофский тонко заметил, что «среди всех своих современников Микеланджело был единственным, кто воспринял неоплатонизм не в отдельных его аспектах, а целиком и не как убедительную философскую систему и, уж конечно, не как современную моду, а как метафизическое обоснование своего Я», что «Микеланджело можно назвать единственным истинным платоником среди многих художников, находившихся под влиянием неоплатонизма» [4, с. 300–301]. Любовь, Бог и Красота – это для него всегда взаимосвязанные сущности, всегда синонимичные и порой даже тождественные.

Приведенные ниже сонеты и мадригалы посвящены двум людям, занимавшим особое место в жизни мастера, – Томмазо Кавальери и Виттории Колонне. Именно в чувствах, которые Микеланджело испытывал к ним, он «приблизился к идее платонической любви в ее подлинном смысле» [2, с. 301]. Та идеальная любовь, о которой можно прочитать в диалогах Платона «Пир» и «Федр», – не просто

мечта греческого философа, а, хотя и редко в истории, реальность.

Мои глаза я превратил в ворота,
чтоб через них твои влетали стрелы,
приютом сделал памяти пределы
для взоров нежных, что полны заботы.
И в сердце-кузнице кипит работа:
куются вздохи там в огне умело.

Нет, не любовь в глазах, что так прекрасны,
мои узрели ясно,
но жизнь мою и смерть, они – едины.
Чем меньше мучает меня судьбина,
тем больше разрушает,
ведь и любовь сжигает
меня, все большими маня дарами.
И вот, разлуки пламя
любовь питает без конца собою.
О чувство роковое!
Но страх не правит мною.
И если лишь тоскою
одаривает жизнь нас за мечтанья, –
пускай! – приму я новые страданья.

Огонь, что в камне заключен холодном,
его объемлет, ибо с ним он дружен –
хоть раскаленный, камень не разрушен:
един с другими он в строенье плотном.

Ведь если камень закалить, к погодным
условиям он будет равнодушен –

душе подобен, чей покой заслужен
на небе в окружение благодном.

Вот так – с огнем внутри – я существую.
Он, вырвавшись, сожжет всей мощью пыла
меня и стихнет, чтобы жил я дале.

Итак, коль закаленный, все живу я,
став дымом, обрету бессмертье; было
из золота огниво, не из стали.

Когда с красою вашей в силе пламя
очей прекрасных ваших бы сравнялось,
то в целом мире места б не осталось,
закованного злыми холодами.

Но, сострадая нам, ночами, днями
свою к нам небо проявляет жалость
и, чтобы успокоить нас, лишь малость
дает увидеть красоты глазами.
И потому огонь, каким сгораю,
не так велик, ведь часть нам только
постигнуть можно красоты небесной.

Вам кажется, не сильно я пылаю.
Увы! – не так, как должно: лишь насколько
ваш образ мне дано постичь чудесный.

Я думал, что сумею взором смелым
смотреть на красоту, что вознесется
он к ней орлом, взирающим на солнце,
я весь стремился к ней – душой и телом.

Мое суждение было скороспелым:
кому взлететь без крыльев ввысь неймется,
на камне сеет тот, бессильно бьется,
умом постичь желая все незрелым.

Итак, со мною будет что же, если
сияет красота, не подпуская
к себе и не давая мне покоя?

Нигде подмоги не найти мне: весь ли,
вблизи огнем объятый, умираю,
томлюсь ли без конца вдали тоскою.

Где б ни являлся им твой лик прекрасный,
глаза мои им могут любоваться,
но, где они, рукам не оказаться,
усилья ног, о донна, тут напрасны.

Благодаря глазам свободно властны
душа и ум ввысь к красоте подняться
твоей, но следом телу не угнаться,
которое огонь сжигает страстный:

за ангельским полетом невозможно
ему, бескрылому, поспеть – улада
такая – лишь для славящего зренья.

О, если в небе столь же ты вельможна,
как среди нас, здесь, устрани преграды,
в глаз превратив меня, для наслажденья.

Когда бы раньше знал я, как опасен
огонь, внутри меня теперь горящий,
чтоб избежать давящей
тоски, я сердце б разделил с душой,
а ныне труд напрасен.
Так, первый грех нас мучает собою.
Несчастен тот, кто юною порою
был слаб, чтоб защититься –
искрою он любую
в летах воспламенится:
кто в юности не смог оборониться –
как зеркало она нам, – тот вернее
от малого огня сгорит позднее.

О, почему во мне так поздно эта
зажглась любовь надеждою безгрешно,
что к небесам возносит безмятежно
меня, хотя я недостоин света?

Редки пусть, но желаннее рассвета
с тобою встречи мне, ведь неизбежно,
что редко, то и больше мы, конечно,
душою ценим: тем она согрета.

Я без тебя окутан тьмою ночью
и скован, словно льдом, но в сердце – пламя,
когда приходит день – твое сиянье.

Хотя божественность твой лик прекрасно
являет, донна, миру, все ж не ею,
а красотой твоею
любуюсь я, тем душу окрыляя,
и мне лишь то опасно,
что мучит, от тебя вдруг отдаляя.
Я время разделяю:
для глаз сияют дни, для сердца – ночи,
и к вечному я не стремлюсь мечтами,
себе не позволяя
закрывать на миг хоть очи.
И потому не вознесется пламя
любви над небесами
без помощи, ведь учимся не сразу
любить все то мы, что не видно глазу.

Надеждой истинной способно пламя
моей любви сиять, ведь если Богу

внушали б наши чувства лишь тревогу,
то что бы стало с этим миром, с нами?

Не преклоненье ль перед небесами
моя любовь? Ведь к вечному чертогу
душа твоя являет всем дорогу –
как сердцу к небу вознестись мечтами.

Тогда, когда любовь – лишь ослепленье
изменчивою внешней красотой,
надежда, что питает сердце, ложна.

Но той нежны надежды проявленья,
что неизменно сияет чистотой,
и рай постигнуть с нею нам возможно.

Поскольку жар желанья
в летах обезоружен,
то стал давно я дружен
со смертью и лишь с нею жду свиданья.
Последнее мечтанье
мое теперь – надеяться на Бога.
А от очей прекрасной донны

бегу, как от опасности манящей.
Но нет! Сильней намного
огонь любви, и, вновь зажженный,
любви являет лик он настоящий –
небесный, неземной...

Прекрасное, что вижу я глазами,
проходит в сердце через них мгновенно,
и этот путь, широкий неизменно,
открыт всегда для мира. Чудесами

его я полон, как и небесами.
И сомневаюсь: образ несравненный,
какой из многих силой вдохновенной,
пока я жив, зажжет блаженства пламя?

И если пламя – лишь благоговенье
души пред красотой быстротекущей,
то, значит, сила та – любовь земная.

Но если пламя – неба откровенье,
то сила та – небесной, всемогущей
Любви: любовь то вечная, иная.

Библиографические ссылки

1. Orazione funerale di Messer Benedetto Varchi fatta, e recitata da lui pubblicamente nell'essequie di Michelagnolo Buonarroti in Firenze nella Chiesa di San Lorenzo. Firenze: Giunti; 1564. 64 p.
2. Вазари Дж. *Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих*. Москва: Альфа-книга; 2008. 1278 с.
3. Микеланджело. Поэзия. Письма. Суждения современников. Москва: Искусство; 1983. 451 с.
4. Панофский Э. *Этюды по иконологии*. Санкт-Петербург: Издательский дом «Азбука-классика»; 2009. 432 с.

References

1. Orazione funerale di Messer Benedetto Varchi fatta, e recitata da lui pubblicamente nell'essequie di Michelagnolo Buonarroti in Firenze nella Chiesa di San Lorenzo. Firenze: Giunti; 1564. 64 p.
2. Vasari G. *The Lives of the Artists*. Oxford: Oxford University Press; 1998. 616 p.
Russian edition: Vasari G. *Zhizneopisaniya naibolee znamenitykh zhivopistsev, vayatelei i zodchikh*. Moscow: Al'fa-kniga; 2008. 1278 p.
3. Michelangelo. *Poeziya. Pis'ma. Suzhdeniya sovremennikov* [Poetry. Letters. Judgements of the contemporaries]. Moscow: Iskustvo; 1983. 451 p. Russian.
4. Panofsky E. *Studies in Iconology: Humanistic Themes in the Art of the Renaissance*. New York: Oxford University Press; 1939. XXXIII, 262 p.
Russian edition: Panofsky E. *Etyudy po ikonologii*. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom «Azбука-klassika»; 2009. 432 p.

Статья поступила в редколлегию 17.01.2019.
Received by editorial board 17.01.2019.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Мартынюк А. В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века). М. : Квадрига, 2019. 576 с.

Мартынюк А. В. Да Герберштэйна: Аўстрыя і Усходняя Еўропа ў сістэме персанальных сувязей і культурных кантактаў (XIII – пачатак XVI стагоддзя). М. : Квадрыга, 2019. 576 с. (на рус.).

Martyniuk A. V. Before Herberstein: Austria and Eastern Europe in the system of personal connections and cultural contacts (13th – beginning of the 16th century). Moscow : Quadriga, 2019. 576 p. (in Russ.).

Современная эпоха характеризуется повсеместным распространением глобалистики, в том числе и в сфере исторической науки, где она выступает в форме так называемых глобальных исследований (*global studies*). При этом давно назрела постановка вопроса о том, насколько глобальные исследования, смело сравнивающие между собой самые разнообразные локальные и надлокальные сообщества и культуры, основаны на серьезной научной базе. Здесь остро встает проблема наличия у исследователя соответствующих компетенций: знания старых и новых языков, специальных навыков в области источниковедения и т. п. Кроме того, очень часто возникает ситуация, когда при сравнении «континента с континентом» без внимания остаются возможности сравнения непосредственных «исторических соседей». В итоге читатель нередко теряет перспективу и оказывается на «ничейной земле»: между профессиональными, но узкоспециальными исследованиями, с одной стороны, и обзорными работами, набрасывающими глобальную перспективу лишь в самых общих чертах, – с другой.

Представленная монография Алексея Мартынюка «До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных

контактов (XIII – начало XVI века)» впечатляющим образом соединяет в себе как обращение к тематике непосредственных «исторических соседей», так и выход на более широкую общеевропейскую перспективу, что полностью отвечает духу глобальных исследований. Автор на протяжении многих лет занимается данной проблематикой. Он провел несколько исследовательских стажировок в Австрии, а также в иных странах, важных для темы исследования, – Германии, Чехии и Венгрии. В ходе данных стажировок А. Мартынюк имел возможность работать не только с материалами, хранящимися в крупных архивах и библиотеках Вены, Граца, Берлина, Мюнхена и других городов, но и с архивными и музейными собраниями австрийских монастырей в Клостернойбурге, Хайлигенкройце, Вильхеринге, не прерывающих свою традицию со времен Средневековья. Выявленные во время исследования материалы А. Мартынюк представил в своей монографии, таким образом введя их в научный оборот. При этом научная квалификация автора и его языковые компетенции (свободное владение немецким языком, возможность работы с научной литературой на чешском, польском, украинском и иных языках) обеспечивают те необходимые условия, которые делают возможным профессиональную и глубокую разработку темы «Австрия и Восточная Европа».

Общий объем монографии составляет 576 страниц, в том числе более 30 иллюстраций (значительная часть из них представляет собой воспроизведение документов, выявленных автором в ходе исследования). Содержательно монография делится на три части, каждая из которых состоит из двенадцати глав. Здесь автор следует тем установкам, которые он сам определил как ведущие лейтмотивы своей книги: люди, связи, события и образы.

Первая часть монографии концентрируется на истории династии Бабенбергов и связях Австрийского герцогства с землями Древней Руси в XIII в.

В результате кропотливой работы по выявлению сведений в источниках разного происхождения (хроники и летописи, актовый материал, мемориальные надписи и пр.) автор создает целостную картину австрийско-древнерусских взаимоотношений. Эта картина не преследует цели дать читателю общий обзор истории средневековой Австрии и Древней Руси, который может быть подготовлен на основе известных источников и существующей научной литературы. Исследователем представлен совершенно новый взгляд на проблему, который дает своеобразный синергетический эффект и наглядно показывает взаимовлияние и взаимопроникновение двух культурных традиций во время их первого соприкосновения в XIII в. Это позволяет автору ввести в научный оборот интересный материал к просопографии эпохи, например к вопросу об «австрийском потомстве» таких известных фигур истории Древней Руси, как князя Михаил Черниговский и Даниил Галицкий. Поистине бесценными являются выполненные А. Мартынюком переводы фрагментов средневековых текстов на старонемецком языке (в том числе стихотворных), в которых содержатся сведения о Руси, которые, таким образом, впервые становятся доступными читателям из восточноевропейских стран. Автор не ограничивается вопросами политической истории и генеалогии, а обращается к историко-географической проблематике. В своем изложении он наглядно показывает значение таких городов, как Вена, Винер-Нойштадт, Клостернойбург, Пресбург (Братислава) и многие другие, как своеобразных точек контакта между двумя культурными мирами. Для современной австрийской историографии особый интерес представляет глава «Образ Руси в австрийской культуре XIII века» (с. 200–223), в которой прослежены «русские связи» известных деятелей истории Австрии этого времени (герцога Фридриха Воинственного, герцогини Гертруды, рыцарей Вернхарда и Генриха Происелей, поэтов Тангейзера и Янса Эникеля и др.).

Во второй части монографии фокус внимания смещается на исторические связи Австрии и Восточной Европы в эпоху династии Габсбургов. Восприятие восточноевропейского региона анализируется в том числе на основе такого интересного памятника начала XIV в., как «Описание Восточной Европы» (*Descriptio Europae Orientalis*). Здесь автор использует издание 1916 г., подготовленное польским исследователем О. Гуркой. Однако следует указать, что существуют и более новые издания данного важного источника, выполненные учеными из Балканских стран: издания 1977 г. (в серии «Памятники средневековой и новой истории Македонии») и 2013 г. (подготовили сербские историки Т. Живкович, В. Петрович, А. Узелац, Д. Кунчер). Можно порекомендовать автору учесть в даль-

нейшей работе последнее из названных изданий, снабженное серьезным научным комментарием. В своем повествовании А. Мартынюк умело вводит проблематику Крестовых походов в Балтийском регионе в XIV в. и роли в них австрийского рыцарства. Особенно интересна глава «Общество святого Георгия» (с. 273–283), в которой материалы из архивных собраний Вены проанализированы в общем контексте военной, религиозной и культурной жизни средневековой Европы. Автор представляет систематизированные им данные в виде серии таблиц, что позволяет наглядно показать тесную связь правителей и высшей знати Австрийского герцогства с Тевтонским орденом. Через Тевтонский орден и «пруссские поездки» европейской знати исследователь устанавливает связь Австрии с Восточной Европой (земли Великого княжества Литовского, Новгорода и Пскова, Галицко-Волынского княжества) в данную историческую эпоху.

В этом контексте А. Мартынюку удастся внести свой вклад и в историю Беларуси (глава «Австрийский след Белой Руси», с. 344–356). Автор делает экскурс в историю термина «Белая Русь» в средневековых немецкоязычных источниках, а затем предлагает свою интерпретацию генезиса данного наименования. В этом генезисе, как показывает исследователь, большую роль играла Австрия в силу своего положения на границе разных культурных и языковых миров (в данном случае – германского и славянского). Данные наблюдения чрезвычайно интересны и находят параллели в памятниках других исторических эпох, например в известном трактате «Об управлении империей» Константина Багрянородного.

Третья часть монографии ведет читателя в XV в. Здесь автору удастся выявить новый материал по историческим связям отдельных австрийских земель (например, Тироля) с регионом Восточной Европы. Затем А. Мартынюк обращается к отдельным персоналиям – киевскому митрополиту Исидору, Энею Сильвию Пикколомини (впоследствии папа римский Пий II), проповеднику и путешественнику Иоганну Реллаху и другим историческим личностям – и показывает, как деятельность этих выдающихся людей своего времени расширяла знания о Восточной Европе, позволяя включить этот регион в существующую картину мира. Уникальным является прочтение автором знаменитого визуального памятника австрийского Средневековья – «Генеалогического древа Бабенбергов» (монастырь Клостернойбург, конец XV в.) – и выявление в составе этого памятника «русских» сюжетов (с. 504–523). В этих сюжетах фигурируют персоналии и политические события середины XIII в., рассмотренные в первой части книги (герцог Фридрих Воинственный, герцогиня Гертруда и ее «русский» муж князь Роман, сын Даниила Галицкого), что придает

единство всему исследованию. Завершает монографию глава, посвященная миссии Сигизмунда фон Герберштейна, которая положила начало новому этапу исторических взаимосвязей Австрии и стран Восточной Европы.

Таким образом, А. Мартынюк представил читателю превосходно проработанное и во всех смыслах основательное исследование. Материал для этой работы автор систематически собирал много лет, складывая отдельные сюжеты в единую картину как своеобразный исторический пазл. В таком виде проблематика связей Австрии и Восточной Европы еще не становилась предметом исследования, что говорит об оригинальности и значимости представленной монографии. О качестве исследования свидетельствует также обширная библиография (с. 554–573), в которую включены источники и историография на белорусском, немецком,

польском, русском, украинском, чешском и иных языках. Достоинство внимания и то, насколько умело автор выстроил логику книги, представив собранный материал (весьма разнородный по характеру и происхождению) в виде трех равномерных частей, каждая из которых, в свою очередь, делится на двенадцать тематических глав. Также и в стилистическом отношении книга производит благоприятное впечатление. Она будет интересна не только специалистам, но и обычному читателю. А. Мартынюку удалось выполнить поставленную им задачу и подготовить монографию, которая отвечает современным научным стандартам парадигмы глобальных исследований и в то же время вносит свой вклад во взаимопонимание между народами и культурами.

М. Попович¹

¹ *Михайло Попович* – доктор исторических наук; старший научный сотрудник Института средневековых исследований Австрийской академии наук, приват-доцент Венского университета.

Міхайла Папо́вич – доктор історичних наук; старший науковий супрацюю́нік Інститута середньовікових досліджень Аустрійської академії наук, приват-дацент Венського університету.

Mihailo Popović, doctor of history; senior research associate at the Institute for Medieval Research of the Austrian Academy of Sciences, assistant professor of the University of Vienna.

E-mail: mihailo.popovic@oeaw.ac.at

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

SCIENTIFIC EVENTS

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: К СТОЛЕТИЮ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

**МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ
«РОЛЯ ЎНІВЕРСІТЭЦКАЙ АДУКАЦЫІ І НАВУКІ
Ў СУЧАСНЫМ ГРАМАДСТВЕ: ДА СТАГОДДЗЯ
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА»**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
«THE ROLE OF UNIVERSITY EDUCATION AND SCIENCE
IN MODERN SOCIETY: DEDICATED TO THE 100th ANNIVERSARY
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY»**

Белорусский государственный университет на протяжении своей почти столетней деятельности является флагманом высшего образования Беларуси, научным и культурным центром нашей страны. Во многом он определяет облик современной Беларуси и представляет ее в мировом образовательном и научном пространстве. Об этом свидетельствует тот факт, что БГУ постоянно занимает лидирующие позиции в мировых рейтингах среди учреждений высшего образования. Высокий статус университета обеспечивается благодаря использованию инновационных технологий в сочетании с проверенными десятилетиями методами образовательного процесса и научных исследований. О преемственности традиций говорят и десятки созданных за предшествующие десятилетия научных школ в области естественных и гуманитарных наук, которые с полным правом можно считать национальным достоянием.

С целью оценить достижения в образовательной и научной сферах, показать роль БГУ в развитии науки и образования в Республике Беларусь, определить возможности совершенствования ее интеллектуального потенциала 26–27 февраля 2019 г. была проведена Международная научно-практическая конференция «Роль университетского образования и науки в современном обществе: к столетию Белорусского государственного университета». Этот научный форум стал одним из первых мероприятий по подготовке к празднованию юбилея БГУ, которое пройдет в 2021 г. Организатором научного мероприятия выступил исторический факультет БГУ. В работе конференции активное участие приняли представители Республиканского института высшей школы, Института бизнеса БГУ, факультетов доуниверситетского образования, журналистики, международных отношений, прикладной математики и информатики,

социокультурных коммуникаций, философии и социальных наук, а также географического, физического, филологического и юридического факультетов БГУ.

Научный форум прошел при поддержке Информационного пункта Совета Европы в г. Минске и международного проекта Исследовательского фонда по глобальным вызовам (*Global Challenges Research Fund*, GCRF) COMPASS («Комплексное повышение потенциала в Восточном соседстве и Центральной Азии: интеграция исследований, эффективное управление и устойчивые сообщества»).

Информационный пункт Совета Европы в г. Минске – совместный проект Совета Европы и Белорусского государственного университета, созданный в июне 2009 г. Его целью является повышение осведомленности государственных органов, неправительственных организаций, средств массовой информации, университетов и других учреждений высшего образования в Беларуси о деятельности и достижениях Совета Европы, а также предоставление им информации об основополагающих ценностях, правовых инструментах и политике данной международной организации. К задачам Информационного пункта Совета Европы в г. Минске относятся проведение широкого круга мероприятий Совета Европы, включая лекции, семинары, круглые столы, конференции, тематические конкурсы, выставки; перевод, публикация и распространение информационных материалов; организация и поддержка визитов представителей Совета Европы в Республику Беларусь и представителей Республики Беларусь, в том числе сотрудников БГУ, в Совет Европы.

Международный проект COMPASS осуществляется в 2018–2021 гг. консорциумом в составе Кентского университета и Кембриджского университета (Великобритания), Белорусского государственного университета, Азербайджанской дипломатической академии (Азербайджан), Таджикского национального университета (Таджикистан), Университета мировой экономики и дипломатии (Узбекистан). Проект COMPASS финансируется GCRF Службы по исследованиям и инновациям Соединенного Королевства (*United Kingdom Research & Innovation*). Реализация проекта COMPASS в Беларуси стала возможна благодаря победе Кентского университета и созданного им консорциума в конкурсе заявок GCRF. COMPASS – единственный проект в области социальных наук, поддержанный фондом. Руководителем проекта является профессор Елена Коростелева (Кентский университет). В Беларуси проект COMPASS реализуется историческим факультетом совместно с факультетом международных отношений с участием Центра социологических и политических исследований и других подразделений БГУ. В мероприятиях проекта, помимо преподава-

телей и научных работников, активно участвуют аспиранты и студенты. Немаловажными задачами проекта COMPASS являются развитие и укрепление исследовательского и образовательного потенциала университетов-партнеров, поддержка участия белорусских специалистов в зарубежных форумах. Так, в 2019 г. белорусские делегации приняли участие в мероприятиях Брюссельской тренинговой школы высокого уровня (20–26 января) и лондонском форуме проекта COMPASS «Повышение устойчивости в Большой Евразии: проблемы и возможности» (27–29 января). Также в рамках проекта проводятся различные тренинги, семинары, конференции, в том числе по истории развития белорусской государственности и роли университета в этом процессе.

Международная конференция «Роль университетского образования и науки в современном обществе: к столетию Белорусского государственного университета» объединила более 170 известных отечественных и зарубежных специалистов, занимающихся вопросами истории БГУ и развития университетского образования и науки в Республике Беларусь и зарубежных странах. Программа конференции включала доклады не только представителей БГУ, но и Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Института истории Национальной академии наук Беларуси, Института экономики Национальной академии наук Беларуси, Белорусского национального технического университета, Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, Национального института образования, Национального архива Республики Беларусь, Минского государственного лингвистического университета, Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, Брестского государственного технического университета и др. На адрес оргкомитета конференции были присланы доклады из зарубежных образовательных и иных учреждений, таких как Псковский государственный университет, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Государственный архив новейшей истории Смоленской области (Россия), Тюбингенский университет имени Эберхарда и Карла (Германия), Белостокский университет (Польша), Университет Матея Бела в Банска-Бистрице (Словакия), Университет Мраморного моря (Турция).

Проблемное поле конференции охватывало вопросы, связанные с осмыслением роли БГУ в национально-государственном строительстве, становлении и развитии образования и науки в Республике Беларусь. Отдельные блоки научного форума были посвящены современному образовательным технологиям и методикам, опыту их применения в учебном процессе. Большое внимание уделялось

стратегии развития современного университета и научно-инновационному потенциалу БГУ.

Открытие и пленарное заседание конференции прошли 26 февраля 2019 г. в аудитории имени профессора В. И. Пичеты, первого ректора БГУ, в здании Дома № 1 БГУ (нынешний корпус исторического факультета). С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратился ректор БГУ доктор педагогических наук, профессор А. Д. Король. Было отмечено, что данный форум продолжает традицию масштабных научных мероприятий по случаю знаковых событий в истории Беларуси. Андрей Дмитриевич обратил внимание на тот факт, что нынешнее университетское сообщество не должно забывать о внесенном предшественниками поколениями профессоров и преподавателей вкладе в развитие белорусской системы высшего образования и науки. В своем приветственном слове ректор БГУ также подчеркнул, что в рамках научно-практической конференции участникам предоставлена возможность не только посмотреть на то, что уже сделано, и подвести определенные итоги, но и наметить пути и способы решения проблем, стоящих как перед белорусскими университетами, так и перед белорусским обществом в целом.

Затем были зачитаны приветственные слова участникам конференции от исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, философского факультета Университета Матея Бела в Банска-Бистрице, Федеральной национально-культурной автономии белорусов России, Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Пленарное заседание открыл доклад «Беларускі ўніверсітэт: ідэі, памкненні, стварэнне», подготовленный заведующим кафедрой истории России исторического факультета БГУ профессором О. А. Яновским. На основе анализа многочисленных документов Олег Антонович выделил этапы, которые определяли усилия белорусских интеллектуальных и политических кругов по созданию в Беларуси настоящего классического по главным своим характеристикам университета. Была прослежена эволюция идей и механизм действий, начиная с конца XIX в. и до торжественного открытия БГУ 30 октября 1921 г. Докладчик перечислил семь этапов, обладающих своими особенностями, насыщенными отличительными событиями и актуализированных усилиями конкретных людей.

В продолжение поднятой темы прозвучал пленарный доклад председателя Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по образованию, культуре и науке члена-корреспондента Национальной академии наук Беларуси, профессора И. А. Марзалюка

«Гістарычная адукацыя і яе роля ў фарміраванні беларускай нацыянальнай тоеснасці ў XX ст.». Игорь Александрович детально остановился на том, какие университетские центры и каким образом повлияли на формирование концепции исторической памяти до создания БГУ. При этом, по мнению докладчика, концепция исторической памяти с ее тезисом о непрерывности исторической традиции была выработана первым ректором БГУ В. И. Пичетой и его учениками. Немаловажной проблемой, к которой обратился в своем докладе профессор И. А. Марзалюк, стала природа исторического образования и его роль в решении весьма важных прикладных задач, без которых не может обойтись ни одна цивилизованная нация. Кроме того, был поднят вопрос о том, какой должна быть историческая политика в современных условиях.

Заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета БГУ член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, профессор Г. А. Василевич в своем докладе «Наука конституционного права: прошлое, настоящее, перспективы развития» сосредоточил внимание на основных этапах становления законотворческой деятельности в Республике Беларусь. Особое место в выступлении было уделено процессу подготовки Конституции Республики Беларусь, в котором Григорий Алексеевич принимал непосредственное участие. Докладчик привел данные о том, что результатом правотворческой деятельности в Республике Беларусь стало принятие почти 150 тыс. разнообразных актов законодательства, из которых более 2700 составляют законы, 360 – декреты, около 6000 – указы. Профессор Г. А. Василевич пришел к выводу о том, что на современном этапе развития нашей страны решены основные вопросы законодательного обеспечения белорусской государственности.

Пленарную часть конференции завершил доклад декана факультета международных отношений профессора В. Г. Шадурского «Международные связи – важный фактор развития БГУ». В своем выступлении Виктор Геннадьевич обратил внимание на тот факт, что университеты могут функционировать лишь в тесном взаимодействии с аналогичными учреждениями науки и образования в мире. Выступающий подчеркнул, что на всех этапах развития БГУ международные связи играли важную роль, питали университетских представителей новыми творческими идеями, формировали высокую планку в оценке результатов. Профессор В. Г. Шадурский обосновал тезис о том, что белорусской высшей школе для достижения нового уровня международного взаимодействия не следует игнорировать количественные показатели (уровень международной мобильности студентов и преподавателей, число совместных проектов и т. д.). Именно увеличение объемов академиче-

ской мобильности объективно приведет к новому качеству образования и науки, позволит повысить конкурентоспособность белорусской высшей школы в мировом масштабе.

После перерыва работа конференции продолжалась в рамках пяти секций, где прозвучали доклады большинства участников. На секции «Роль БГУ в становлении и развитии образования и науки Беларуси» выступления участников тематически были сфокусированы на значении университета в национально-государственном строительстве Беларуси. Через призму проблем, связанных со становлением и развитием исторического, географического, филологического, юридического образования, международных исследований и образовательных программ, определено значение БГУ в процессе формирования белорусской высшей школы. Секция «Становление и развитие университетского образования и науки» объединила ученых, обратившихся в своих докладах к историческим и современным вехам развития университетского образования и науки на территории Беларуси, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья. Участники секций «Современные инновационные методики в образовании» и «Современные информационно-коммуникационные технологии в образовании» не только рассказали об эффективных методиках и технологиях, которые применяются в современном университете, но и поделились собственным опытом их использования. Сообщения участников секции «Страте-

гия развития современного университета: цели и задачи» были посвящены осмыслению перспективных направлений в образовательном процессе и сферам их применения. На секции «Университетские научные школы: традиции и современность» прозвучали доклады, в которых затрагивались вопросы становления и развития научных школ в Беларуси. Выступающие определили место и роль в современной науке белорусской научной школы экологического права, научной школы социальной истории Беларуси XIX – начала XX в., научно-педагогической школы гражданского права и научной школы государства и права Беларуси, белорусской научной школы античного христианства и др.

Итоги конференции были подведены 27 февраля 2019 г. Руководители секций отметили высокий научный уровень подготовки участников форума и плодотворный процесс обсуждения представленных докладов. Работа Международной научно-практической конференции «Роль университетского образования и науки в современном обществе: к столетию Белорусского государственного университета» была насыщена конструктивным обменом опытом и достижениями научно-исследовательской работы между учеными из Беларуси и других стран. По итогам конференции будет подготовлен и опубликован научный сборник статей, которые в дальнейшем станут доступны в Электронной библиотеке БГУ.

А. В. Бурачонок¹

¹Александр Вячеславович Бурачонок – кандидат исторических наук, доцент; заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандр Вячаслававіч Бурачонок – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; намеснік дэкана па вучэбнай рабоце і адукацыйных інавацыях гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Aliaksandr V. Burachonak, PhD (history), docent; deputy dean for academic affairs and education innovations, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: burumag@gmail.com

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНАГА

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Михаил Павлович
КОСТЮК**

**Міхаіл Паўлавіч
КАСЦЮК**

**Mihail Pawlavich
KASCIUK**

5 лютага 2019 г. на 79-м годзе пайшоў з жыцця выдатны беларускі гісторык, акадэмік Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Міхаіл Паўлавіч Касцюк.

Вядомы ў Беларусі і за яе межамі гісторык нарадзіўся 26 сакавіка 1940 г. у в. Масцішча Навагрудскага раёна Гродзенскай вобласці ў беларускай сялянскай сям'і. На фарміраванне светапогляду і выбар жыццёвага шляху Міхаіла Паўлавіча паўплывала і месца яго нараджэння – слаўная Навагрудская зямля, і час – перыяд крываваых выпрабаванняў, які выпаў на долю беларускага народа ў гады Другой сусветнай вайны. Пасля заканчэння школы і Навагрудскага педагагічнага вучылішча ў 1958 г. Міхаіл Паўлавіч паступіў на

гісторыка-філалагічны факультэт Гродзенскага педагагічнага інстытута імя Янкі Купалы, які закончыў у 1963 г., атрымаў дыплом з адзнакай. Адрозна пасля заканчэння інстытута Міхаіл Паўлавіч быў накіраваны на працу дырэктарам Касадворскай васьмігадовай школы ў в. Баярская Навагрудскага раёна. Пасля праходжання вайскавай службы Міхаіл Паўлавіч непрацяглы час працаваў сакратаром камітэта камсамола Гродзенскага педагагічнага інстытута імя Янкі Купалы, а ўжо з 1966 г. яго лёс быў звязаны з Інстытутам гісторыі Акадэміі навук БССР, куды ён паступіў у аспірантуру. Пад кіраўніцтвам акадэміка І. С. Краўчанкі Міхаіл Паўлавіч даследаваў працоўную дзейнасць сялянства БССР у перыяд калгаснага будаўніцтва ў няпростыя і супярэчлівыя 1930-я гг. Навуковыя

здольнасці і мэтанакіраванасць маладога гісторыка дазволілі яму паспяхова абараніць кандыдацкую дысертацыю на тэму «Трудовая активность колхозного крестьянства Белоруссии в период победы и упрочения социализма (1933–1940 гг.)». У 1969–1970 гг. М. П. Касцюк працаваў малодшым, затым старшым навуковым супрацоўнікам, а з 1970 г. – вучоным сакратаром Інстытута гісторыі Акадэміі навук БССР. З 1975 г. займаў пасаду вучонага сакратара ў Інстытуце гісторыі партыі пры ЦК КПБ. Актыўная арганізатарская дзейнасць не перашкодзіла Міхаілу Паўлавічу ў 1980 г. абараніць доктарскую дысертацыю на тэму «Деятельность Компартии Белоруссии по идейно-политическому воспитанию крестьянства в период строительства социализма». Ступень доктара гістарычных навук Міхаіл Паўлавіч атрымаў у ліпені 1981 г. Пасля гэтага ён быў прызначаны на пасаду намесніка дырэктара па навукавай рабоце Інстытута гісторыі АН БССР. І ў савецкі час, і ў перыяд змен, якія адбываліся ў грамадстве ў другой палове 1980-х – пачатку 1990-х гг. і ў пазнейшы час, Міхаіл Паўлавіч заўсёды меў заслужаную павагу і пашану не толькі сярод калег і вучняў, але і сярод усіх, каму даводзілася кантактаваць з гэтым незвычайна сціплым чалавекам. Такія адносіны тлумачацца інтэлігентнасцю і добразычлівасцю, уласцівымі натуры Міхаіла Паўлавіча. Калегі, сваякі, знаёмыя цанілі яго глыбокія веды, мудрасць, уменне бачыць лёсы людзей у гістарычным працэсе, прынцыповасць і настойлівасць у абароне агульначалавечых каштоўнасцей. Мабыць, таму падчас першых альтэрнатыўных выбараў у 1989 г. менавіта яго абралі кіраўніком Інстытута гісторыі Акадэміі навук БССР. На гэтай пасадзе Міхаіл Паўлавіч паспяхова працаваў амаль 12 гадоў, пацвердзіўшы свае арганізатарскія здольнасці ў няпросты перыяд складвання новых падыходаў да праблем айчынай гісторыі, распрацоўкі многіх пытанняў, якія ў савецкі час па ідэалагічных прычынах не маглі знайсці сваіх даследчыкаў у дзяржаўнай установе. Пад кіраўніцтвам Міхаіла Паўлавіча калектыў Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі змог не толькі захаваць, але і нарасціць навуковы патэнцыял. Інстытут папоўніўся цэлай плеядай маладых навукоўцаў. Актыўна распрацоўваліся пытанні палітычнага і культурнага жыцця ВКЛ, гісторыі рэлігіі, беларускай эміграцыі, палітычных рэпрэсій 1920–50-х гг. У 1994–1995 гг. пабачыла свет выданне «Нарысы гісторыі Беларусі» ў дзвюх частках – фактычна першая ўніверсальная праца па гісторыі незалежнай Беларусі. Міхаіл Паўлавіч быў галоўным рэдактарам і адным з аўтараў гэтага выдання. Навуковыя і арганізатарскія заслугі М. П. Касцюка не заставаліся незаўважанымі. У 1986 г. яму было прысвоена званне прафесара, у 1989 г. ён стаў членам-карэспандэнтам, а ў 1996 г. – акадэмікам Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

У 1990-я – пачатку 2000-х гг. Міхаіл Паўлавіч, нягледзячы на загрузанасць адміністрацыйнай дзейнасцю, актыўна займаўся распрацоўкай пытанняў палітычнай гісторыі Беларусі XX ст. Навуковым крэда М. П. Касцюка было «максімальна поўнае, аб’ектыўнае, непалітызаванае даследаванне мінулага беларускага народа», што павінна было, па перакананні вучонага, паспрыяць «павышэнню аўтарытэту беларускага народа сярод сваіх суседзяў, а таксама ў Еўропе і свеце». Аб’ектыўнасць, імкненне, па словах самога Міхаіла Паўлавіча, «кіравацца праўдай гісторыі» сталі крытэрыямі творчай працы акадэміка Касцюка. У гэты перыяд яго вопыт быў незаменны пры стварэнні калектыўных манаграфій, якія ён рэдагаваў. Міхаіл Паўлавіч з’яўляўся галоўным рэдактарам шасцітомнага выдання «Гісторыя Беларусі», якое выйшла з друку ў 2000–2011 гг., рэдактарам шэрагу іншых выданняў. За гады знаходжання М. П. Касцюка на пасадзе дырэктара Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі пашырыліся міжнародныя сувязі айчынных вучоных з навуковымі цэнтрамі іншых дзяржаў. Былі заключаны дагаворы аб творчым супрацоўніцтве з Інстытутам расійскай гісторыі і Інстытутам усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, наладжаны навуковыя сувязі з Інстытутам гісторыі Польскай акадэміі навук. Плённа развівалася супрацоўніцтва з вучонымі Інстытута гісторыі Сібірскага аддзялення Расійскай акадэміі навук. Беларускімі і сібірскімі даследчыкамі была праведзена вялікая праца па вывучэнні гісторыі беларускай дыяспары ў Сібіры. У апошнія 20 гадоў свайго жыцця Міхаіл Паўлавіч працаваў у Інстытуце гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі загадчыкам аддзела сацыяльна-эканамічнай і палітычнай гісторыі Беларусі XX ст. (1999–2007), галоўным навуковым супрацоўнікам (2007–2019).

Зыходзячы з цвёрдага пераканання ў тым, што «без гістарычных ведаў і выкарыстання гістарычнага вопыту нельга паспяхова будаваць незалежную дзяржаву», М. П. Касцюк надаваў вялікую ўвагу папулярызацыі гістарычных ведаў, выступаў з артыкуламі на старонках перыядычных выданняў, на радыё і тэлебачанні, шматлікіх міжнародных і рэспубліканскіх канферэнцыях, семінарах, сімпозіумах, актыўна ўдзельнічаў у падрыхтоўцы кваліфікаваных кадраў для гістарычнай навукі, у тым ліку ў сценах гістарычнага факультэта БДУ. Пад кіраўніцтвам Міхаіла Паўлавіча абаранілі дысертацыі 25 кандыдатаў і 4 дактары гістарычных навук.

На працягу многіх гадоў і да апошніх месяцаў свайго жыцця М. П. Касцюк выкладаў і ў сценах БДУ, які стаў для яго таксама родным. Калегі заўсёды адчувалі душэўную цеплыню, спагаду Міхаіла Паўлавіча, цанілі яго веды, інтэлігентнасць і тактоўнасць. Як прафесар кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факуль-

тэта БДУ, дзе яго заўсёды з цеплынёй чакалі калегі і вучні, Міхаіл Паўлавіч ажыццяўляў кіраўніцтва навуковымі работамі студэнтаў магістратуры, навуковымі праектамі аспірантаў і саіскальнікаў кафедраў. У апошні час Міхаіл Паўлавіч працягваў таксама выкладчыцкую дзейнасць, ахвотна дзяліўся сваімі глыбокімі ведамі са студэнтамі. У БДУ ў апошні год свайго жыцця Міхаіл Паўлавіч выкладаў дысцыпліны «Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі», «Палітычная гісторыя і сучасныя палітычныя працэсы ў Рэспубліцы Беларусь».

Пасля сябе Міхаіл Паўлавіч пакінуў звыш 300 навуковых прац, прысвечаных вывучэнню актуальных праблем айчыннай гісторыі, у тым ліку 6 уласных і больш за 10 калектыўных манаграфій. Значны інтэрэс навуковай грамадскасці Беларусі і Расіі выклікала манаграфія «Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі» (Мінск, 2001), перавыдадзеная ў 2002 г. Інстытутам расійскай гісторыі Расійскай акадэміі

наук на рускай мове. У 2015 г. М. П. Касцюк падрыхтаваў манаграфію «Шлях да ісціны: гістарычная навука Беларусі ў канцы XX – пачатку XXI ст.».

За гады свайго жыцця Міхаіл Паўлавіч займаў таксама грамадскія пасады, атрымаў прызнанне як даследчык сярод беларускай і міжнароднай супольнасці, меў шэраг узнагарод. Ён з'яўляўся намеснікам старшыні Беларускага камітэта міру, акадэмікам Цэнтральнай еўрапейскай акадэміі навук і мастацтваў (1998), Міжнароднай акадэміі навук Еўразіі (1998), быў узнагароджаны Ганаровай граматай Вярхоўнага Савета БССР (1981).

Рэдакцыйная калегія «Часопіса Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя», калектыў гістарычнага факультэта БДУ, калегі па кафедры гісторыі Беларусі новага і навіейшага часу глыбока смуткуюць па прычыне смерці акадэміка Міхаіла Паўлавіча Касцюка і выказваюць шчырыя спачуванні родным і блізкім.

ПЕРСОНАЛИИ

ПЕРСАНАЛІІ

PERSONALIA

ИВАН ИВАНОВИЧ ТУЧКОВ (1956–2018)

ІВАН ІВАНОВИЧ ТУЧКОЇ (1956–2018)

IVAN IVANOVICH TUCHKOV (1956–2018)

Еще один достойный человек покинул этот мир. Иван Иванович Тучков навсегда останется в памяти всех, кто его знал.

Посвятив жизнь изучению и восхвалению красоты, он и сам был красивым человеком. Тонкий знаток литературы, Иван Иванович мог вести разговор о самых разных явлениях в области русской и мировой культуры.

Неслучайно он избрал темой своих научных трудов Италию эпохи Возрождения. Иван Иванович

и сам по своему мироощущению был «ренессансным человеком». Коренными чертами его характера являлись оптимизм, неиссякаемый интерес к жизни.

Подобно своему учителю В. Н. Гращенкову, И. И. Тучков мог часами говорить о красотах итальянских вилл и палитре великих художников той эпохи.

В своих многочисленных путешествиях по России и Европе он готов был делать утомительные

объезды ради того, чтобы посмотреть какой-нибудь малоизвестный архитектурный памятник или историческое место. Иван Иванович обладал тонким вкусом и имел личное отношение к прекрасному – черты настоящего искусствоведа.

В последние годы И. И. Тучков тратил много сил и времени на административную работу на кафедре всеобщей истории искусства и историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. И в этом тоже проявлялся его интерес к жизни. В сущности, он по натуре был артистом и в университете исполнял свои новые роли. Ему интересно было почувствовать себя в кресле руководителя. Он находил удовольствие в том, чтобы делать нечто полезное для своих коллег. Проведя всю жизнь в стенах университета, И. И. Тучков был по-настоящему «университетским человеком». Составляющими этого

емкого определения служат высокий профессионализм и подлинный демократизм, ответственность и порядочность.

Еще одной чертой, заметно выделявшей Ивана Ивановича из разночинского сообщества, была светскость – любезность и учтивость, умение в любом обществе сохранять достоинство и вести беседу на равных.

Светскость, как и интеллигентность, – качества, которые невозможно подделать. И. И. Тучков унаследовал их от своих дворянских предков.

С уходом таких светлых личностей, как Иван Иванович Тучков, мир становится темнее. И пусть хотя бы память о нем послужит нам маяком в сумраке мира сего.

Л. С. Белоусов¹, Н. С. Борисов², О. В. Солопова³

ПАМЯТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА ТУЧКОВА

ПАМ'ЯТІ ІВАНА ІВАНОВИЧА ТУЧКОВА

TO THE MEMORY IVAN IVANOVICH TUCHKOV

Невыносимо неожиданно закончилась земная жизнь Ивана Ивановича Тучкова – историка искусства, декана исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующего кафедрой всеобщей истории искусства.

Его уход – невосполнимая утрата на личном уровне, ибо Иван Иванович мог и умел быть другом,

его можно было любить и близостью его дорожить. Это потеря и на уровне институционально-академическом: И. И. Тучков способен был руководить и нести ответственность за других. Не обсуждается брешь в педагогическом пространстве искусствоведения: лекции Ивана Ивановича были и умны, и точны, и живы. В самой науке об искусстве мало

¹Лев Сергеевич Белоусов – академик Российской академии образования, доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой новой и новейшей истории, и. о. декана исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Леў Сяргеевіч Белавусаў – акадэмік Расійскай акадэміі адукацыі, доктар гістарычных навук, прафесар; загадчык кафедры новай і навейшай гісторыі, в. а. дэкана гістарычнага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава.

Lev S. Belousov, academician of the Russian Academy of Education, doctor of science (history), full professor; head of the department of new and newest history, acting dean of the faculty of history, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: lbelousov@olympicuniversity.ru

²Николай Сергеевич Борисов – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России до начала XIX в. исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Мікалай Сяргеевіч Барысаў – доктар гістарычных навук, прафесар; загадчык кафедры гісторыі Расіі да пачатку XIX ст. гістарычнага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава.

Nikolay S. Borisov, doctor of science (history), full professor; head of the department of history of Russia until the beginning of the 19th century, faculty of history, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: muksalma@mail.ru

³Оксана Вячеславовна Солопова – кандидат исторических наук, доцент; заместитель декана – ученый секретарь, руководитель лаборатории истории диаспор исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Аксана Вячаславаўна Салапава – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; намеснік дэкана – вучоны сакратар, кіраўнік лабараторыі гісторыі дыяспар гістарычнага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава.

Oksana V. Solopova, PhD (history), docent; deputy dean – academic secretary, head of the laboratory of the history of diasporas, faculty of history, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: osolopova@mail.ru

сыщешь текстов со столь классическим сочетанием лапидарной рациональности и индивидуальной чувствительности. Во всех этих аспектах и измерениях искусствоведческой науки оставлены следы активного присутствия личности И. И. Тучкова. Но хочется верить и просто показать, что это более чем следы...

Попробуем обрисовать не то, что осталось после Ивана Ивановича, а то, что он сам оставил тем, кто, быть может, не так спешил в своей жизни и не так торопился получить от нее все – чтобы все оставить. Как превозмочь эту самую оставленность и как почувствовать и принять то, что оставлено? Кажется, мы собираем осколки упущенной нами жизни близкого нам человека, а на самом деле обретаем возможность взгляда на жизнь с некоторой дистанции – на ту самую жизнь, что в своем актуальном – живом – потоке никогда не схватывается целиком и без остатка. Теперь уже можно попытаться охватить, чтобы более не отпустить и не забыть...

Не одно и не два поколения слушателей лекций Ивана Ивановича вспоминают его манеру чтения, скорость, но одновременно и ясность этих рассказов. Тщательно выстроенная серия кадров, сопровождаемая быстрым, емким комментарием, позволяла воспроизвести сложнейшие пространственные соотношения рассматриваемых ансамблей. Постепенное движение по этим комплексам (каждый шаг – смена слайда на экране) способствовало переходу от двухмерного, абстрактного плана-чертежа к полноценному пониманию архитектурного или городского ансамбля.

Многие сотрудники и студенты факультета знали И. И. Тучкова и прежде – как преподавателя, заведующего кафедрой, заместителя декана по науке. Когда в 2015 г. Иван Иванович стал руководить историческим факультетом, то часто подчеркивалось, что он первый декан-искусствовед. Однако важно, что свою профессию он не воспринимал как отделенную от всех остальных направлений и специализаций, предлагаемых факультетом. Наоборот, для И. И. Тучкова искусствоведение и история представлялись органически связанными дисциплинами, исследующими разные аспекты, объединенные в общее поле гуманитарных наук.

Неслучайно, что основным узким предметом своих искусствоведческих штудий Иван Иванович избрал виллы эпохи Возрождения. Насыщенный идеями и образами мир ренессансных вилл ставит перед исследователем непростую задачу. Для комплексного анализа этого конкретно-исторического феномена требуются детальное знание огромного корпуса источников и памятников, историко-культурного контекста в совокупности с тонким пони-

манием художественных процессов⁴. Этот охват был именно тем, что больше всего привлекало Ивана Ивановича. Тем более что виллы объединяли все его любимые темы: Италию, Рим, наследие Античности, классическую традицию, проблему культурной памяти, архитектуру и живопись XVI в., выдающихся художников и зодчих, но еще и не менее интригующих заказчиков – представителей своей исторической эпохи.

Очень показательно состоявшееся 20 января 2018 г. в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина выступление И. И. Тучкова «Путь историка искусства»⁵, в котором он рассказывал о своем профессиональном становлении. Иван Иванович четко устанавливает, что осмысление памятников изобразительного искусства и архитектуры совершенно невозможно без знания и понимания всех культурно-исторических явлений изучаемого периода, без понимания «единства процесса развития и художественного сознания, и художественного творчества». Для него любовь к художественным памятникам сопряжена с общей увлеченностью историей и интересом к историческим источникам. Неслучайно рассказ о своем личностном и научном становлении Иван Иванович начал с краткого обзора европейской мемуарной традиции. Отправной точкой являлись сочинения Бонаккорсо Питти и Бенвенуто Челлини и ренессансная традиция «ощущения самости себя, открытости миру, способности создать то, что не может сделать другой никакой человек». Необходимо сначала показать и понять весь исторический период, его менталитет и дух, прежде чем приступить к анализу отдельных элементов.

Единым для Ивана Ивановича выступают и все гуманитарные дисциплины. В одном ряду, в одном концептуально-интеллектуальном гуманитарном и – обязательно – *гуманистическом* пространстве существуют Освальд Шпенглер, Макс Вебер, Арнольд Тойнби, Эрвин Пановский, Иван Владимирович Цветаев и, конечно, Виктор Никитич Лазарев и Виктор Николаевич Гращенков – непосредственный учитель Ивана Ивановича Тучкова.

Это подводит нас к важной теме научной школы. Концептуализация и анализ этого понятия сильно волновали Ивана Ивановича, и свои мысли по этому поводу он постарался изложить как в публичных выступлениях, так и в печатных трудах.

Одной из последних работ, написанных И. И. Тучковым, стало предисловие к сборнику статей в честь юбилея профессора кафедры всеобщей истории искусств Н. М. Никулиной. Этот текст создавался по конкретному поводу – как поздравление и чествование ученого. Иван Иванович открыл сборник раз-

⁴Тучков И. И. Виллы Рима эпохи Возрождения как образная система: иконология и риторика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 6.

⁵Тучков И. И. Путь историка искусства [Видеозапись]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QQWA9FNqRac> (дата обращения: 17.12.2018).

мышлениями о сложности и многогранности понятия «научная школа»: «Можно и нужно говорить о научной школе отдельного ученого. Это проясняет историю научного знания, лишает ее сухой схематичности, делает структурно организованной и конкретной, с выявленными вехами в собственном развитии, насыщенном событиями, персоналиями, идеями, оживляет яркими проявлениями личности и научных интересов исследователя. А главное – наполняет любую науку, и особенно гуманитарную, человеческим смыслом, живым присутствием ищущей мысли»⁶. Поэтому для Ивана Ивановича столь важна тема истории преподавания истории искусства в МГУ имени М. В. Ломоносова в целом⁷ и личные человеческие истории ученых. Это связано также с глубокой любовью Ивана Ивановича к жанру воспоминаний. Особенно важна для него линия искусствоведов-мемуаристов: Буслаева, Кондакова, Алпатов, Германа, Мириманова...

Но существует и другое, более обширное понятие научной школы: «Это не просто одиночное явление, связанное с неповторимой исследовательской индивидуальностью, а явление, более протяженное во времени, чем человеческий век, более пространное и обширное, чем судьба одного человека»⁸. Такая школа связана с конкретными научными институтами – исследовательскими, учебными, музейными, но порою даже ошутимо влияние всей среды – города и культуры.

А вот некоторые цитаты из другого текста Ивана Ивановича, увы, написанного по тяжелому, грустному поводу, – статьи, посвященной памяти искусствоведа Андрея Владимировича Толстого. В этом проникновенном тексте Иван Иванович называет основным, определяющим «судьбу и характер» качеством Андрея Владимировича *человечность*: «...умение чувствовать, слышать, видеть, откликаться и отзываться на боль и радость, переживания и чувства другого, не проходить мимо, не забывать, быть доброжелательным, что так важно и необходимо в бытовых реалиях и творческих контактах.

Но при этом обязательно обладать собственным внутренним нравственным критерием, стержнем, не допускающим как в себе, так и в других низости, подлости, предательства, как и печали забвения»⁹. Иван Иванович продолжает: «...но есть и другая “человечность” в истории европейской культуры, близкая и понятная не столько душе, хотя, конечно, и ей тоже, сколь уму, памяти, образованию нашего героя, составляющая истинную основу его внутренней жизни и принцип его отношения к собственному профессиональному труду. Со времен Цицерона она носит имя *studia humanitatis*... свод дисциплин, направленных на изучение и понимание Человека, пусть и в измененном, но и в обогащенном опытом культуры виде, сохранится в памяти цивилизации, в системе классического образования, в фундаментальности гуманитарных наук»¹⁰.

Таковы особенности взглядов и образа мышления Ивана Ивановича. Человеческие качества и позиция, научная и мировоззренческая, должны образовывать единое целое. Мы понимаем, что искусствоведение, история и другие гуманитарные дисциплины для Ивана Ивановича – это не только теория, практика, методология, но еще и обязательно *этика*, личная ответственность – искренность и честность.

...Кто творит искусство? Может быть, художник, а может быть, и нет... А историю этого самого искусства? Это уж точно и без сомнений – его историк. А что нужно, чтобы войти в историю этой науки? Достаточно ли оставить это земное пристанище и это научное, когда-то выбранное поприще, чтобы твой образ запечатлелся в науке хотя бы на некоторое время? Или важно что-то оставить тем, кто остался? Тем, кто скорбит об утрате? Самые верные образы самых точных воспоминаний не помогают. Верность дарованному пути и уверенность в его жизненности и непрерывности – даже за порогами и пределами расставаний, сомнений и сожалений...

С. С. Ванеян¹¹, Т. П. Кишбали¹²

⁶Тучков И. И. Предисловие // «На ионийский лад я пою...»: сб. ст. в честь Н. М. Никулиной / под ред. Н. А. Налимовой [и др.]. М.: КДУ: Унив. кн., 2018. С. 9.

⁷Граценков В. Н., Тучков И. И., Ванеян С. С. и др. История искусства в Московском университете: 1857–2007. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 519 с.

⁸Тучков И. И. Предисловие // «На ионийский лад я пою...». М.: КДУ: Унив. кн., 2018. С. 10.

⁹Тучков И. И. Несколько слов об историке искусства Андрее Толстом // Искусствознание. 2017. № 4. С. 193.

¹⁰Там же. С. 193–194.

¹¹Степан Сергеевич Ванеян – доктор искусствоведения, профессор; профессор кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Сцяпан Сяргеевіч Ванеян – доктар мастацтвазнаўства, прафесар; прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава.

Stepan S. Vaneian, doctor of art history, full professor; professor at the department of general art history, faculty of history, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: vaneyans@gmail.com

¹²Тамаш Петэр Кишбали – кандидат искусствоведения; доцент кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Тамаш Петэр Кішбалі – кандыдат мастацтвазнаўства; дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава.

Tamás Péter Kisbali, PhD (art history); associate professor at the department of general art history, faculty of history, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: kisbalim@gmail.com

ИВАН ИВАНОВИЧ ТУЧКОВ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ БГУ

ІВАН ІВАНОВІЧ ТУЧКОЎ І ГІСТАРЫЧНЫ ФАКУЛЬТЭТ БДУ

IVAN IVANOVICH TUCHKOV AND THE FACULTY OF HISTORY OF BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

Первые майские дни 2016 г. в Белорусском государственном университете в Минске впервые в истории российско-белорусского сотрудничества проходили Дни исторического факультета МГУ на историческом факультете БГУ. Декан исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова доктор искусствоведения, профессор Иван Иванович Тучков прибыл с делегацией сотрудников деканата, ведущих кафедр и ведущих историков факультета в Республику Беларусь для участия в этих мероприятиях.

Так сложилось, что в этой поездке оказалось много символического и знакового. Это был первый официальный международный визит Ивана Ивановича после избрания его на должность декана исторического факультета (к слову, И. И. Тучков – первый в истории этого факультета декан-искусствовед). Впервые за всю историю российско-белорусского межуниверситетского сотрудничества в таком формате проводились совместные мероприятия. Международные конференции, обмен преподавателями, студентами, рабочие встречи проходят регулярно, но масштабной программы, объединившей все эти форматы в единый цикл, не проводилось никогда раньше. Кроме того, этот визит проходил в майские дни перед самым Днем Победы – праздником, который роднит народы наших стран. И именно это ощущение уникальности происходящего, одновременно преемственности и первооткрытия, сопровождало всех участников мероприятия на протяжении всего визита.

Ивана Ивановича горячо встретили в Минске руководство исторического факультета и университета, сотрудники и учащиеся. В рамках визита было запланировано много представительских встреч. Открывал программу ректор БГУ академик Сергей Владимирович Абламейко. Затем прошла серия рабочих встреч историков с руководством и сотрудниками исторического факультета БГУ... Вне зависимости от формата и длительности встреч на всех уровнях сразу установилась взаимная симпатия и полное взаимопонимание. В этом, без сомнения, большую роль сыграли замечательные человеческие качества Ивана Ивановича Тучкова. Участие и любовь проявлялись в его общении и с заслуженными, почтенными профессорами и сотрудниками исторического факультета БГУ, и с совсем юными историками. С вниманием и неподдельным интересом воспринимал Иван Иванович информацию в музеях исторического факультета БГУ и истории

БГУ, на экскурсиях по Минску, соприкасаясь с достопримечательностями Беларуси...

Исключительным в памяти остался и день 5 мая 2016 г., когда И. И. Тучков читал свою открытую публичную лекцию для студентов, аспирантов, сотрудников исторического факультета БГУ и других учреждений высшего образования Минска, сотрудников белорусских музеев и всех интересующихся. Тема лекции «Ренессансная вилла как образ мироздания» была напрямую связана с областью специализации Ивана Ивановича, которой он посвятил всю свою научную жизнь, начав еще со времени студенчества. Как бы сложны и затейливы ни были хитросплетения искусствоведческой мысли, какими бы витиеватыми ни казались выводы учебного, энциклопедизм, обаяние, харизма личности лектора нивелировали все нюансы специализации и позволили ему донести до широкой аудитории самые непростые и специальные аспекты лекции, сделав их интересными и понятными, ориентированными и на специалистов в истории искусства, и на тех, кто имел о ней самые общие представления. Давая обзор архитектуры вилл эпохи итальянского Возрождения, Иван Иванович на наглядных примерах представил их как страницы истории, в которых отразились ключевые особенности мировоззрения и психологии современников этих проектов...

Без преувеличения блестящие ораторские качества Ивана Ивановича, его чувство юмора, невероятной широты знания, легкость подачи сложнейшего материала, увлеченность и умение увлечь своей профессией неизменно располагали к нему слушателей. Так произошло и в Минске: полный зал слушал лекцию, забыв обо всем и затаив дыхание. Так всегда было и в Москве. Так происходило всегда на любых площадках... Глубокий анализ материала при видимой простоте, легкая форма его подачи буквально потрясли искусствоведческую общественность Минска. Сам И. И. Тучков всегда с особенной улыбкой вспоминал то свое выступление, даже упомянул о нем в интервью газете «СОЮЗ. Беларусь – Россия»: «Как лектор, могу сказать, что перед такой аудиторией выступать было легко и приятно...» Вспоминал он эту встречу еще и потому, что оценил всем сердцем истового искусствоведа то символическое место, в котором проходила встреча. Лекция о специфике архитектуры вилл благодаря организаторам мероприятия и руководству Национального художественного музея Республики Беларусь была прочитана в музее-

усадьбе «Дом Ваньковичей» – выдающемся памятнике дворцово-усадебной архитектуры Минска, который является ярким примером белорусской усадьбы XVIII–XIX вв. в самом центре современного города. И Иван Иванович, не скрываясь, наслаждался не только общением с аудиторией, оказавшейся с ним на одной волне, но и прекрасным зданием, помещением и интерьером, где эта аудитория ему внимала...

Важно специально отметить, что лекцию ждали и к ней готовились. Причем чуть ли не самыми заинтересованными оказались работники Национального художественного музея Республики Беларусь. Многие из них ранее подробно штудировали работы Ивана Ивановича по истории итальянских вилл периода Ренессанса, ведь именно на ренессансных традициях Италии впоследствии формировалась белорусская традиция украшения магнатских поместий. И хотя впоследствии годы профессиональной работы выковали настоящих специалистов, однако, по воспоминаниям заместителя директора музея-усадьбы Сергея Вечера, из кабинетов «выдуло» работников: все хотели услышать мастера, чьи труды многократно читались, его «живое слово», которое уже не даст нового профессионального знания, но поспособствует некоему единению «специальности». Директор Национального художественного музея Республики Беларусь Иван Прокопцов с улыбкой сказал: «Впервые так быстро почти опустело административное здание в предвкушении начала лекции».

Еще одна встреча с предметом научных интересов Ивана Ивановича неожиданно произошла для него в Несвиже при посещении замка, но прежде всего местного Фарного костела. Костел Тела Господня в Несвиже начал строиться в 1584 г. – в тот год, когда завершилось возведение центрального иезуитского храма Иль-Джезу в Риме. Фактически несвижский костел строился по новаторскому образцу этого храма и стал вторым барочным храмом данного типа. Многие детали внутреннего убранства связаны с итальянским искусством самым непосредственным образом. Для специалиста И. И. Тучкова это было определенным открытием, правда открытием вполне ожидаемым, так как он был вполне осведомлен об итальянских влияниях, о чем свидетельствовали целенаправленные вопросы искусствоведа. Но они выдали и другое. Увидев все многообразие проявлений белорусской культуры, восходящей к ренессансным формам, Иван Иванович с особым наслаждением рассматривал внутреннее убранство Несвижского замка и Фарного костела, восхищался живописными полотнами с изображениями белорусской шляхты, с интересом подмечал итальянские черты в парковом ансамбле Несвижа. Итогом стало сформировавшееся желание Ивана Ивановича посетить Гродно – самобытный белорусский город, просто сотканный из

встречи разных культур и традиций. К сожалению, этому желанию уже не суждено сбыться...

Еще одним ключевым мероприятием программы визита делегации исторического факультета МГУ было проведение научно-методического круглого стола «К 175-летию со дня рождения В. О. Ключевского» на историческом факультете БГУ. Круглый стол проходил в аудитории имени академика Владимира Пичеты – выпускника МГУ и первого ректора БГУ. Этот факт незримо подчеркивал глубину взаимодействия научных школ, создавал общий непротиворечивый дискурс.

Рассуждая о наследии выдающегося русского историка Василия Ключевского, профессор Тучков обратил внимание на то, что во всех произведениях историка как бы присутствует он сам, его личностные, человеческие качества, «и этим он подает пример всем историкам последующих поколений: гуманитарное знание направлено в первую очередь на человека, историческая наука – на изучение человеческих взаимоотношений». Это выступление очень характерно отразило приоритеты и принципиальные позиции Ивана Ивановича в науке и жизни: его искренний, неподдельный интерес к людям, равнодушие к их чаяниям и проблемам, готовность и желание помочь, страстную увлеченность исторической наукой и преданность людям, которые этой науке служат.

Главным результатом визита стала договоренность деканов Сергея Николаевича Ходина и Ивана Ивановича Тучкова об углублении и дальнейшем развитии сотрудничества факультетов, и в первую очередь о проведении «ответного мероприятия» в Москве. Так, в 2017 г. на историческом факультете МГУ состоялись Дни исторического факультета БГУ. За год, прошедший между мероприятиями, взаимодействие факультетов снова вышло на новые рубежи, благодаря чему на торжественной церемонии открытия деканами Александром Геннадьевичем Кохановским и Иваном Ивановичем Тучковым были обозначены намерения о создании двух совместных магистерских программ: «История белорусской диаспоры» и «Историческая информатика» – с двойными дипломами МГУ и БГУ.

Как и в Минске, в Москве также прошел круглый стол. Его тема – «Познавая прошлое: опыт преподавания истории в высшей школе России и Беларуси». Почетными гостями мероприятия в Москве стали представители Дагестанского государственного университета (ДГУ), Казанского (Приволжского) федерального университета и Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. По приглашению И. И. Тучкова состоялась трехсторонняя встреча представителей руководства исторических факультетов МГУ, БГУ и ДГУ, по результатам которой исторические факультеты БГУ и ДГУ заключили соглашение о сотрудничестве.

Много важного, ценного, значимого, фундаментального осуществлено в рамках традиций меж-университетского сотрудничества и университетской жизни в принципе. Но как здесь не вспомнить, что, встречая белорусских гостей, Иван Иванович под белорусские народные песни солистов приглашенного в МГУ народного ансамбля из д. Погост Гомельской области легко пустился в пляс в самом сердце Шуваловского учебного корпуса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова! Беспрецедентно для университетской истории и практики. Беспрецедентно для декана и профессора. Незабываемо для всех участников... Потому что на первом месте для И. И. Тучкова всегда и везде были люди. Он имел дар чувствовать искренний посыл, идущий навстречу его начинаниям, и дар внутренней легкости отвечать добром на добро без условностей. И именно поэтому в любой ситуации он оставался естественным и органичным.

Иван Иванович неоднократно подчеркивал, что «любое гуманитарное знание развивается, только когда сосуществует много точек зрения», поэтому он горячо поддерживал все инициативы, направленные на интенсификацию российско-белорусского сотрудничества в образовании и науке, создание авторитетной площадки, где представители ведущих исторических центров двух стран смогли бы обсуждать самые актуальные вопросы современной историографии, вырабатывать общие научные подходы. Он делал все, чтобы такой площадкой в России стал исторический факультет МГУ, опираясь на коллег, курирующих учебно-научное направление «История Беларуси и белорусской диаспоры». Для него принципиально важной была возможность сохранить и транспонировать поколениям новых историков уникальные университетские традиции, сохранить преемственность научных школ. Выступая перед российскими и белорусскими историками, Иван Иванович ска-

зал однажды: «Мы все представители той научной школы, которую можно назвать “советская”...», – вкладывая в эту фразу искреннее, горячее стремление не только совершенствовать методы, формы, форматы научной и педагогической работы, что, без сомнения, интенсивно осуществлялось на историческом факультете МГУ во время руководства им И. И. Тучкова, но и взлелеять, взрастить в учениках чувство научного единства, взаимопонимания, доверия, сам дух университетского братства, основанный на преданности учителям без погрешности на время и эпохи.

Именно с этим стремлением Иван Иванович приехал в мае 2016 г. в свой первый деканский официальный визит в Минск. Именно так, с дорогой душой и открытым сердцем, принимал он гостей из Беларуси на историческом факультете МГУ в 2017 г. Если можно сказать, что «он всеми силами помогал продвигать развитие российско-белорусского сотрудничества», то точно о нем, о Тучкове...

Все это и многое другое, что сделал И. И. Тучков, позволило историческим факультетам двух ведущих университетов Беларуси и России открыть принципиально новые перспективы нашего меж-университетского взаимодействия. Состоявшееся в октябре 2018 г. самое на данный момент масштабное меж-университетское мероприятие – Первый меж-университетский форум Союзного государства Беларуси и России «Образование и наука в МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ: традиции и перспективы» и Российско-белорусские дни дружбы стали возможными во многом благодаря предшествующим самозабвенным усилиям Ивана Ивановича Тучкова – декана, заведующего кафедрой, профессора. Друзья и соратники, ученики и коллеги, потерявшие его, сделали все, чтобы системно продолжить начатое с понятными и сильными перспективами. И не остановятся на сделанном.

О. В. Солопова¹³, А. А. Прохоров¹⁴, А. В. Козопольская¹⁵

¹³Оксана Вячеславовна Солопова – кандидат исторических наук, доцент; заместитель декана – ученый секретарь, руководитель лаборатории истории диаспор исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Аксана Вячаславаўна Салапава – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; намеснік дэкана – вучоны сакратар, кіраўнік лабараторыі гісторыі дыяспар гістарычнага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава.

Oksana V. Solopova, PhD (history), docent; deputy dean – academic secretary, head of the laboratory of the history diasporas, faculty of history, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: osolopova@mail.ru

¹⁴Андрей Аркадьевич Прохоров – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Андрэй Аркадзьевіч Прохараў – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Andrei A. Prokhorov, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: andrei_prokhorov@mail.ru

¹⁵Александра Вадимовна Козопольская – младший научный сотрудник лаборатории истории диаспор исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Аляксандра Вадзімаўна Казопальская – малодшы навуковы супрацоўнік лабараторыі гісторыі дыяспар гістарычнага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава.

Aleksandra V. Kozopol'skaya, junior researcher at the laboratory of history of diasporas, faculty of history, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: klin24a@gmail.com

**СПИСОК НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ
ПРОФЕССОРА ИВАНА ИВАНОВИЧА ТУЧКОВА**

**СПІС НАВУКОВИХ І ВУЧЭБНА-МЕТАДЫЧНЫХ ПРАЦ
ПРАФЕСАРА ІВАНА ІВАНОВІЧА ТУЧКОВА**

**LIST OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL WORKS
OF PROFESSOR IVAN IVANOVICH TUCHKOV**

1. Фреска Понтормо в Поджо а Кайяно и античная традиция // Проблемы истории античности и средних веков : сб. ст. / под ред. Ю. М. Сапрыкина ; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1980. С. 142–154.
2. Художественные особенности росписи итальянских вилл XVI века // Проблемы истории античности и средних веков : сб. ст. / под ред. Ю. М. Сапрыкина ; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1981. С. 158–169.
3. *Поцца Н.* Тициан / коммент. И. И. Тучкова. М. : Искусство, 1981. С. 191–202.
4. *Нардини Б.* Встречи с Микеланджело / вступ. ст. и примеч. И. И. Тучкова. М. : Дет. лит., 1985.
5. «Рука, послушная рассудку...». Черты метода Микеланджело // Юный художник. 1989. № 2. С. 29–33.
6. Классическая традиция и искусство Возрождения (росписи вилл Флоренции и Рима). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1992.
7. «Genius Loci». Вилла д'Эсте в Тиволи // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения : сборник. М., 1997. С. 177–190.
8. Италия глазами русских путешественников // Русская мысль. 1998. № 4208–4211.
9. Италия глазами русских путешественников. «Журнал путешествия» неизвестного по Италии // Русская мысль. 1998. № 4213–4215.
10. Миссия в Риме князя Бориса Ивановича Куракина в 1707 году // Русская мысль. 1998. № 4224–4227.
11. «Записки» Екатерины Романовны Дашковой о пребывании в Италии // Русская мысль. 1998. № 4245–4247.
12. История зарубежного искусства // Историческое образование. Программы общих курсов : сборник / отв. ред. С. П. Карпов. М., 1998 (в соавт.).
13. «Записки» Екатерины Романовны Дашковой о пребывании в Италии // Итальянский сборник = *Quaterni italiani* : сб. науч. тр. / редкол.: В. Д. Дажина [и др.]. М., 1999. Вып. 1. С. 120–165.
14. *Нере Ж.* Густав Климт / науч. ред. И. И. Тучков. М. : Taschen : Арт-Родник, 2000.
15. *Хаген Р.-М., Хаген Р.* Питер Брейгель Старший. Крестьяне, дураки, демоны / науч. консультация И. И. Тучкова. М. : Taschen : Арт-Родник, 2000.
16. Память и забвение. Раннехристианские фрески в акварелях Федора Реймана // Русская мысль. 2000. № 43.
17. *Номо Faber.* Портрет историка искусства (к 75-летию В. Н. Гращенкова) // Итальянский сборник = *Quaterni italiani* : сб. науч. тр. / редкол.: В. Д. Дажина [и др.]. М., 2000. Вып. 2. С. 5–30 (в соавт.).
18. От приюта охотников к загородной резиденции. Регулярный парк виллы Ланте в Баньяйя // Искусствознание. 2001. № 1, ч. 1. С. 209–223.
19. Вилла Джулия на Виа Фламиния в Риме // Человек в культуре Возрождения : сб. ст. / отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2001. С. 137–152.
20. «Икона» Нового времени. «Черный квадрат» Казимира Малевича // Интеррос : корпорат. журн. 2001. № 1.
21. *Джирарди М.* Микеланджело / науч. ред. И. И. Тучков. М. : АСТ (Астрель), 2001.
22. *Хозништат П.* Леонардо да Винчи / науч. ред. И. И. Тучков. М. : АСТ (Астрель), 2001.
23. История зарубежного искусства // Историческое образование. Программы общих курсов : сборник / отв. ред. С. П. Карпов. 2-е изд. М., 2001. Ч. 2 (в соавт.).
24. Искусство Возрождения в Италии / авт. сценария, подбор ил. материала и вед. И. И. Тучков ; к/с «Актуальный фильм». 10 сер. по 50 мин. 2002.
25. Имперский классицизм // Родина : рос. ист. ил. журн. 2002. № 8. Спец. вып. : Россия и Наполеон. С. 13–16.
26. Вилла над Ватиканом // Юный художник. 2002. № 9. С. 25–29.
27. Гимн во славу ренессансной виллы. Декорация лоджии Палаццины Гамбара в Баньяйя // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура (посвящается 100-летию со дня рождения Виктора Никитича Лазарева (1897–1976)). СПб., 2002. С. 419–433.
28. Триумфальный въезд и торжественный прием. Villa Giulia на Via Flaminia в Риме // Итальянский сборник = *Quaterni italiani* : сб. науч. тр. / редкол.: В. Д. Дажина [и др.]. М., 2003. Вып. 3. С. 120–169.
29. «Подвиги Геракла» на вилле Фарнезе в Капрарола // Миф в культуре Возрождения / отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2003. С. 164–178.
30. Вилла Абамелек в Риме // Пинакотекa. Журнал для знатоков и любителей культуры. 2003. № 16/17. С. 196–198.
31. Париж – Санкт-Петербург. 1800–1830. Когда Россия говорила по-французски... : кат. выст. / авт. концепции И. И. Тучков. М. : Интеррос, 2003.
32. Роспись Зала делье Ассе в Кастелло Сфорцеско в Милане // Леонардо да Винчи и культура Возрождения / отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2004. С. 70–91.
33. В. Н. Гращенков // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / под общ. ред. С. П. Карпова. М., 2004. С. 104–106.
34. В. Н. Лазарев // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / под общ. ред. С. П. Карпова. М., 2004. С. 270–272.
35. Н. И. Романов // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / под общ. ред. С. П. Карпова. М., 2004. С. 393–395.

36. А. А. Сидоров // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / под общ. ред. С. П. Карпова. М., 2004. С. 418–420.
37. Г. И. Соколов // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / под общ. ред. С. П. Карпова. М., 2004. С. 434–435.
38. Genius Loci и Вилла Ланте на Яникульском холме в Риме. «Память места» в ее ренессансном истолковании // Итальянский сборник = *Quaterni italiani* : сб. науч. тр. / редкол.: В. Д. Дажина [и др.]. М., 2005. Вып. 4. С. 40–113.
39. Программа курса «Введение в историю искусства» // Программы общих курсов / под ред. В. П. Головина, В. С. Турчина ; Отд-ние истории и теории искусства. М., 2007. Т. 1. С. 7–31 (в соавт.).
40. Программа курса «Искусство Древнего Рима» // Программы общих курсов / под ред. В. П. Головина, В. С. Турчина ; Отд-ние истории и теории искусства. М., 2007. Т. 1. С. 53–85.
41. Программа курса «Искусство эпохи Возрождения» // Программы общих курсов / под ред. В. П. Головина, В. С. Турчина ; Отд-ние истории и теории искусства. М., 2007. Т. 1. С. 155–194 (в соавт.).
42. Виллы Рима эпохи Возрождения как образная система: иконология и риторика. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2007.
43. Живописная декорация вилл Рима XVI столетия. Принципы и художественные особенности // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусства. 2008. Т. 1. С. 212–217.
44. *Templum Mundi*. Л. Б. Альберти об идеале загородной жизни и вилле // Леон Баттиста Альберти и культура Возрождения / отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2008. С. 111–172.
45. Памяти Виктора Петровича Головина. 1954–2007 // Итальянский сборник. М., 2009. Вып. 5. С. 8–14 (в соавт.).
46. История искусства в Московском университете: 1857–2007 / ред. И. И. Тучков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009 (в соавт.).
47. Программа курса «Введение в историю искусства» // Программы общих курсов / под ред. В. П. Головина, В. С. Турчина ; Отд-ние истории и теории искусства. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. Т. 1. С. 7–31 (в соавт.).
48. Программа курса «Искусство Древнего Рима» // Программы общих курсов / под ред. В. П. Головина, В. С. Турчина ; Отд-ние истории и теории искусства. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. Т. 1. С. 51–82.
49. Программа курса «Искусство эпохи Возрождения» // Программы общих курсов / под ред. В. П. Головина, В. С. Турчина ; Отд-ние истории и теории искусства. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. Т. 1. С. 148–186 (в соавт.).
50. К 150-летию преподавания истории искусства в Московском университете (1857–2007) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 2010. № 4. С. 3–16.
51. Лучиано Лаурана // Культура Возрождения : энциклопедия : в 2 т. М., 2011. Т. 2, кн. 1. С. 48–49.
52. Франческо Лаурана // Культура Возрождения : энциклопедия : в 2 т. М., 2011. Т. 2, кн. 1. С. 50–51.
53. Монументальная живопись // Культура Возрождения : энциклопедия : в 2 т. М., 2011. Т. 2, кн. 2. С. 486–489 (в соавт.).
54. Пирро Лигорио // Культура Возрождения : энциклопедия : в 2 т. Т. 2, кн. 1. М., 2011. С. 80–82.
55. Портрет // Культура Возрождения : энциклопедия : в 2 т. М., 2011. Т. 2, кн. 1. С. 616–622.
56. Садово-парковое искусство // Культура Возрождения : энциклопедия : в 2 т. М., 2011. Т. 2, кн. 2. С. 117–121 (в соавт.).
57. Студиоло // Культура Возрождения : энциклопедия : в 2 т. М., 2011. Т. 2, кн. 2. С. 264–268.
58. Фонтан // Культура Возрождения : энциклопедия : в 2 т. М., 2011. Т. 2, кн. 2. С. 452–456.
59. Сокровищница Медичи : кат. выст. / науч. ред. И. И. Тучков. М. : Азбука, 2011.
60. Искусство античности : учеб. программа. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011 (в соавт.).
61. Шедевры античного искусства из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина / рецензент И. И. Тучков. М. : БуксМАрт, 2011. 476 с.
62. Искусство Древнего Рима : программа курса лекций. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2012.
63. Петрарка об идеале сельской жизни и вилле // От античности до современности : сб. ст. по отеч. и всеобщ. истории, посвящ. акад. РАН, засл. проф. Моск. ун-та Юрию Степановичу Кукушкину. М., 2012. С. 418–435.
64. К 80-летию исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 2014. № 1. С. 3–40 (в соавт.).
65. Памяти Веры Дмитриевны Дажиной (9 декабря 1944, Москва – 25 октября 2014, Москва) // Итальянский сборник = *Quaterni italiani* : сб. науч. тр. / редкол.: Е. Д. Федорова [и др.]. М., 2015. Вып. 7. С. 5–12.
66. Юбилей Виктора Петровича Головина // Ист. исслед. 2015. № 2. С. 323–340.
67. Джорджо Вазари и архитектура Чинквеченто: конец эпохи Возрождения // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. ст. / под ред. И. И. Тучкова [и др.]. СПб., 2016. Т. 6. С. 395–406.
68. Создание государственности – важнейший этап процесса формирования национальной идентичности // Бюл. науч.-исслед. центра истории диаспор ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. 2016. № 1 (3). С. 6–8.
69. Несколько слов об историке искусства Андрее Толстом // Искусствознание. 2017. № 4. С. 192–205.
70. Приветственное слово участникам круглого стола «Русское Зарубежье – история и наследие: к 10-летию воссоединения РПЦ и РПЦЗ» // Русское Зарубежье – история и наследие: к 10-летию воссоединения РПЦ и РПЦЗ : сб. выступлений. М., 2017. С. 7–8.
71. Повышение квалификации преподавателей истории: прошлое, настоящее, будущее // Материалы I Всерос. съезда преп. истории в вузах России (Москва, 16–17 нояб. 2017 г.). М., 2017. Т. 1. С. 180–193.
72. Московский Кремль – сакральный центр России // Россия. Наследие. 2018. № 1. С. 4–9.
73. «Послания к древним», или Важность классического образования // Труды кафедры древних языков. М., 2018. Т. 5. С. 5–12.
74. Алексей Владимирович Вышеславцев как историк искусства // Образы Кавказа. Музейные раритеты XIX века / под ред. И. И. Тучкова [и др.]. М., 2018. С. 287–307.
75. Русское искусство: идея, образ, текст / под ред. И. И. Тучкова [и др.]. СПб. : Алетей, 2019. 344 с.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	8
------------------	---

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Белорусские земли в составе Речи Посполитой: к 450-летию подписания Люблинской унии

<i>Подолинский В. А.</i> Социальная биография участника Люблинского сейма 1569 г.: Пётр Кисель и Тимофей Гурко.....	10
<i>Голубович В. В.</i> Люблинская уния в контексте нарративного минимализма и правового историзма конца XVI – первой половины XVII в.	22
<i>Слесаренко А. Н.</i> 1708 год в Беларуси: сравнительный анализ белых пятен трех крупнейших сражений	31
<i>Савицкий М.</i> Военные действия в Ливонии в начале XVIII в. в донесениях из Берлина английского посла Филиппа Плантамюра.....	40
<i>Луговцова С. Л.</i> Лепельская шляхта на рубеже XVIII–XIX вв.	47

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Спартак А. А.</i> Назначение древнеегипетских обелисков (согласно текстам надписей на обелисках XVIII и XIX династий).....	57
<i>Мёдовски А.</i> Ежемесячник «Prasa Kobiet» о деятельности организаций, связанных с Международной демократической федерацией женщин (март – декабрь 1946 г.).....	71

ИСТОРИЯ ИСКУССТВ

<i>Смаголь О. С.</i> Категории времени, пространства, славы и памяти в образе <i>Volto del Cavallo</i> в Ферраре....	84
<i>Чуркина Д. А.</i> Бревиарий Эрколе I д’Эсте и классическая традиция в феррарской миниатюре конца XV – начала XVI в.	96
<i>Алешин П. А.</i> Заметки о Микеланджело	105

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Попович М.</i> Мартынюк А. В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века)	114
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Бурачонок А. В.</i> Международная научно-практическая конференция «Роль университетского образования и науки в современном обществе: к столетию Белорусского государственного университета».....	117
---	-----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Михаил Павлович Костюк	121
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Белоусов Л. С., Борисов Н. С., Солопова О. В.</i> Иван Иванович Тучков (1956–2018).....	124
<i>Ванеян С. С., Кишбали Т. П.</i> Памяти Ивана Ивановича Тучкова	125
<i>Солопова О. В., Прохоров А. А., Козополянская А. В.</i> Иван Иванович Тучков и исторический факультет БГУ	128
Список научных и учебно-методических работ профессора Ивана Ивановича Тучкова.....	131

ЗМЕСТ

Ад рэдакцыі	8
-------------------	---

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

Беларускія землі ў складзе Рэчы Паспалітай: да 450-годдзя падпісання Люблінскай уніі

Падалінскі У. А. Сацыяльная біяграфія ўдзельніка Люблінскага сойма 1569 г.: Пётр Кісель і Цімафей Гурка	10
Галубовіч В. У. Люблінская унія ў кантэксце наратыўнага мінімалізму і прававога гістарызму канца XVI – першай паловы XVII ст.	22
Слесарэнка А. М. 1708 год у Беларусі: параўнальны аналіз белых плям трох найбуйнейшых баёў	31
Савіцкі М. Ваенныя дзеянні ў Лівоніі ў пачатку XVIII ст. у данясеннях з Берліна англійскага пасла Філіпа Плантамура	40
Лугаўцова С. Л. Лепельская шляхта на мяжы XVIII–XIX стст.	47

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

Спартак А. А. Прызначэнне старажытнаегіпецкіх абеліскаў (паводле тэкстаў надпісаў на абелісках XVIII і XIX дынастый)	57
Мёдаўскі А. Штомесячнік «Praca Kobiet» пра дзейнасць арганізацый, звязаных з Міжнароднай дэмакратычнай федэрацыяй жанчын (сакавік – снежань 1946 г.)	71

ГІСТОРЫЯ МАСТАЦТВАЎ

Смагаль А. С. Катэгорыі часу, прасторы, славы і памяці ў вобразе <i>Volto del Cavallo</i> ў Ферары	84
Чуркіна Д. А. Брэвіярыі Эрколе І д’Эстэ і класічная традыцыя ў ферарскай мініяцюры канца XV – пачатку XVI ст.	96
Алёшын П. А. Нататкі пра Мікеланджэла	105

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

Паповіч М. Мартынюк А. В. Да Герберштэйна: Аўстрыя і Усходняя Еўропа ў сістэме персанальных сувязей і культурных кантактаў (XIII – пачатак XVI стагоддзя)	114
---	-----

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

Бурачонак А. В. Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Роля ўніверсітэцкай адукацыі і навукі ў сучасным грамадстве: да стагоддзя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта»	117
--	-----

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Міхаіл Паўлавіч Касцюк	121
------------------------------	-----

ПЕРСАНАЛІІ

Белавусаў Л. С., Барысаў М. С., Солапава А. В. Іван Іванавіч Тучкоў (1956–2018)	124
Ваняян С. С., Кішбалі Т. П. Памяці Івана Іванавіча Тучкова	125
Солапава А. В., Прохараў А. А., Казаплянская А. В. Іван Іванавіч Тучкоў і гістарычны факультэт БДУ	128
Спіс навуковых і вучэбна-метадычных прац прафесара Івана Іванавіча Тучкова	131

CONTENTS

Editorial	8
SPECIAL TOPIC SECTION	
Belarusian Lands in the Polish-Lithuanian Commonwealth: to the 450th anniversary of the signing of the Union of Lublin	
<i>Padalinski U. A.</i> The social biography of the Lublin Diet's participant (1569): Peter Kisel and Cimafej Hurka	10
<i>Halubovich V. V.</i> Lublin Union in the context of narrative minimalism and legal historical contents in the end of 16 th – the first half of 17 th century	22
<i>Slisarenko O. N.</i> 1708 year in the Belarus: an comparative analysis of the three biggest battles blind spots.....	31
<i>Sawicki M.</i> Warfare in Livonia at the beginning of the 18 th century in relations of English ambassador Philippe Plantamour from Berlin.....	40
<i>Lougovtsova S. L.</i> Lepel district gentry at the turn of 18 th –19 th centuries.....	47
WORLD HISTORY	
<i>Spartak A. A.</i> The functions of ancient Egyptian obelisks (according to the inscriptions on the 18 th and 19 th dynasties monuments)	57
<i>Miodowski A.</i> The monthly magazine «Praca Kobiet» about the activities of organizations related to the Women's International Democratic Federation (March – December 1946)	71
ART HISTORY	
<i>Smagol O. S.</i> <i>Volto del Cavallo</i> in Ferrara: problems of time, space, glory and memory	84
<i>Churkina D. A.</i> The breviary of Ercole I d'Este and the classical tradition in Ferrara illumination of the end 15 th – the beginning 16 th century	96
<i>Aleshin P. A.</i> Notes about Michelangelo.....	105
REVIEW AND BIBLIOGRAPHY	
<i>Popović M.</i> Martyniuk A. V. Before Herberstein: Austria and Eastern Europe in the system of personal connections and cultural contacts (13 th – beginning of the 16 th century)	114
SCIENTIFIC EVENTS	
<i>Burachonak A. V.</i> International scientific and practical conference «The role of university education and science in modern society: dedicated to the 100 th anniversary of the Belarusian State University»	117
TO THE MEMORY OF SCIENTIST	
<u>Mihail Pawlavich Kasciuk</u>	121
PERSONALIA	
<i>Belousov L. S., Borisov N. S., Solopova O. V.</i> Ivan Ivanovich Tuchkov (1956–2018)	124
<i>Vaneian S. S., Kisbali T. P.</i> To the memory Ivan Ivanovich Tuchkov	125
<i>Solopova O. V., Prokhorov A. A., Kozopolyanskaya A. V.</i> Ivan Ivanovich Tuchkov and the faculty of history of Belarusian State University	128
List of scientific and educational works of professor Ivan Ivanovich Tuchkov	131

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 2. 2019**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ».

Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редактор С. Е. Богуш
Технический редактор Т. А. Караневич
Корректор Л. А. Меркуль

Подписано в печать 30.04.2019.
Тираж 100 экз. Заказ 181.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2019

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 2. 2019**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.

Until 2017 named «Vesnik BDU».

Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editor S. J. Bohush
Technical editor T. A. Karanevich
Proofreader L. A. Merkul'

Signed print 30.04.2019.
Edition 100 copies. Order number 181.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2019